

В. Т.
НАРЕЖНЫЙ

Сочинения

Василий Трофимович Нарезный Два Ивана, или Страсть к тяжбам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2547715

В.Т. Нарезный. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

Повесть «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» вышла через две недели по смерти автора. Здесь изображено сутяжничество малороссов; два соседа заводят тяжбу, которая разоряет их обоих (сюжет, позже послуживший Гоголю для его «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

Содержание

Часть первая	8
Глава I	8
Глава II	13
Глава III	19
Глава IV	25
Глава V	29
Глава VI	34
Глава VII	40
Глава VIII	45
Глава IX	51
Глава X	56
Глава XI	61
Глава XII	67
Глава XIII	71
Глава XIV	78
Глава XV	85
Глава XVI	92
Глава XVII	97
Глава XVIII	100
Часть вторая	104
Глава I	104
Глава II	109
Глава III	115

Глава IV	121
Глава V	127
Глава VI	132
Глава VII	137
Глава VIII	142
Глава IX	146
Глава X	151
Глава XI	155
Глава XII	160
Глава XIII	164
Глава XIV	170
Глава XV	176
Глава XVI	180
Глава XVII	185
Часть третья	189
Глава I	189
Глава II	193
Глава III	197
Глава IV	200
Глава V	205
Глава VI	210
Глава VII	216
Глава VIII	220
Глава IX	223
Глава X	226
Глава XI	230

Глава XII	234
Глава XIII	238
Глава XIV	241
Глава XV	244
Глава XVI	248
Глава XVII	251
Глава XVIII	256
Глава XIX	261
Глава XX	265
Глава XXI	268
Глава XXII	273
Глава XXIII	278
Глава XXIV	282
Глава XXV	286
Глава XXVI	291
Глава XXVII	294
Глава XXVIII	298
Комментарии	303
1	305
2	306
3	307
4	308
5	309
6	310
7	311
8	312

9	313
10	314
11	315
12	316
13	317
14	318
15	319
16	320
17	321
18	322
19	323
20	324
21	325
22	326
23	327
24	328
25	329
26	330
27	331
28	332
29	333

Василий Трофимович Нарезный Два Ивана, или Страсть к тяжбам

Федору Павловичу Вронченку^{1}

Милостивый государь Федор Павлович!

С давнего времени Ваше превосходительство никогда не оставляли меня без благосклонного внимания, как скоро прибегал к Вам с представлением о своих нуждах. Таковое великодушие Ваше поставляет меня в непременную обязанность оказать пред Вами, по мере возможности, свою благодарность.

Посвящая имени Вашего превосходительства новое произведение мое под названием: «Два Ивана, или Страсть к тяжбам», я ласкаюсь надеждою, что приношение сие Вы примете со всегдашним Вашим великодушием и тем обяжете меня к новой благодарности.

С совершеннейшим почтением и таковою

*же преданностию честь имею пребыть
Вышего превосходительства
Покорнейший слуга
Василий Нарежный
С. П. Бург, 2 февраля 1825 года*

Часть первая

Глава I Полтавские философы

Ужасная гроза свирепствовала на летнем полуденном небе; зияющие огни молнии раздирали клубящиеся тучи железные; рыкающие громаы приводили в оцепенение все живущее в природе; неукротимые порывы вихря ознаменовали путь свой по земле рвами глубокими, отчего взлетало на воздух все растущее, начиная от низменной травы до возвышенного тополя, и проливной дождь в крупных каплях с быстротою стрел сыпался из туч, подмывал корни древесные и тем облегчал усилие вихря низвергать их на землю.

В сие время, и подлинно невеселое, два молодые странствующие философа из Полтавской семинарии, исчерпав в том храме весь кладезь мудрости и быв

выпущены на свою волю, пробирались по глинистой дороге сквозь лес дремучий.

Почти на каждом шаге они останавливались, чтобы или закрыть руками глаза, ослепляемые блеском молнии, или заткнуть уши, оглушаемые разрывами грома, или смыть со щек и выжать с усов жидкую грязь, со шляп струившуюся.

– Вот настоящий Девкалионов потоп^{2}, – сказал один из философов, – для чего здесь такое множество бесполезных для нас больших деревьев, а не видать ни одной глубокой труппы, где бы можно было осушить и обогреть кости? Как же неразумны были мы, любезный друг Коронат, что не послушались благих советов миргородского протоппа, уговаривавшего нас остаться у него на ночь!

– Твоя правда, друг мой Никанор, – отвечал другой, – протопп не напрасно предсказывал грозу и бурю, но ты во всем виноват. Тебя никак нельзя было уговорить, чтоб остаться и в безопасном убежище петь псалмы и стихеры^{3} и принимать рукоплескания.

– Твоя правда, – отвечал первый с возвышенным лицом, – но мне хотелось если не к ночи сегодня, то по крайней мере завтра поутру обнять своих родителей, с коими я не видался целые десять лет.

– И я столько же времени лишен был сего удовольствия, – отвечал Коронат, – однако согласился бы еще

столько же времени быть лишенным оно, чем сегодня достаться на ужин какому-нибудь волку или медведю!

Таким образом рассуждая то вслух, то про себя, наши молодые бедняки продолжали тягостный путь свой. Вдруг остановился Никанор, водвинул шляпу на макушу, сложил персты правой руки наподобие зрительной трубки и, приставя к глазу, начал куда-то приглядываться. Коронат хотя не знал, что такое затеял друг его, однако принял такое же положение и глядел туда и сюда, смотря по оборотам головы Никаноровой. Наконец сей последний радостно надвинул шляпу на брови и, схватя приятеля за руку, сказал вполголоса:

– Ну, слава богу! Посмотри сюда, вот прямо против моего пальца, – что видишь ты?

– Ах, – отвечал тот, – я вижу саженьях в десяти от дороги на небольшой лужайке стоящую кибитку с опущенною циновкою!

– Так! – продолжал Никанор, – а примечаешь ли, что под кибиткою лежит на траве нечто весьма толстое, покрытое черным войлоком?

– Точно! это, наверное, хозяин укрывается от непогоды; вот невдалеке и пара коней, привязанных к осине.

– Пойдем же туда и усядемся по сторонам сего мно-

гоопытного Улисса, не ходящего, подобно нам, под дождем по уши в грязи, а всегда имеющего при себе священный эгид Минервин^{4}, то есть свою кибитку.

– Хорошо! пусть это будет сам леший, то и он не поступит с нами хуже теперешнего. Пойдем!

Путники, увещевая один другого быть неробкими, начали пробираться меж деревьями к вожделенному пристанищу. Дорогою Никанор молвил:

– Однако, дружище, кто бы ни был лежащий под войлоком, а нам не надобно пред ним бесчестить шляхетского своего звания. Посмотри-ка на меня пристальнее, на кого похожу я?

– На того окаянного, – отвечал Коронат, – который, вопия под ударами огненного меча архангела Михаила^{5}, клубится по земле у ног его!

– То-то же! И ты, как две капли воды, похож на того же раторборца с нетопырьими крыльями!

– Как же быть? Мы нес скоро можем опять походить на людей!

– А вот что: если незнакомец будет любопытен и захочет знать, кто мы, куда и откуда, то скажем, что мы дьячковские дети из Полтавы; что, пользуясь вакантными днями, расхаживаем по полям и лесам, по городам, хуторам и селам, поем православным душеполезные стихеры и говорим речи: сим средством стараемся собрать столько, чтоб по возвращении в дома

можно было одеться в новое платье.

– Щегольская выдумка!

– Пойдем же!

Не говоря ни слова, притаивая дыхание, они пошли далее, достигли вскоре своего эгида, сколь возможно тише уселись под оным, сняли шляпы и начали полегоньку щипать траву и вытирать ею лица свои. Вскоре дождь и вихрь поутихли, тучи мало-помалу рассеивались и летели к востоку. На западном небе начало просиявать багровое чело солнцево, готовящееся вскоре опочить за пределами нашего небосклона.

Глава II

Нечаянная встреча

Тут философы увидели, что войлок пошевелился, послышалась сильная зевота, и медленно две ноги показались; сейчас послышался басистый голос: «Ну, что ты?» – и еще две ноги выставились.

Мои студенты всполошились, да и не диво: всякая нечаянность приводит нас в недоумение, а недоумение рождает боязливость, отсутствие духа и делает не способными ни к чему путному. Однако ж надобно отдать справедливость, что ученые витязи недолго пробыли в мучительной нерешимости; они отважно взглянули один на другого, придвинули к себе страннические посохи, похожие на булаву Геркулесову^{6}, и Никанор пошептал что-то на ухо своему спутнику. Они погладили чубы, раздвинули усы, раздули щеки, открыли рты и с величайшею отвагою возопили: «Заблудих яко овча погибшая; погна враг душу мою; посади, мя в темных, и уны во мне дух мой!»

В продолжение сего сладкогласия войлок шевелился, и по движению его приметно было, что скрывающиеся храбрецы усердно крестились, а сие немало ободрило студентов, ибо они удостоверились, что

слушатели их не лешие и не вовкулаки.¹ Чтобы себя более показать и задобрить хозяев кибитки, полтавские Амфионы смигнулись, раздули щеки пуще прежнего и с ужасным громом заревели [7]: «Отрыгнут устне мои пение, провещает язык мой словеса твоя».

– С нами крестная сила! что за бесовщина! – раздались голоса из-под войлока: он быстро открылся до половины, и двое пожилых мужчин, приподнявшись, уселись против студентов; закатывающееся солнце багряными лучами освещало лица сих последних, испещренные засыхающею грязью.

Разумеется, что с появлением грозных восклицателей отважные певчие взглянули на них хотя без робости, однако и не без замешательства, опустили взоры в землю и сжали губы.

Хозяева кибитки и по самой наружности, казалось, были люди степенные и не простые. Они одеты были в синие черкески, и у одного висела при боку ужасная сабля, а другой имел за поясом кожаный футляр, в каких обыкновенно приказные грамотеи носят свинцовую чернилицу, несколько перьев, ножик с приделанною к нему печатью и палку сургучу. Они захотели знать о житье-бытье гостей своих, о их роде и племе-

---

¹ По суеверному преданию, сим именем называются оборотни, имеющие туловище волчье и бегающие на шести руках и стольких же ногах людских.

ни, и друзья удовлетворили их желанию по сделанному прежде условию. Тут человек при сабле, положив сей признак своего рыцарства к себе на колени, воззвал:

– Если вы и впрямь честные парни и ничем другим не защищаете себя от голода и холода, как только одним распеваньем душеполезных стихер, то я могу вас поздравить с находкою. Вы видите в нас двух из первостатейных шляхтичей в большом селении, за пятнадцать верст отсюда лежащем. Оно называется село Горбыли. От самых отроческих лет до полуседых усов мы были друзья и надеемся, что останемся друзьями до опущения в могилы. Мы оба называемся Иванами, а для различия нас в посторонних беседах с некоторого времени стали называть меня Иваном старшим, а друга моего – Иваном младшим.

Послезавтра настанет в селе нашем великий всеобщий праздник, именно ярмарка, по случаю дня Ивана Купала,² а в домах наших не меньше радостный праздник, потому что мы оба именинники и в тот день торжествуем на выказку.

Если вы согласитесь погостить в домах наших несколько дней и повеселить нас и друзей наших пе-

---

² Так называется праздник Иоанна Крестителя, торжествуемый 24 июня. Он и поныне сопровождается многими суеверными обрядами, оставшимися от древних времен.

нием и сказыванием похвальных речей, на что весьма удалы вообще все церковники, то уверяю моею шляхетскою честью, что идти далее и драть горло вы не будете иметь надобности, ибо я одену вас с ног до головы в новые платья!

– А я, – прервал слова его человек с кожаным футляром, – наделю на дорогу всеми житейскими припасами, коих достанет до самой Полтавы, а сверх того, в карманах ваших звенеть будет по несколько злотых. Как же это кстати! В селе Горбылях есть довольно панов Иванов, кои там же в именины свои захотят повеселиться и потешить других; у них, конечно, – благодаря ярмарке, – запляшут медведи, зазвенят цимбалы и загудят гудки, в чем и у нас недостатка не будет; но вдобавок в светелках наших раздастся сладкое песнопение, чем уже им похвастаться не удастся. Итак, студенты, если вам нравится наше предложение и вы хотите, чтоб мы устояли в своем шляхетском слове, то дайте обещание, что не прельститесь никакими обещаниями других панов и, что бы они вам ни обещали, не заглянете на дворы их и перед их окнами даже ртов не разинете. Что вы на это скажете?

Студенты пришли в немалое замешательство, поглядывали на шляхтичей, друг на друга и не знали, что отвечать. Однако ж Никанор, первый одумавшись, с видом чистосердечия произнес:

– Почтенные паны! ваши ласковые слова стоят, чтоб и мы были с вами откровенны. Не скроем от вас, что хотя мы теперь, по изволению разъяренных стихий, походим более на оборотней, чем на создание божие, однако было бы вам известно, что оба принадлежим к сословию благородного шляхетства, и хотя родители нами не могут назваться богачами, но и не бедны, и мы оба, проживши в Полтаве по десяти лет, не имели нужды ни в пище, ни в одежде, ни в пристанище. Конечно, приятно было бы для нас после столь продолжительной отлучки явиться в дома отцовские в новой одежде и с деньгами, чем мы самим себе были бы обязаны; но и того весьма не хочется, чтобы провести не у них наступающий праздник, ибо наши отцы называются Иванами и ко дню тезоименитств их изготовлены у нас прекрасные кантаты и похвальные речи.

Шляхтичи посмотрели один на другого с недоумением, и взоры их просияли.

– Когда так! – вскричал Иван старший, – как имена ваши, как прозываются родители и где их жительство?

– Когда мы отправляемы были в Полтаву, – отвечал Никанор, – то они жили в хуторах своих, расположенных на небольшой безыменной речке, впадающей в реку Псел, невдалеке от села Горбылей; меня зовут Никанором, а отца моего Иваном Зубарем.

– А я, – подхватил другой, – называюсь Коронатом, а отца моего Иваном Хмарою.

– О вы, святые угодники киевские! о всеблагая мати Ахтырская!^{8} – вскричали в один голос оба Ивана и вскочили на ноги. Студенты, не зная сами для чего, то же сделали; тут старики повисли на их шеях, и обильные слезы заструились по щеках их.

– Возможно ли! – возопил, всхлипывая, один Иван, – и сердце твое, сын мой, ничего тебе не сказала при первом на меня взгляде?

– Как это случилось, – говорил сквозь зубы другой Иван, – что я не узнал тебя, мой любезный сын?

Юноши стояли сначала неподвижно; но вскоре нежность родителей, их ласки и приветствия разлили и сердца детей сладостное чувство любви и благодарности: глаза их померкли от выступивших слез, и они в безмолвии лобызали щеки и обнимали колена отеческие.

Глава III

Начало тяжбы

– Каким образом это случилось, – воззвал Иван старший, – что вы прежде положенного срока здесь очутились? Мы торжественно условились с начальством семинарии, что не прежде вас обоих возьмем в свои дома, как по истечении полных двенадцати лет вашего там пребывания; а срок сей исполнится еще через два года!

– Мы кончили курс философии в продолжение десяти лет; нам нечего уже было там делать; и чтоб мы по-пустому не тратили времени, начальство исключило нас из списков.

– Хорошо, – сказал Иван старший, – итак, нам ничего нельзя сделать лучшего, как поворотить оглобли назад и порадовать прибытием вашим свои семейства.

– И впрямь так, – заметил Иван младший, – оставим покудова судей в покое, и пусть виноватые без остановки и помешательства отпразднуют дни ярмарочные. Ведь этого никто не назовет трусостью?

– Сохрани от того бог всякого, кто на сей грех покусится! – вскричал Иван старший, – он навлечет тем на себя новую и самую упорную тяжбу.

– Тяжбу? – воскликнули оба студента. – Неужели и под мирными сельскими кровлями может обитать тяжба, сие истое порождение ада?

– Не только под нашими соломенными крышами укрывается сие адское чад, – отвечал Иван младший, – но оно там угнездилось, породило чад и внучат и не выродится до дня Страшного суда. О нашей тяжбе я расскажу вам в свое время в надежде, что вы, как благодарные дети, а притом и шляхтичи, примете в сем деле живое участие.

В силу последовавшего совещания все принялись за работу: один Иван впрягал лошадей, другой выжимал воду из циновки, закрывавшей кибитку; студенты обивали грязь с колес и боков ее и так далее. Когда все было готово, то отцы уселись на козлах, сыновья на облочках, и, перекрестясь, пустились в путь, в продолжение коего им не встретилось уже никакого препятствия.

В самые сумерки въехали они в селение и остановились на дворе Ивана младшего. На ту пору и семейство Ивана старшего было там же, и когда матери горевали о злой участи всех позывающихся,³ а бывшую ужасную непогоду приписывали праведному наказанию неба за неправо дело их супругов, вдруг ввалились они в светелку с двумя спутниками. Как скоро

---

³ Позываться есть техническое слово и значит: судиться, тягаться.

узнали все, кто сии последние, то поднялись радостные восклицания и взаимные объятия. Остаток вечера и часть ночи прошли в мирном веселии, и о тяжбе не упомянуто ни одним словом. Иван старший, уходя домой с своим семейством, пригласил к себе на весь следующий день Ивана меньшого с родством его и нужными для прислуги домочадцами. Вследствие сего приглашения Иван младший со всем семейством и прибыл в дом Ивана старшего.

По окончании сельского обеда в саду под развесистою яблонью студенты пропели уставом ^{9} благодарственную песнь, и оба семейства расположились на траве зеленой. Иван младший, обратись к обоим ученым, сказал:

– Я обещал вам рассказать о начале и продолжении нашей тяжбы, такой упорной, непримиримой, какой от присоединения Малой России к Великой, чему уже минуло более семидесяти лет, в здешнем краю никто не запомнит.

Слушайте. Лет около десяти перед сим мы, оба Ивана, покойно жили в хуторах своих, занимаясь в простые дни сельским хозяйством, а праздничные проводя за горшками варенухи в диспутах философских ^{10}; ибо, да будет вам известно, мы не хуже в свое время отличались в селе Горбылях на крилосе, как и странствующие студенты Переяславской семинарии.

Муж твоей тетки, Никанор, в сказанное время подарил меньшому брату твоему, пятилетнему мальчику, пару кроликов. Ему дозволено было поместить их в избушке, на конце сада находившейся и служившей для складки садовых и огородных орудий. Зверьки начали плодиться, и в течение года с небольшим явилось их маленькое стадо. По прошествии нескольких весенних недель, когда оба наши семейства, в послеобеденное время сидя под цветущими вишневыми и сливяными деревьями, слушали рассказы Ивана старшего о военных его подвигах и на досуге высчитывали количество будущих плодов, раздавшийся мгновенно ружейный выстрел привел всех в содрогание; однако мы скоро оправались, вскочили и подбежали к плетневому забору, разделявшему оба сада. Тут опять последовал выстрел, и мы вскоре увидели, что прямо к нам бежит куча кроликов, один без ноги, другой без уха, третий без зубов, все облитые кровью. Брат твой поднял вопль: «Мои кролики!», и тут же показался сосед Ивана, шляхтич Харитон Заноза, с ружьем в руках, а за ним следовал пятилетний сын его Влас, неся в руках с полдюжины убитых кроликов. Кто опишет меру нашего негодования и гнева! «Что за храбрость оказал ты, пан Харитон, – вскричал друг мой Иван, – и как ты осмелился так буянить?» Сосед, не скидывая колпака, – а надо знать, что мы оба бы-

ли с открытыми головами, – подошед к самому забору, сказал: «На сегодняшней ужин дичины довольно; и я сказываю тебе, пан Иван, что если не переведешь сих проклятых животных, которые, поделав норы из своего убежища в мой сад, произвели в нем множество опустошений молодым деревьям и растениям, то я вскорости всех их доконаю, а сверх того, стану с тобою позываться». – «Ах ты невежа, бурлак! и ты осмелился говорить это военному человеку, не скинув колпака!» – вскричал друг мой Иван, с быстротою ветра выдернул кол из забора, взмахнул – и колпак взвился на воздух. Но как это сделано второпях, то кол как-то задел соседа по уху, оттоле соскочил на висок, сосед полетел на траву, сын его поднял вопль, и мы с торжеством возвратились каждый в дом свой.

Вот основа тяжбы. Начались следствия, переисследования, и день ото дня дело наше становилось запутаннее. Я, будучи человек приказный, помогал другу своему советами и пером, а за то и самого меня опутали сетью неразрывною; а он, не хотя остаться в накладе, за всякое зло, делаемое паном Харитоном, отплачивал настоящею пакостью, и таким образом во всегдашнем ратоборстве протекло около десяти лет. В течение сего времени с нашей стороны погублены: целое стадо гусей, уток, множество свиней, овец, коз и баранов; зато и у пана Харитона убыло: три пары ра-

бочих волов, две лошади и несколько коров с теленками. Но это мелочи! Харитон сожег у меня гумно, а мы выжгли у него целое поле с созревшим хлебом; он подкопал у нас водяную мельницу, а мы сожгли у него две ветряных. Но кто исчислит все убытки, кои одна сторона другой причинила! Чтобы успешнее действовать в свою пользу, мы переселились в село Горбыли; и пан Харитон, смекнув о нашем умысле, тому же последовал и живет теперь здесь на другом краю селения.

Сегодня мы пустились было в Миргород кое с чем, чтобы понаведаться о своем деле и попросить; но вышло иначе, и мы очень обязаны бывшей грозе, остановившей нас в лесу: иначе мы бы разминулись.

Глава IV

Ярмарка

На другой день ярмарка открылась. Далеко от места ее расположения слышны были звуки гудков, волынок и цимбалов; присоединя к сему ржание коней, мычание быков, блеяние овец и лай собак, можно иметь понятие о том веселии, какое ожидало там всякого. В сей день оба дружеские семейства обедали опять у Ивана старшего со множеством союзных панов и полупанов.⁴

Дети и жены приступили к старикам своим с просьбами о дозволении участвовать в общем веселии, и Иван старший послал слугу осведомиться, нет ли там ненавистного пана Харитона, с которым они решились нигде не встречаться, кроме миргородской сотенной канцелярии; и как скоро было объявлено, что пана Занозы не видно, то все людство отправилось к месту празднества, приказав для большей пышности следовать за собой слугам и служанкам, кои все были в нарядных платьях и хотя босы, но для такого великого дня чисто-начисто вымыли ноги.

Уже посетители наши обошли несколько раз вдоль

---

⁴ Так называется шляхетство, не имеющее во владении крестьян.

и вокруг ярмарочной площади; уже оба Ивана и некоторые из сопутников запаслись батуринским табаком; уже супруги их в обеих руках держали по коробочке с шелками, иголками и булавками; уже на руках дочерей блистали серебряные перстни: как вдруг, при вступлении в главную улицу, показался пан Харитон со всеми домашними и множеством гостей обоего пола, в числе коих отличались – о ужас! – сотенной канцелярии писец Анурии и с ним два подписчика. Куда деваться панам Иванам! Младший намеревался было обратиться в бегство, но старший вскричал:

– Что ты? чего испугался? Разве не здесь я и не при сабле? Смотри, как я храбро выступать стану!

Иван младший устыдился своей трусости, поправил шляпу, прикрутил усы, и хотя с биющимся сердцем, но с наружным хладнокровием шествовал вслед своего друга. Скоро витязи сошлись. Задорный Заноза, обратясь к своим гостям, сказал с коварною усмешкою:

– Какое же множество здесь овец и баранов! Иван младший толкнул под бок старшего, и сей, выпуча глаза, сказал значительно:

– А я вижу одну только злую собаку, окруженную пастырями-наемниками!

Оба сборища остановились, и пан Заноза, подошед, избоченясь, к пану Ивану, произнес:

– Эта собака кого-нибудь укусит больно!

– А дубина на что?

– Дубиной ничего не сделаешь, как скоро кто-нибудь запустит когти в чей-нибудь чуб!

– Можно вырвать или отрубить когти!

– А если кто-нибудь заблаговременно переломает кому-нибудь руки?

– Плюю на всякого кого-нибудь!

С сим словом Иван старший плюнул, но так неосторожно, что слюни вlepились прямо в лоб пана Харитона. Всех объял ужас, а женщины болезненно возопили. Иван старший сам оробел, однако, приосанясь, сделал шаг вперед; но опять остановился, увидя поднимающуюся в руке палку. Она взвилась на воздухе и, подобно стреле молнийной, ниспустилась на голову Ивана старшего, и с такою силою, что шляпа, осунувшись, закрыла все лицо пораженного. Пан Харитон хотел было нанести вторичный удар; но усердный друг, на сие время из мягкосердечного теленка сделавшийся сердитым вепрем, так ловко огрел своим кием по руке забияку, что палка полетела на землю и рука опустилась.

Однако упрямый пан Заноза размышлял недолго; он схватился за ефес сабли, но сметливый писец Анурии и оба подписчика поймали его за руки, завернули их за спину, и первый воззвал:

– Пан Харитон! какая польза, следовательно, какая и честь, что ты прольешь кровь человеческую? Кроме убытков, горя и, наконец, несчастья, от этого ничего не будет! Не лучше ли тебе позываться? Я с сею челядью моих подписчиков переночую у тебя, а завтра или послезавтра настрою прошение в сотенную канцелярию, и все вместе пустимся в город.

Пан Харитон в знак согласия с мыслями такой знаменитой особы, какова была писец сотенной канцелярии, кивнул головою и кинул свирепый взор на обоих Иванов, не удостоя их ни одним словом. Рукам его дана свобода, и он потек в обратный путь.

– Что? – спросил велегласно Иван старший, – какво поступил я с нахалом?

– Ох! – отвечал младший, – если бы не мой кий, то макуше твоей несдобровать бы!

Тут согласились они отправиться к Ивану младшему и у него провести вечер, ибо он также в сей день был именинник, да и звук музыки был в доме его слышнее, чем в доме Ивана старшего.

Глава V

Две сестры

Всем известно, что в послеобеденное время желудок, наполняя себя пищею, разливает по каждому составу тела человеческого какую-то лень и непреодолимую склонность к дремоте, даже к бездействию. Чем же от сих супостатов избавляются люди? Англичане – пуншем, французы – шампанским, немцы – глейнтвейном, а малороссияне – варенухою.⁵

Когда ланиты у панов покраснели как маков цвет и табачный дым за клубился вокруг каждого, то женщины, девицы и дети удалились в противную сторону сада лакомиться вишнями, сливами, клубникою и малиною, а остались одни друзья с возрастными сыновьями, из числа коих Никанор и Коронат, яко философы, пособляли отцам своим и друзьям их осушивать корчаги^{11} с напитком и распространять круги табачные.

Когда у всех собеседников сердца разнежались, то Никанор воззвал:

– Батюшка! скажи, пожалуй, кто те две прелестные девушки в полосатых платьях, которые упали на ру-

---

⁵ В изданной мною книжке под названием «Аристион» объяснено, из чего составляется сей напиток.

ки жены Харитоновой, когда сей людоед поразил тебя дубиною по макуше?

У пана Ивана старшего наморщилось чело; он возвел глаза на небо, потом на сына Никанора и спросил, не делая точного вопроса:

– Прелестные девицы? И эти ведьмы могли показаться ему прелестными! О Никанор! о сын мой первородный! если осмелишься впредь произнести в доме моем ненавистные имена: Харитона, жены его Анфизы, сына Власа и дочерей Раисы и Лидии, то прошу мой дом считать чужим. Я один с другом моим Иваном, оказавшим незадолго пред сим удалство свое противу чаяния, и с помощью сына его Короната стану продолжать тяжбу и надеюсь доказать, что плюнуть кому б то ни было в лицо есть нечто совсем другое, чем быть поражену от него дубиною по лбу.

– Итак, батюшка! – вступил в речь Коронат, – Лидию называется младшая сестра? Ах! какое прекрасное, пленительное имя!

– И ты туда же? – вскричал Иван младший. – Разве не слышал ты, что они дочери Харитоновы?

– Разве между кустами крапивы не растет фиалка? – сказал вспыльчиво Никанор, и отец отвечал:

– Конечно, растет; но попытайся сорвать ее, ан больно обожжешь руку.

Оставим лишние вздоры; вы оба, наши дети, люди

ученые, а потому и умные.

Через два дня ярмарка окончится, настанут дни судебные; вы оба и весь народ были свидетелями бесчестия, нам оказанного, и потому надеемся, что найдем в вас достойных сыновей, способных участвовать в наших позываньях.

С сего времени оба друга Ивана не посещали уже ярмарочного места, но зато семейства их не отказывались от удовольствия смотреть на других и себя казать; особливо студенты отличались. Для сих торжественных дней они одеты были в новые платья, в коих, разгуливая с важностию Аристотеля и Платона, для большей силы вели диспут на латинском языке, кричали громко, топали ногами и размахивали руками, так что народ с равным любопытством смотрел на них, как и на кривляющихся обезьян и пляшущих медведей; встречавшиеся с ними останавливались и с почтением снимали шляпы.

В последний день праздника, когда Никанор и Коронат, протеснясь к машкарам,⁶ любовались их скачками, они приятно удивлены были, увидя подле себя жену и обеих дочерей пана Харитона. Чтобы показать, что, прожив в Полтаве по десяти лет, не напрасно тратили время, они сняли шляпы и учтиво господам поклонились. Анфиза отплатила им равную учти-

---

⁶ Замаскированные скоморохи.

востию, а девицы потупили взоры в землю, и все три покраснелись.

Никанор, будучи от природы поудалее Короната, с ухваткою городского щеголя закрутя усы и подступя к Анфизе, сказал:

– Кажется, этот машкара, что с двумя горбами, делает прыжки искуснее, чем этот – скачущий на деревяшке. И в Полтаве удалее машкары не видывал!

– Правда, что и он не худ, – отвечала Анфиза, – однако ж никак не может сравниться с отцом твоим, когда, бывало, он об святках – до начатия между нами проклятой тяжбы – нарядится машкарою и заскачет!

Никанор покраснел и не знал, что бы такое значил ответ Анфизы: простосердечие ли или насмешку. Коронат, желая отличиться, обратясь к Лидии, спросил:

– На что утешнее смотреть: на резвости ли этого заморского кота или кривлянья этой обезьяны?

Лидия подняла на него прекрасные глаза свои и, перебирая серебряные на пальцах перстни, отвечала вполголоса:

– Кот красивее! Какие усы, какой хвост! А у обезьяны что хорошего?

Мать скоро и неприметно удалилась, опасаясь, чтоб кто-нибудь из знакомых не донес грозному мужу ее о бывшем свидании и разговоре с сыновьями злейших его супостатов. Молодые люди не могли нахва-

литься своею удачею, и сейчас один другому сделал доверенность: Никанор, что страстно пленен Раисою; Коронат, что те же чувствования ощутил к сестре ее Лидии.

Глава VI

Первая любовь

Идучи домой в сумерки, наши друзья остановились на пустыре, и Никанор воззвал:

– Что ж из этого будет? Философам, каковы, например, мы, надобно подумать о последствиях тех случаев, какие в жизни человеческой на каждом шагу встречаются. Тебе известно...

Едва он выговорил последние слова, как прямо против них показались прелестные дочери пана Харитона, неся в передниках нечто тяжелое. Наши щеголи были догадливы; не плоше старинных витязей, встретили красавиц вежливо, и Никанор первый спросил:

– Что это у вас в передниках?

Девушки остановились и молча открыли передники, в коих были пребольшие арбузы и дыни.

– Ах! – вскричал Коронат, – какая ужасная тяжесть! от этого можно надсадить грудь и оттянуть руки!

– Позвольте нам, – воскликнул Никанор, – взять на себя эту обузу; для нас ничего не будет стоить донести сей груз до самых ворот вашего дома!

– Верим, – отвечала Раиса с простосердечною улыбкою, – но если кто попадется навстречу, тогда что

с нами, бедными, будет?

– Кому встретиться в глубокие сумерки, – возразил Никанор, – а если бы такая беда и случилась, то даю шляхетское слово, что нахалу тому разом сломя шею!

– От этого нам не легче будет, – отвечала с улыбкою Раиса, – если ты даже и убьешь его, то что пользы, когда мы останемся без кос?

– Косы ваши, – возразил Никанор уверительно, – когда-нибудь опять вырастут, а сложенная шея супостата никогда уже не выпрямится.

Споря таким образом, девушки не делали, однако ж, вперед ни одного шагу, меж тем с каждою проходящею минутою становилось темнее, и они убедились, что нечего опасаться уже какой-либо встречи. С потупленными взорами прекрасные сестры открыли передники, студенты выхватили ноши, и все тихими шагами отправились к дому пана Харитона. Всякий догадается, что дорогою влюбленные шляхтичи не были немые. Они наговорили девушкам множество полтавских учтивостей, а те отвечали им односложными словами и умильными взглядами. Они во всем были согласны, и все обвиняли причину, возродившую столь сильную вражду между бывшими соседями и приятелями.

– Если бы негодные кролики твоего брата, Коро-

нат, – сказала Лидия со вздохом, – не поели отпрысков молодых деревьев в саду нашем и не опустошили огорода, сего бы не было; мы жили бы на своих хуторах и, может статься, были бы счастливее!

– Без сомнения, счастливее, – вступил, в речь Никанор, – но что мешает нам употребить все силы к прекращению сей ссоры?

Тут достигли они ворот дома Харитонова. Прелестные девицы подняли передники, и щеголи почтительно опустили в них свои ноши. Естественно, что при сем случае нельзя было рукам их не столкнуться, и как молодые шляхтичи, так и милые сопутницы их вздрогнули, как не вздрагивали – первые, когда в Полтавской семинарии клали их на скамейки, дабы некоторого рода орудиями внушить им более охоты к просвещению; а последние, когда мощные длани грозного родителя расплетали черные их косы, дабы, когда они стоят в церкви, менее заглядывались на молодых шляхтичей. Несколько мгновений все четверо стояли неподвижно в безмолвии. Наконец Никанор, как и следует старшему рыцарю, первый спросил с нежностью:

– Часто ли ходите вы на баштан?⁷

– Каждый вечер, – отвечала Раиса, потупив взоры.

---

⁷ Сим именем называется место, где исключительно сажают дыни и арбузы.

– Так мы каждый вечер будем дожидаться вас у плетневой калитки, – воскликнул студент.

– А если кто проведает?

– Кого понесет нелегкая в поздний вечер на чужой баштан, когда у всякого есть свой?

– А если кто-либо из родных вздумает проводить нас?

– Разве мы слепы?

– Ну, как хотите!

Тут расстались наши влюбленные.

Влюбленные? так проворно? Я отвечаю, что тот, кто теперь меня о сем спрашивает, верно еще влюблен не был: любовь – спросите у всех опытных – можно уподобить пороху. Хотя б его была превеликая куча, кинь в нее самую малую искру, и в один миг все вспыхнет. Сверх того, надобно сказать правду, что Никанор и Коронат из всех молодых шляхтичей, в селе Горбылях отличавшихся, были самые статные, самые видные и самые отважные, а к тому ж барыша – ученые, хотя, правда, иногда бывает, что последнее достоинство в глазах девушек много унижает цену первых. В умах иных и мужчин человек ученый есть нечто странное, даже ужасное.

Итак, мои влюбленные шляхтичи, идучи домой, не умолкали в похвалах своим возлюбленным.

– Ах! – восклицал Никанор, – как прелестна, как ра-

зумна Раиса!

– Не менее того прелестна и разумна Лидия, – говорил Коронат, тяжело вздыхая.

Хотя студенты о прелестях своих любезных могли заключать справедливо, ибо они имели глаза, но не знаю, почему люди ученые могли так выгодно судить о их разуме, не слыша во всю дорогу других слов: «да», «нет», «ох», «может быть» и тех, кои произнесены были при расставанье.

И красавицы, после ужина уединясь в свою комнатку, не могли остаться в молчании. Отворив оконце в сад, они сели на лавке и смотрели в ту сторону, где стояли дома панов Иванов. Они обе вздохнули, и Раиса как старшая прервала молчание:

– Есть ли в селе Горбылях хотя один из молодых шляхтичей, который мог бы сравниться с Никанором в росте, дородстве и вежливости?

– Разве ты забыла о Коронате? – отвечала несколько вспыльчиво Лидия. Впрочем, кроме его, я и сама другого не знаю!

– Никанор несколько выше!

– Коронат дороднее!

– Никанор говорит приятнее!

– Взоры Короната нежнее!

– Никанор поворотливее!

– Коронат степеннее!

Вскоре сестры согласились, что Никанор и Коронат один другого стоили, превосходя всех прочих личными достоинствами, ибо ученость их и на мысль им не приходила. Они восхищались своею удачею и наперед уже мечтали о тех наслаждениях, какие встретят в объятиях любовников. Они бы и до утра не устали веселить себя будущим благополучием, как вдруг Раиса задрожала и изменилась в лице.

– Что с тобою сделалось, сестрица? – спросила Лидия с удивлением.

– Ах, милая! – отвечала Раиса, опустя руки и склоня голову к груди, – нам и на ум не пришли страшные паны Иваны и еще страшнейший отец наш!

– Ах! – вскричала Лидия, также вздрогнула, опустила руки и повесила голову. Они довольно долго оставались в сем положении и молчали, не смея взглянуть одна на другую. Наконец Раиса, вставая со скамьи, сказала:

– О проклятые кролики! лучше б вы совсем не родились или родились без зубов!

– О несчастная тяжба! – говорила Лидия, запирая окно, – какие черти тебя выдумали!

Обе сестры с унынием улеглись на своих постелях.

Глава VII

Сумерки на баштане

На другой день пан Иван младший сочинил прошение в сотенную канцелярию, в коем жаловался на пана Харитона. Он доказывал весьма основательно, что хотя пан Иван старший первый плюнул в лицо пану Харитону, но как стереть слюни гораздо удобнее, чем стрясти с макуши большой желвак, вскочивший у Ивана старшего от поражения его дубиною, – то и выходит, что пан Харитон во всем виноват и обязан заплатить бесчестье и пополнить проторы и убытки. Что же касается да обстоятельства, что и он, Иван младший, со всего размаху огрел кием по руке пана Харитона, то он основательно рассудил, что как рука не есть голова, то таковой поступок – сущая безделка, а потому не упомянул о нем ни словом.

Писание сие прочтено Ивану старшему в присутствии обоих студентов и единогласно признано премудрым. Вследствие сего кибитка запряжена, все порядком уложено, оба друга сели и – пустились позываться.

Никанор и Коронат, оставшись одни, уединились в сад, разлеглись на траве и, раскуря трубки, начали беседовать о любви своей. По времени и им вспали на

ум страшные отцы их и еще страшнейший пан Харитон. Хотя они были мужчины, а притом люди ученые, однако несколько призадумались.

– Не печалься, – сказал Никанор, – какая нам нужда до сей тяжбы, в коей не принимали ни малейшего участия? Только бы девушкам мы приглянулись, а в дальнейшем поможет бог! После бога надобно полагаться на случай. Разве ты не знаешь, что о предмете сем говорили древние философы? Вот тебе рука моя, что если только мы понравимся, то во всем будет успех; да если бы оно и не последовало, то не будем упрекать себя в трусости и нерадении. Кто не дерзает ни на что отважиться, тот никогда ничего иметь не будет.

Тут Никанор дал ему подробное наставление, как действовать и чего домогаться; Коронат во всем положился на своего друга. Кто чего сильно желает, тот охотно верит обещаниям, даже самым невероятным. Продолжая свои разговоры, они поминутно взглядывали на солнце с большим вниманием, чем халдейские астрономы^{12}; но оно катилось по небу ни скорее, ни медленнее, как бы Никанора и Короната с своею любовью, ни халдеев с их астрономиею вовек не существовало.

Наконец желанное время наступило, и влюбленные философы, взявши по торбе, на крилах любви по-

летели к известной плетневой калитке, заглянули на баштан и, никого не видя, засели в большом бурьяне, росшем возле забора.

Головы их ежеминутно выставлялись по очереди подобно пестам толчейным, если представить, что они действуют не вниз, а вверх. Около часа они провели в сем незавидном упражнении, и оно им надоело. Наконец красавицы показались, и головы перестали высовываться из бурьяна.

Едва сестры вступили на баштан, как друзья выскочили из бурьяна и – прямо туда же. Раиса и Лидия, слыша за собою шум, оглянулись и ахнули, как будто увидели нечто чудное, неожиданное.

Любовники от сотворения мира до нынешних времен, во всех веках и у всех народов были одинаковы. В начале любви своей они робки пред своими победительницами, потом постепенно делаются смелее и, наконец, сами стремятся быть победителями; то же случилось и с моими философами, ибо и сие страшное звание не исключает людей из общего круга человечества.

Подскочив к своим прелестницам, они изумились, увидя пасмурные лица и слезки на ресницах.

– Что за новость? – вскричали оба друга в один голос, – что за причина такой горести тогда, когда мы ожидали увидеть веселые взоры и смеющиеся губки?

После сих слов они взяли своих красавиц за руки и пристально смотрели им в глаза.

– Ах! – сказала Раиса с тяжким вздохом, – вчера при прощанье мы и не вспомнили, что ваши отцы называются Иванами, а наш Харитоном!

– Только! – вскричал Никанор с веселою улыбкою, – так станем же печалиться, что меня зовут Никанором, тебя Раисою, а сестру твою Лидиею!

Что ж вы не плачете? Как скоро увидим слезы на глазах ваших, то и мы горько возрыдаем о таком злополучии!

Сестры взглянули на них с нежностью и сладостно улыбнулись.

После сего они вместе стали выбирать, что им было надобно: но как обе красавицы более глядели в глаза своих любовников, нежели на гряды, то прежде чем торбы студенческие вместили надлежащее количество огородных растений, совершенно уже смерклось, и они попарно отправились к дому Харитона сколько можно медленнее. Дорогою любовники рассказывали прекрасным своим сопутницам о полтавских диковинах, о чудесах, там происходивших, и о различных удальствах, ими оказанных.

– А каковы там девушки? – спросили сестры, застыдившись.

– Ах! – отвечали друзья, – они подлинно прекрасны;

но мы, проживши там полные десять лет, не видали ни одной, которая бы могла равняться красотой и любезностью с Раисой и Лидией!

Девушки взглянули одна на другую и – покраснелись.

У ворот дома родительского надобно было различиться. Студенты в передники девушек высыпали плоды, какие были в торбах, и уже осмелились пожать им ручки.

Так протекло около десяти дней, с тою разницею, что в последний любовники при прощанье по нескольку раз поцеловали своих красавиц, и они не могли ему противиться, если не хотели опустить передников и рассыпать все, что в них было.

– Когда так, – сказала Раиса, – то вперед не пойдем на баштан!

– Пойдете! – возразил Никанор.

– А за чем?

– За чем и до сих пор ходили!

– Нет, нет!

– А если мы вас там увидим?

– Ну, так что будет?

– Тогда вместо десяти – сотня поцелуев!

– Как не так! – сказали девушки в один голос, засмеялись, и – как горные серны прячутся от звероловов в пещеры, так они скрылись на двор отца своего.

Глава VIII

Правосудие

На другой день пан Агафон праздновал вожделенный день своего рождения, а будучи искренний приятель обоих Иванов, пригласил к себе на пиршество их семейства, которые и не преминули явиться к обеду. Гостей было довольно, но не меньше и учреждения: студенты придали великолепия, пропев за столом несколько стихер, а после обеда целый псалом. Хозяин стократно благодарил их за сию особенную честь и не уставал потчевать.

Ароматный дым, выходявший из горшков с варенухою, наполнял не только весь дом, но двор и улицу, из чего можно заключить о великом количестве оных. Под вечер явились на дворе два машкары, два цимбалиста и два гудошника, а в заключение – о, верх великолепия! – с двумя медведями литвин, которого пан Агафон с ярмарки – в ожидании сего всерадостного дня – пригласил к себе и содержал тайно, дабы такую нечаянностью привести в радостное удивление собеседников.

Все гости высыпали на двор; самые дети с ужасом и любопытством глазели из окон на машкар и медведей. Первое действие сей комедии открыли музы-

канты и машкары. Хозяин, весело осматривая гостей, заметил, что между ними нет Никанора и Короната. «Что с ними сделалось? – думал он, – неужели в другом месте ожидают они большего увеселения?»

Честный старик и не ошибся. Пользуясь всеобщим смятением гостей и челядинцев, молодцы особым ходом ускользнули, чтобы воспользоваться несравненно большим удовольствием, чем смотреть на машкар и медведей.

Сидя в преддверии своего елизиума^{13} (так студенты называли бурьян относительно баштана), они не уставали высовывать головы до тех пор, пока зги не видно было; тут они тяжело вздохнули, и Коронат произнес:

– Видно, наши нимфы не охочи до поцелуев, что не, хотят сдержать своего слова.

– Почему знать, – возразил Никанор, – чужие обстоятельства? Я точно уверен, что все наши домашние тех мыслей, что мы, быв ошеломлены в доме нашего хозяина, покойно спим каждый на своей постеле, и никому на мысль не взойдет, что шляхтичи, и притом люди ученые, гнездятся в бурьяне до полночи.

После сего каждый из них с крайним неудовольствием побрел к себе домой и улегся на постеле.

Коронат проснулся от шума и смешанных голосов. Он прислушивается и вскоре отдельно различает го-

лоса: отца своего, Ивана старшего, Никанора и прочих членов обоих семейств. Он устыдился своей лени, столь неприличной студенту и вообще молодому человеку, и притом любовнику; поспешно оделся, явился в собрание и с нежностью обнял отца и его друга. Жены друзей и возрастные дети сильно любопытствовали знать, что старики выездили; но Иван младший сказал:

– Если вам рассказать следствие нашей поездки, то, может быть, пропадет охота к еде; а как люди дорожные должны подкрепить силы свои пищею и питьем, то поди, жена, приготовь и подай нам сытный и вкусный завтрак.

Когда все были довольны стряпнею жены Ивана младшего, то он, разглядев усы, сказал:

– Хотя я и сам провел в сотенной канцелярии более двадцати лет, но таких див никогда там не видывал, какие ныне свершаются. Это или оттого, что теперь другой сотник, или оттого, что люди стали другие, или что скоро будет преставление света или по крайней мере – Малороссии. Когда прочтены были в канцелярии жалобы наша и ненавистного Харитона, то сотник, подумав несколько, сказал: «Погляжу, посмотрю, подумаю!» Я знал, что это значит, ибо и в мое время клали подобные решения, то сообщил моему другу, Ивану старшему, и мы на другой день рано поутру –

прямо к дьяку. Он принял нас ласково, а еще ласковее наши приносы: рубль деньгами, кадушку меду и бо-чонок пеннику. «Я постараюсь, чтобы ваша взяла», – сказал он весело, и мы расстались.

Пришедший к нам знакомый подписчик известил, что писец должен быть очень доволен угощением пана Харитона, данным ему во время ярмарки в селе Горбылях, бросился теперь с припасами к пану сотнику, что когда узнал писец, то поклялся совестью, что тому не бывать и что без подписи его никакая бумага не выходит.

Подписчик не солгал. Писец крепко держал нашу сторону, и потому дело тянулось около недели. Но как пан Харитон решился позабыть горбылевское угощение и вновь сунул дьяку кое-что, то третьего дня вышло в сотенной канцелярии следующее определение.

(Тут Иван младший вынул из кармана лист бумаги, читал): «По взаимным жалобам панов: двух Иванов, старшего и младшего, и пана Харитона Занозы, сотенная канцелярия, рассмотрев дело во всей подробности, определяет: 1-е. Пан Иван старший без всякой причины, при великом стечении народа, плюнул в лицо пану Харитону, почему и обязан заплатить рубль денег пени. 2-е. Пан Харитон, вместо того чтоб по законам позываться, вздумал сам собою управиться и ударил пана Ивана тростью по голове, обязан был

бы также заплатить пени не менее рубля; но как достоверные свидетели доказывают, да и сам пан Иван сознается, что удар сей последовал не по голове, а по шляпе, то обязан он заплатить бесчестья сорок копеек, а из шестидесяти копеек, кои следуют пану Харитону, канцелярия, на необходимые свои расходы удержав сорок копеек, остальные двадцать копеек выдаст пану Харитону. 3-е. Но как и он, пан Харитон, также в противность законов, в общенародном месте намеревался обнажить саблю, что по смыслу законов то же самое значит, как бы и обнажил ее, то в пеню ему и остальные двадцать копеек причислить в общий канцелярский доход. 4-е. В заключение: пан Иван младший, быв совершенно в деле сем лицом посторонним, вмешался в размолвку, до него не принадлежавшую, и кием своим сделал поражение по руке пана Харитона, от чего и до сих пор виден некоторый знак, – то, в наказание за сие буйство, взыскать с него в пеню тридцать две копейки с деньгою. Из суммы сей: на издержанную бумагу, на жалованье подписчикам и писчикам, на перья и чернила удержать тридцать копеек, затем остальные две копейки с деньгою выдать пану Харитону с распискою. Панов же обоих Иванов, доколе не заплатят наложенной пени, не выпускать из канцелярии».

– Несколько времени, – продолжал пан Иван млад-

ший, – мы глядели друг на друга с крайним недоумением, а злодей Харитон улыбался, как улыбается бес, когда удастся ему кого соблазнить. Сотник, встав из-за стола, сказал: «Пан дьяк! исполняй свою должность!»

С сим словом он вышел, а дьяк, подошед к нам, произнес насмешливо: «Ну, паны! скорее распоясывайтесь; и мне пора идти в гости!» Мы вынули свои кошлы, отсчитали пенную сумму и вышли, проклиная внутренно окаянного Харитона, плута дьяка и глупца сотника.

Тут жена Ивана старшего сказала с улыбкою к своему мужу:

– И этот случай не научил тебя? И ты не закаешься впредь позываться?

– Молчи! – отвечал он сурово, – я знаю, что делаю! Уверен, что теперешняя поездка и Харитону немало стоит, а получил две копейки с деньгою; но хотя бы одну деньгу – и того довольно. Одна мысль: «Я одолел противника» – услаждает сердце. Постой, Харитон! ты раскаешься в своей победе, и раскаешься скоро!

Глава IX

Решительный разговор

Со следующего дня всякий в обоих семействах провождал весь день в приличных ему занятиях, а на вечер соединялись все у которого-либо из Иванов; студенты рассказывали повести из древней и новой истории и пели псалмы; старики курили трубки, пили наливки и предавали проклятию Харитона и весь род его до седьмого колена. В уреченное время молодые люди под какими-нибудь предлогами отлучались, летели на известное место и, находя везде пустоту, приходили в уныние, с пасмурными лицами возвращались в общество и уже неохотно растворяли рты для пения.

В разные времена дня обходили они задний двор и сад пана Харитона, но, кроме обыкновенных слуг и служанок, нигде и никого не видали. Кажется, однако ж, говорят правду, что счастье содержит любовников в особенной милости. В одно послеобеденное время, когда мои влюбленные делали свои разведыванья около двора и сада Харитоновна и не пропускали ни одной дырочки в плетневом заборе, они увидели – кто опишет восторг их и блаженство – они увидели – их красавицы сидели на зеленом дерне под разве-

систой яблонью.

Сердца их забились, кровь клокотала в жилах, они были в пламени. Подобно необузданным коням аравийским, они перелетели через забор, и прежде нежели изумленные сестры могли вскочить, они уже стояли перед ними, схватили их за руки, подняли и со всем стремлением страсти прижали к грудям своим.

– Что вы делаете? – спросила уstraшенная Раиса, освобождаясь из объятий Никанора, – как осмелились вы очутиться здесь?

– Любовь, о Раиса, любовь и не через такие заборы перелазит! Скажите – время дорого – скажите, любите ли вы нас?

– Но что пользы в любви сей? – спросила со вздохом Раиса, – какой будет конец ее?

– Предоставьте богу, – воззвал Никанор, – располагать участию сердец наших; а сверх того, любить, даже без цели любить, есть уже неизъяснимое блаженство! Итак, откровенно, Раиса! любишь ли меня?

– Лидия! любишь ли меня?

Вместо ответа девушки зарыдали, опустились в объятия юношей, и губы их соединились. Несколько мгновений пробыли они в сем сладостном положении; но природа ни при каком случае прав своих не теряет. Чтобы облегчить грудь, дав ей новый воздух, они должны были расклеить губы. Никанор, держа Раису

в объятиях, сказал:

– Свидания в сем саду немного менее опасны, как и свидания с султанскими любимицами в его гареме. Скоро ли мы будем видеться на баштане?

– Не знаю, – отвечала Раиса, – но пока отец наш дома, это невозможно; нам запрещено выходить, а для чего – мы и сами не знаем.

– А если он опять укатит в город?

– О, тогда весьма можно, даже в самый день его отъезда.

– Превосходно! – воскликнул Никанор, – будьте уверены, милые сестры, что вы очень скоро будете на баштане.

Тут юноши вновь заключили зардевшихся девушек в объятия, запечатлели несколько страстных поцелуев на коралловых губах их, как вихрь перелетели через забор и скрылись. Девушки, оживленные новыми, сладостными, дотоле неизвестными им чувствами, – ибо никто из мужчин, ни сам отец, не прикасался своими губами к губам их, никто не прижимался к волнующейся груди их, к биющемуся сердцу, – долго стояли в восхитительном удивлении; потом взглянули одна на другую, улыбнулись, и Лидия пала в объятия Раисы. Только и могли они произнести: «Ах, сестрица! ах, милая! что-то будет! Боже, что-то будет!»

В тот же вечер семейства обоих Иванов проводили

время в доме старшего.

Тут Никанор сказал:

– Батюшка! не знаю, одобришь ли ты мой поступок, но он уже сделан. С приезда твоего из города в хуторе был ты один только раз. Дело идет к осени, и надобно посмотреть, что делается с работами. Предполагая, что ты на это согласишься, я послал уже Якова, чтоб он приготовил все к завтрашнему обеду.

– Bravo, сын! – вскричал Иван старший, – вижу, что из тебя выйдет добрый хозяин. Друг Иван! ведь и твой хутор возле моего; поедем-ка вместе.

– Очень рад, – отвечал сей, – так ли, сын Коронат?

– Так, батюшка!

– Я еще кое-что вздумал, – сказал Никанор улыбаясь, – на хуторе всякой всячины довольно, чтобы накормить целую стаю голодных цыган; но я думаю, не худо будет, если мы возьмем по ружью и по зарядному поясу. Посмотрим, не попадется ли какая дичь дорогой!

– Славно! – сказали все и разошлись.

Лишь только показалось солнце на горбылевском небе, уже наши хозяева были на конях, с ружьями за плечами, а позади плелся слуга с большою торбою для уложения дичи. Они ехали медленно, приглядываясь, не выскочит ли где заяц, или не вспорхнет ли куропатка; но, кроме жаворонков, перепелов и другой

мелочи, им ничего не попадалось, и они подъехали к хутору Харитонову с пустою торбою. Подле панского дома стояла большая голубятня, ибо хозяин был до сей птицы великий охотник; вся голубятня покрыта была птицами.

– Стой! – вскричал Никанор, и все остановились.

– Батюшка! – продолжал он, – припомни, сколько Харитон наделал вам обоим пакостей, притом же в последнюю бытность твою в городе!

– Ни слова, сын мой! – вскричал Иван старший, – понимаю мысли твои и хвалю, надеюсь, что и ты охоч будешь позываться. Друзья мои! Станьте рядом, и при счете моем: три, дадим залп по голубям.

Все построились, взвели курки, приложились, и как скоро роковые «раз, два, три!» произнесены были, раздался гром, и бедные твари посыпались на землю. Слуга соскочил с лошади и начал наполнять ими торбу. После сего подвига витязи преспокойно поехали к хутору Ивана старшего, который садами граничил – как сказано в начале сей повести – с хутором пана Харитона.

Глава X

Обоюдности

Приказав Якову готовить обед, наши шляхтичи хотели начать осмотр своих поместьев, как увидели на хуторе пана Харитона пожар. Тотчас послали осведомиться, что горит, и вскоре получили уведомление: голубятня. Паны Иваны, взглянув один на другого, улыбнулись, сказав, старший: «Вот тебе мой рубль, бездельник!»; младший: «Вот тебе мои тридцать две копейки с деньгою, разбойник!»

Отчего же произошел пожар? Это выдумка Никанорова. Для прибою заряда вместо войлока он употребил сухую паклю; Коронат ему последовал. Отцы ничего не знали о сем умысле.

Препроводив более четырех часов в осмотре своих имуществ, оба Ивана довольны были устройством и порядком, похвалили своих наместников и пошли на хутор Ивана старшего, дабы отобедать. Вошед в светелку панского дома и увидев стол, уставленный блюдами и кувшинами, все похвалили Никанора за распорядок и сели насыщаться.

Оконча свою работу и помолясь богу, все уселись на коней и поехали шагом. Доехав до голубятни и видя, что она сгорела до основания и что полуизжарен-

ные голуби и голубята валялись по земле, паны Ивановы усмехнулись и покойно продолжали путь свой. Когда были они на половине дороги, увидели, что кто-то прямо на них скачет; и когда сей всадник приблизился, то Иван старший узнал в нем своего пасешника.⁸ Все остановились в недоумении.

– Что доброго? – воззвал Иван старший.

– Ох! – отвечал тот плачевным голосом, – у тебя нет более пасеки.

Иван старший побледнел, и все остолбенели.

– Как так?

– Уже была обеденная пора, – говорил пасешник, – как пан Харитон приехал на твою пасеку в кибитке, за коею следовал возок. Лишь только я по приказанию его приблизился, он схватил меня за чуб и согнул в дугу; тут двое слуг его, один правящий лошадьми в кибитке, а другой в возке, связали мне руки и ноги и уложили на земле. Тогда начали выбирать из возка сухие кожи, шерсть, облитую смолою, гнилушки, напоенные дегтем и прочими снадобьями, гибельными для пчел; все это разметано по пасеке и зажжено. О боже мой! Я плакал и, верно, выдрал бы себе чуб, если бы, по счастью, руки не были связаны, видя, как гибнут бедные любезные мои пчелки. Растопившийся мед умертвил и тех, кои были в ульях, так что теперь едва ли хоть

---

⁸ Смотритель за пчельным заводом, который называется пасекою.

одна пчелка в целости осталась. О злодеи!

По совершении сего беззакония пан Харитон подошел ко мне со слугами, приказал развязать и после ласково говорил: «Поди, голубчик, на мой хутор, где найдешь ты обоих панов Иванов с их сыновьями, такими же бездельниками, каковы отцы их, и уведошь, что видел. Скажи старшему, что каждый мой голубь стоил по крайней мере одного улья пчел. Здесь ульев не более пятидесяти, а голубей было более двухсот, итак, за остальных вымещу я над пасекой Ивана младшего. Но теперь мне некогда: я спешу в город позываться!»

Все, а особливо Иван старший, слушали пасешника с ужасом.

– О злодей, о изверг, о душегубец! – вскричали в один голос оба Ивана. – Посмотрим, что-то ты скажешь в канцелярии? Ведь голубятня – не пасека! Сейчас домой?

Все пустились; нещадно били бедных кляч пятками по ребрам и скоро очутились в Горбылях, а там и в доме Ивана старшего. Не входя в комнаты, он закричал слуге, исправлявшему должность кучера:

– Сию минуту кибитку в две лошади!

Когда он вошел в дом, то жена и все домашние испугались.

– Не спрашивай ни о чем, – вскричал он к жене, при-

меня, что она готовится спрашивать, – вели уложить в кибитку постель и большой войлок, и – да благословит бог вас всех! Никанор все расскажет!

Скоро все было готово. Иван младший, простясь со своим семейством, явился; они уселись и поскакали. По желанию матери, Никанор рассказал все, что знал и видел, умолчав, что они с Коронатом виновники сей новой суматохи.

– Опять позываться! – сказала мать Никанорова. – Боже милосердный! когда этому конец будет?

– Я думаю, – отвечал сын значительно, – что эти тяжбы прекратятся смертью или через какие-нибудь чудесные происшествия!

При закате солнечном молодые друзья отправились на баштан. Дорогою они разговаривали:

– Посмотрим, исполнят ли наши любезные свое обещание, чтоб в тот же день посетить баштан, когда отец их укатит в город! Ах, как они милы! как пламенны их поцелуи! как сладостны объятия!

Пробираясь к своему бурьяну, они удивились, найдя калитку отворенною.

С трепетанием сердца заглядывают и – немеют от радости, увидев, что обе сестры сидели на небольшой копне сена, положив руки одна другой на колени.

Они, казалось, были в некотором унынии.

Юноши вошли, сколь можно тише притворили ка-

литку и, подобно двум вихрям, устремились к своим возлюбленным.

Глава XI

Падение

После приключения в саду к чему послужило бы притворство? Девушки были в объятиях своих любовников, и поцелуи посыпались без счета; вздохи их смешались, и слезы любви и наслаждения соединились на щеках их.

После первых порывов страсти красавицы тихонько высвободились из объятий своих обожателей, и Раиса спросила:

– На чем же основывается ваша надежда?

– Положитесь на меня, – вскричал Никанор, – как на каменную стену, и не будь я первородный сын Ивана Зубаря, если с помощью друга не помирю наших родителей, и тогда все пойдет на лад. Да и стоят ли кролики, гуси, утки, голуби и пчелы того, чтоб трое шляхтичей вечно позывались и теряли свое имение? Я сказал, положитесь на меня! Разве думаете, что счастье мое и моего друга для нас не дорого? А можем ли мы быть счастливы без вас, милые девушки? Следовательно, – он хотел было продолжать логические доводы; но, видя, что Лидия висла уже на груди Короната, заключил сестру ее в свои объятия, и поцелуи снова градом посыпались. Поцелуи первой любви есть та-

кой напиток, которого чем больше пьешь, тем больше пить хочется; итак, не мудрено, что когда наши влюбленные осмотрелись, то настоящая тьма их окружала. Девушки испугались.

– Что будем делать, – сказала со вздохом Раиса, – где теперь будем искать дынь и арбузов; и что скажет матушка, когда увидит, что мы так поздно воротились и – с пустыми руками?

– Не печальтесь, милые, – сказал Никанор уверенно, – мы вам поможем, наберем дынь и арбузов и донесем до вашего дома.

Необходимость требовала принять предложение. Никанор взял трепещущую руку Раисы и пошел вправо, а Коронат с Лидией влево. Первый скоро толкнул что-то ногою, нагнулся, ощупал и сказал:

– Вот и арбуз!

– Ах, если б еще сыскать дыню! – сказала Раиса, – так бы и довольно.

Они пошли далее.

– Кажется, у ноги моей дыня, – говорила Раиса, нагибаясь. Никанор бросился опрометью, дабы ощупать дыню, но так неосторожно, что опрокинул подругу свою на землю, а посему не мог сам сохранить равновесия и растянулся подле нее. Вот сколь слаб смертный! Претыкались и герои не Никанору чета и героини позначительнее Раисы! Никанор встал, ощу-

пал дыню, сорвал и вполголоса сказал:

– Милая Раиса! дай руку; вставай и пойдём домой.

Раиса встала и пошла, держась за его руку. Она молчала. На некоторые ласковые слова любовника она отвечала вздохами, и так дошли до калитки.

Никого не нашедши, Никанор свистнул; нет ответа. Подождав несколько времени, он свистнул громче; нет ответа.

– Что за причина, – сказал молодец, – быть не может, чтоб они ушли без нас.

Прождав ещё минуты с две, он свистнул в третий раз во всю мочь богатырскую, и вскоре послышался невдалеке ответный свист.

– Слава богу! – произнес, вздохнувши, Никанор, – но что ты дрожишь, моя любезная?

– Ах, – сказала сия со стоном, – я думала, что я одна.

На сие и храбрый Никанор отвечал молчанием. Скоро соединились с ними и Коронат с Лидиею. В безмолвии дошли все до дома Харитонова. Сестры приняла в передники арбузы и дыни и хотели войти в ворота, не сказав ни слова; но Никанор остановил их вопросом:

– Будете ли завтра на баштане?

– Не знаю, – отвечала Раиса шепотом.

– Непременно будьте, – сказал Никанор отрыви-

сто, – да пораньше: сего требует собственная ваша польза.

С сим они расстались.

Никанор и Коронат шли дорогою, будучи упоены своим счастьем. Они точно с сим намерением раскинули сети, но никак не воображали, чтоб прекрасные птички так проворно, так охотно кинулись в оные.

– Когда же к окончанию дела приступим? – спросил Коронат.

– Доброго дела откладывать ненадобно, – отвечал Никанор. – Завтра около вечерень приходи ко мне.

Посмотрим, что делается с сестрами. Я сказал, что во всю дорогу они молчали; а как известно всякому, что человек не может ни одной минуты не мыслить, то естественно, что они – после случившегося происшествия – имели великую причину сколько можно больше мыслить. Итак, простясь с своими проводниками, они одна другой сообщили мысли свои, сделали условие, как отвести предстоящую бурю, и вступили в комнаты. Кроме матери, все в доме спали, ибо на небе было около полуночи. На вопрос ее: «Где вы до сих пор были, негодницы?» – Раиса с испуганным лицом отвечала:

– Ах, матушка! когда б ты знала, в каком мы были страхе! Лишь только сошли с баштана, как увидели, что в некотором отдалении прямо противу нас

шли: ведьма, вовкулака и упырь.⁹ Страх нас обнял, и мы не знали, куда деваться. К счастью, у нас было еще столько ума, что не пошли сим страшилищам навстречу, а бросились обратно на баштан, где и зарылись в горохе. Видели ль нас сии чудовища или нет, не знаем, но только они скоро после нас явились на баштане, остановились, прошед калитку, и кругом оглядывали. Ведьма начала вертеться, как веретено; вовкулака, поднявшись на дыбы, стал плясать, упырь заревел ужасно. Мы едва не умерли от страха.

После сего ведьма села на копне сена и сказала: «Если вы хотите, чтоб я продолжала любить вас, то принесите сюда хороших дынь и арбузов». Вовкулака и упырь бросились за добычею, и, по несчастью, дорога их шла мимо нас, бедных. Мы притаили дыхание и не знали, живы или мертвы. По времени дыни и арбузы принесены ведьме, и началось пиршество. Оно продолжалось немалое время, и когда все принесенное было съедено, то пировавшие начали по-прежнему: ведьма вертеться, вовкулака плясать на задних лапах, а упырь реветь. После сего они удалились.

– Долго не смели мы выйти из своего убежища, – продолжала Раиса, – но, не видя более страшилищ, отважились. Всю дорогу бежали не отдыхая и вот, как видишь, теперь здесь.

---

⁹ Урожденный чародей, то же, что в женском роде ведьма.

Мать задумалась, осмотрела дочерей и, увидев их бледные лица, мутные глаза, растрепанные волосы, волнующиеся груди и платья в пыли и зеленых пятнах, уверилась в истине рассказа и отпустила спать. Когда они при свете ночника разделись, то горько зарыдали: «Ах, Раиса! ах, Лидия! что мы наделали!»

Легко поверить, что сон их был беспокоен и прерывист, им беспрестанно грезились дыни и арбузы.

Теперь следует вопрос: какое ж было намерение Никанора, который, как уже упомянуто, прежде уверил своего друга, а после девушек, что все дело примирения родителей берет на себя; а теперь, по всему вероятно, столько расстроил сие дело, что и конца не будет вражде, а потому и позыванью?

После такой обиды, каковая сделана в роковую ночь сию дому Харитонову, и самый сговорчивый человек готов будет позываться до самой смерти. Подождем и увидим; а предварительно уведомим, что Никанор со времени прибытия на родину несколько раз тайно от всего семейства навещал деда своего Артамона, с которым племянники его, оба Ивана, с давнего времени были в расстройке.

Глава XII

Поправка порчи

В назначенное время Коронат явился к своему другу. Как скоро раздался звон колоколов, приглашающий православных к слушанию молитв вечерних, они отправились к баштану Харитонову и засели в бурьяне. Не успели они раз по десяти высунуть свои головы, как, к неопisanному удивлению и радости, увидели, что красавицы их шли самыми скорыми шагами, какими только могут ходить красавицы, не обращая на себя взоров. Едва скрылись они за забором, как влюбленные шляхтичи туда же со всех ног бросились, и девушки кинулись в их объятия, проливая слезы, кои любовники осушали своими губами.

– Ты велел нам, – сказала Раиса Никанору, – быть сегодня здесь, и пораньше: вот мы и здесь; но неужели только для того, чтобы по-вчерашнему?..

– Нет, милая Раиса, – отвечал студент, – не для того только. Ступайте все за мною!

За день пред сим невинные девушки ни за что бы не решились на такое предложение; но теперь, после рокового происшествия на баштане, что им оставалось делать, как не положиться на благонамеренность своих путеводителей и им безмолвно последо-

вать? Каждая подала руку своему обожателю, и – пустились в путь. Обе пары молчали, а довольствовались пожиманьем рук один у другого. Наконец они подошли к древней церкви, стоящей близ самого выгона. Нашед ее назаперти, Никанор три раза ударил кулаком в дверь, и она мгновенно отверзлась; любовники вошли с своими любезными, я сии последние онемели, увидя посреди церкви налой, возженные светильники и священника в полном облачении. Никанор и Коронат подвели трепещущих невест к алтарю, и священнодействие началось. Сердца у всех, а особливо у девушек, бились чрезмерно, и радостные слезы блистали на их ресницах. Священный обряд кончен, и новобрачные вышли из храма.

Недалеко от баштана Харитонова стояла низменная хата, принадлежащая Ивану старшему, но давно кинутая по совершенной в ней ненадобности; сюда-то вступили новобрачные, где нашли волошское вино и закуски.

– Вот, милая Раиса, – сказал Никанор, – место временных наших свиданий.

Эта светелка принадлежит нам, а через сени есть другая, где сестра твоя может видеться с своим мужем. Будем и сим довольны до времени.

Молодые, проведши за столом минут десять, удалились попарно в свои светелки, где и пробыли до за-

ката солнечного; после чего Раиса и Лидия, взявши в передники арбузы и дыни, отправились домой. Они запретили мужьям за собой следовать, ибо довольно было еще светло.

Никанор и Коронат, яко люди ученые и православные христиане, пришед домой, каждый отметил в своих святцах: «Такого-то года, августа 20 дня, я (имрек) обвенчался на дочери пана Харитона (имрек)». Слова женихов и невест означены были киноварью.

Так провели они около месяца в упоении и восторгах любви. Во все это время необитаемая прежде хата ни одного дня не была пуста; новобрачные считали себя преблагополучными людьми, между тем как отцы их, позываясь между собою беспрестанно и делая друг другу возможные пакости, едва ли не были самые несчастные из всего села Горбылей.

Все три позывающиеся пана несколько раз писали к своим семействам, и сии писания преисполнены были: жалоб – то на неправосудие начальства, как-то: сотника, есаула, дьяка и проч., то предавая сугубому проклятию противную сторону. Всякий, однако ж, надеялся взять верх, почитая дело свое правым.

Всему селу Горбылям было известно, что ни одна шляхтянка не умеет ни читать, ни писать. «Как? – спросит кто-либо, – неужели и милые, прелестные сестры Раиса и Лидия?» Так! Хотя неохотно, но дол-

жен сказать, что и они подвержены были общей участи женского пола того времени; они умели только шить, вышивать разноцветными телками и – нежно, постоянно любить! А разве этого не довольно для всякой женщины!

Мы знаем, что жены панов Иванов имели в домах своих кому читать письма, от мужей получаемые, и отвечать на оные; но как Харитонов сын Влас был только пятнадцати лет и у дьячка Фомы набирался возможной мудрости, твердя из букваря: тма, шна, здо, тно, то беспомощная Анфиза уполномочена была призывать к себе Фому в случае нужды прочесть мужнее письмо и настрочить ответную грамоту. Хотя со всех сторон положено было обстоятельство сие хранить в глубокой тайне, но могло ли оно остаться тайною, когда знали об этом все в доме?

Никанор, начавший теперь весьма ревностно искать способов к скорейшей развязке своего дела, посредством небольших подарков и нескольких гривен достал от одного из учеников Фомы собственноручное письмо учителя, с которого он учился чистописанию.

Как дело происходило, откроют последствия. В один и тот же час получены в городе от неизвестного человека два письма к позывающимся.

Глава XIII

Злой умысел

Письмо 1-е. К пану Харитону.

«Ах, ох! Ах, беда! Ох, горе! Кинь на время, любезный друг, проклятую тяжбу и поспешай сюда, если желаешь застать еще кого-либо из нас в живых.

Дом наш в селе Горбылях – ах, ох! – превратился в кучу пепла. Нет ни гумна, ни кладовой, ни погреб с твоим пенником и наливками. При сем несчастном случае крестьяне наши оказали примерное усердие: мужчины молились богу, а женщины так оплакивали наше несчастье, как бы свое собственное. Все мы выбежали из спален, – ибо пожар произошел в полночь, – в чем лежали на постелях; впрочем, в добром здоровье, только у нас всех обгорели головы и по всему телу пузыри. Приезжай прямо на хутор, ибо мы теперь же идем туда пешком. Ах, ох! Ах, беда, ох, горе! Анфиза».

Пан Харитон поражен был сим писанием как громом; бледность покрыла щеки его. Одна мысль о сем злополучии терзала его сердце: кто произвел пожар сей, с кем он должен позываться? Недогадливая жена не означает, чтоб имела на кого подозрение. Заклятые

враги паны Иваны – оба в городе. Кто же?

Неужели богопротивные латынщики, сыновья их, дерзнули на такое отважное дело? Горе им, гибель неизбежная, если в сем удостоверюсь!

Пан Харитон склонил городского лекаря ехать с ним вместе, запасшись нужными врачевствами для излечения обожженных, взвился как вихрь и – полетел прямою дорогою на свой хутор.

Письмо 2-е к пану Ивану старшему.

«Батюшка! когда получишь это письмо, то примечай, что будет происходить в жилище пана Харитона. Я думаю, он опрометью ускачет из города. Куда и зачем – узнаешь после. Не теряй напрасно времени и действуй с другом своим всеми силами. Теперь никто уже вам обоим не помешает. В подспорье посылаю десять рублей. Не жалейте ничего, только бы победа была ваша. Такую мудрость выдумали мы с Коронатом, дабы сколько-нибудь помочь в трудах ваших. В Горбылях мы для вас всегда полезнее, чем в городе. Я и друг мой целуем вас заочно. Он не пишет потому, что я пишу. Не все ли равно? В другой раз вы увидите его письмо, а меня, может быть, не будет. Он для вас обоих – другой я. Прощайте!»

Паны Иваны, взглянув один на другого, прослезив-

лись.

– Не я ли уговорил тебя, – сказал Иван младший, – чтобы детей наших поучить порядком, а не таи, как учатся у нас все шляхтичи?

Иван старший с чувством пожал руку у Ивана младшего и произнес тихо:

– Воспользуемся же благим советом и не станем терять времени.

И в самом деле, они принялись за дело так плотно, что оно скоро взяло совсем другой оборот, нежели какой дал было ему пан Харитон. Давнишняя опытность Ивана младшего и громогласие храброго Ивана старшего, а более всего присланное Никанором вспомогательное ополчение так подействовали...

Но обратимся к пану Харитону.

Роковое писание от жены Харитон получил гораздо за полдень. Пока склонил он лекаря ехать с ним в хутор, пока сей последний приготовил нужные от обжорги лекарства, то солнце близко было к закату, а как приблизились к хутору, то все погружено было в глубокий сон, кроме собак, кои кое-где лаяли, а особливо на дворе панском. Не видя ни в одном окне огня, пан Харитон вздохнул.

– Так-то слуги наши и служанки, – произнес он, – радеют о господах своих! Чтоб ничто не мешало им покоиться, о беззаконные! они загасили все ночники,

меж тем как их несчастные обожженные господа ахают и охают.

Постой! дай мне до вас добраться!

Вступая в комнаты, пан Харитон увещевал лекаря и строго наказывал слуге своему Луке хранить тишину сколько можно, дабы не беспокоить недужных. Луна светила полным светом, а потому все предметы весьма отдельно видны были. Проходя из одной комнаты в другую, – а всех в панском доме было пять комнат, – они и духа людского не ощущали.

– Что бы это значило? – сказал пан Харитон с движением гнева и недоумения. Он задумался и после со смятением произнес: – По всему вероятно, они так изуродованы, что не надеялись доплестись сюда, и кто-нибудь из добрых приятелей принял бедных к себе до моего прибытия. Я сейчас бы распорядился; но что сделаешь ночью и у кого искать их? Не умнее ли сделаем, пан лекарь, – продолжал он, – когда велим подать огня, выпьем по чарке и чем случится закусим?

Лекарь, которому давно хотелось спать, похвалил такую умную выдумку, а особливо услыша о чарке и закуске; ибо он набожно верил, что засыпать с тощим желудком совсем не христианское дело и прилично одним немцам.

Слуга высек огня и зажег дорожную свечку; потом

принес из повозки большую деревянную чашу, баклажку с пенником и плетенку с сулеею вишневки.

В чашке заключалась жареная индейка и несколько булок, на что глядя, Эскулапий^{14} не считал сей вечер потерянным. Они ликовали довольно долго, забыв об отчаянно больных, и растянулись на куче сена, нанесенного в комнату Лукою.

Поздно поутру они опомнились, поздоровались с баклагою и пустились в путь. Взглянув на головни, оставшиеся от голубятни, глаза у пана Харитона заблистали, и он заскрипел зубами.

– Добро! – сказал он, – может быть, и погибель моего дома есть ваше дело, незаконные паны Иваны, произведенное посредством богоотступных сыновей ваших. Посмотрим!

Во всю дорогу от хутора до села пан Харитон мучил лекаря рассказами о всех причинах, кои понудили его позываться со многими горбылевскими шляхтичами, а особливо с панами Иванами, и наконец вступили в селение.

– Стой, Лука! – вскричал Харитон, – я вижу, идет прямо к нам пан Захар; порасспросить было его о моем жалком семействе! Здравствуй, пан Захар!

– А, пан Харитон! Мы все думали, что ты в городе, а вышло, что хозяйничал на хуторе.

– Я таки и был в городе до вчерашнего вечера. Но

об этом после. Скажи, пожалуй, где я могу найти жену мою и детей?

Пан Захар уставил на него глаза и после с улыбкою сказал:

– Ты, видно, не выспался! Прощай!

С сим словом пан Захар удалился, Лука поехал далее, а Харитон погрузился в глубокую задумчивость.

– Стой, Лука! – вскричал он, и Лука остановился, – вот идет пан Давид; авось он будет поумнее пана Захара. Здравствуй, пан Давид!

– А, пан Харитон! Как ты здесь очутился?

– После поговорим об этом, а теперь уведомя: тебе, как приятелю, должно быть известно мое несчастье – где мне найти мое бедное семейство?

– А, понимаю! Последний позыв твой, видно, был неудачен, и ты рехнулся! Ах, бедный! Прощай! я боюсь сумасшедших!

Он уходит скорыми шагами, и пан Харитон, задыхаясь от бешенства, едва мог произнести:

– Видно, на Горбыли нашла злая минута, и все паны ошалели. Стой, Лука! вот приближается пан Охреян; спросить было еще в третий и последний раз.

Здравствуй, пан Охреян!

– А, пан Харитон! здорово! Давно ли из города? Что твой последний позыв?

– Не о позыве слово! Скажи, бога ради, кто из вас,

друзей моих, призрел жену мою и детей?

– Что такое?

– Разве ты оглох?

– Видно, не пустой разнесся слух!

– Какой?

– Что ты, потеряв тяжбу, рехнулся ума! Прощай!

Глава XIV

Суматоха

Пан Харитон действительно потерялся.

– Что за дьявольщина! – вскричал он, – или я и подлинно не в полном уме, или все горбылевские шляхтичи одурели! У кого ни спрошу о жалкой участи жены моей и детей, все удивляются, как бы я спрашивал их: «Как обретается хан Крымский?» Не хочу больше спрашивать ни у кого. Поезжай, Лука, прямо к пепелищу моего дома; там мои крестьяне и соседние шляхтичи, наверное, скажут, где могу найти то, чего ищу и о чем спрашивал у трех сумасшедших.

Лука приударил по лошадям, и кибитка быстрее покатила. Пан Харитон забился в глубь своей колесницы, лег навзничь, зажмурил глаза и сложил на груди крестообразно руки.

– Не хочу, – говорил он с тяжким вздохом, – не хочу видеть издали развалин моего дома: пусть одним разом сердце мое растерзается! Как взгляну на кучи угольев вместо дома, где столько времени жил во всяком довольстве?

Что почувствует бедное сердце мое, когда вместо доброй жены, двух милых дочерей и удалого сына увижу движущиеся головешки? Кажется, мне не пере-

нести сего горя; да не лучше ли и впрямь умереть разом, не умирая каждоминутно?

Кибитка остановилась, и слуга соскочил с козел. Вдруг раздались голоса: «Ты ли, друг мой Харитон?» – «Батюшка, батюшка!»

– Что же ты не вылазишь, – спросила любопытно Анфиза, – здоров ли ты?

Влас! Полезай к нему!

Влас вскочил в кибитку и закинул циновку, которая была опущена. Все ахнули и отступили назад. Пан Харитон, бледный, подобно мертвому, лежал в прежнем положении; подле него спал человек незнакомый, а из кибитки выходил запах, как будто из разрытой могилы. Дети заплакали, а жена горько зарыдала.

– Ах, Харитон, Харитон! ах, сердечный друг мой! – вопила Анфиза, – не я ли стократно тебе пророчила, что от позывов никогда добра не бывает! Велика ли беда, что кролики обгрызли у тебя несколько отпрысков вишневых и съели пары две капустных кочней; прогнать бы только их, а не стрелять, и ничего бы этого не было, и ты был бы жив и счастлив в своем семействе. Хотя ты, правда, иногда уподоблялся бешеной собаке и я от чистого сердца посылала тебя к черту; но когда ты и в самом деле туда попался, то мне тебя и жалко стало! Раиса! Лидия! слезами не воскресить его! Велите приготовить теплой воды и чистое белье,

а ты, Влас, прикажи позвать священника и дьячка Фому с псалтырью!

Легко можно представить, что чувствовал пан Харитон. Сперва представилось ему, что он действительно сошел с ума, о чем уверяли его уже трое шляхтичей; однако ж если он и обезумел, по крайней мере жив: зачем же тут надобна псалтырь?

Когда он продолжал углубляться в размышление, не думая переменять своего положения – может быть, с некоторым умыслом, – вдруг слышит подле кибитки голоса жены и детей, священника, дьячка и множества сбежавшихся приятелей с женами, детьми и домочадцами. Пан Харитон открыл четверть глаза, дабы видеть, что за дьявольщина у его кибитки производится. Он видит: жена стояла с пасмурным лицом, спустя руки, дочери хныкали, сын суетился как угорелый; один из приятелей пожимал плечами, другой бормотал что-то про себя, а третий сказал вслух:

– По мне, хоть бы он давно протянул ноги; но жаль, что я не успел с ним позываться. Покойник, не тем будь помянут, был великий обидчик, обманщик, мошенник, словом, настоящий злодей, который рано или поздно, а не избежал бы виселицы. Хорошо сделал, что окошел заблаговременно: дай бог ему царство небесное! Я не памятозлюбив!

– Уймись, собака! – возгремел Харитон, привстал,

выпучил глаза и страшно зашевелил усами.

Кто опишет общее смятение, шум, вопль, суматоху! Не успел пан Харитон два раза мигнуть, как на дворе ни души уже не было. Пробудившийся лекарь спросил:

– Что такое?

– Не знаю, – отвечал пасмурно пан Харитон, – только видел, что мое семейство с волосами, и ни на лице, ни на руках не заметно ни одного струпа. Пойдем-ка в комнаты!

Проходя из покоя в покой и наконец обошед весь дом, они ни души не находили; даже в кухне никого не было. Что делать? Догадливый лекарь сказал Луке (который, управляясь с лошадьми во время бывшего смятения, не понимал, отчего домашние разбежались):

– Загляни-ка в печь; нет ли там чего? Слуга исполнил приказание и объявил, что она полна горшков и сковород.

– Чего ж лучше! – вскричал лекарь, – разбежавшиеся соберутся, а между тем мы сытно отобедаем. Прикажи-ка заглянуть в твой погреб и дай познакомиться с твоими наливками.

Пан Харитон кивнул головою, и проворный Лука бросился в погреб. В скором времени стол убран был изобильными яствами и напитками, и когда дело при-

ближалось к концу, то лекарь умильно сказал:

– Я весьма доволен твоим угощением, как бы у самого пана сотника, и если ты щедро заплатишь мне за составленные для твоих больных лекарства, то я и впредь готов усердно служить тебе во всякое время.

– Заплатить за лекарства! – сказал протяжно пан Харитон, уставив на лекаря страшные глаза свои, – да разве ты употребил из них хотя ползолотника?

– Все равно, – отвечал медик, – они составлены и должны быть употреблены на дело. Виноват ли я, что у твоих домашних целы волосы и что они не обгорели?

– Полно, полно, пан лекарь! – возразил хозяин, – будет с тебя и того, что отвезут в город в моей повозке, а на дорогу велю уложить целый хлеб, несколько кусков свиного сала и баклажку с добрым пенником!

– О! – сказал лекарь с видом удовольствия, – коль скоро так, то чего больше!

Таким образом, мир снова водворился. Пан Харитон начал хвастать своими наливками, и лекарь надменно сказал:

– Не худы; но у меня в аптечном ящике есть сулейка с истинным сокровищем вроде наливок. Полтавский полковник в бытность у него нашего сотника подарил ему бочонок сливянки, объявив, что она стоит в погребе более двадцати лет. Сотник за излечение его от

бессонницы, происшедшей от излишка совести, подарил мне баклажку, и я сей драгоценный эликсир берегу как наилучшее лекарство. Чтоб доказать, что не хвастаю, и поблагодарить тебя за два угощения, я потчую тебя одним кубком, а больше не дам.

– И одного кубка довольно, – сказал пан Харитон, – чтоб судить о доброте твоего напитка.

Лекарь взял кубок, вышел и, вскоре возвратись и подавая пану Харитону, с хвастовством сказал:

– Изволь-ка выкушать! Ты сознаешься, что во всю жизнь не пивал подобной сливянки!

Пан Харитон выпил кубок и, подумав несколько, сказал:

– Не знаю, что ты находишь тут отменного! Сливянка, как и все прочие сливянки!

– Так, на вкус; но действие, ах, действие! Ты скоро его почувствуешь!

И в самом деле сливянка весьма скоро взяла свою силу. Пан Харитон начал зевать, морщиться, потягиваться и говорить несвязно; спустя немного он с трудом произнес:

– Смерть как спать хочется, – и растянулся на лавке.

– Так-то и всегда надобно поступать с вами, сутяги, – говорил лекарь, – теперь и нехотя заплатишь за мои мази и примочки!

Вышед на крыльцо, он сказал сидевшему там слуге:

– Скорее запрягай лошадей в повозку. Пан Харитон просил, чтобы, пока он отдыхает, съездил я в ближнее село за весьма нужным для него делом. Я умею править и один, а ты останься дома.

Лука без малейшего прекословия исполнил повеление и выпроводил лекаря за ворота, а сам, возвратясь к пану и видя, что он погружен в глубокий сон, присел к столу, убрал все недоеденное, выпил все недопитое и дошел на сенник отдохнуть после дороги.

Глава XV

Мертвец

Глубокая тишина водворилась в доме Харитоновой. Рассеянное семейство его собралось воедино в противостоящем доме пана Хризанфа и с робостью смотрело на окна своего дома; однако ж ничего не видало, ибо пан Харитон пиршествовал с лекарем и после започивал в горнице окнами в сад. После обеда множество приятелей и приятельниц собралось в доме Хризанфовом, любопытствуя узнать, чем кончился сей странный случай. Время проходило, а развязки не было. Тут Анфиза отправила посольство к приходскому священнику, прося его усильно, вооружась приличным сану его оружием, предводительствовать ими при вступлении в дом свой. Сия духовная особа от природы была неробкого духа, а потому и явилась у ворот дома Харитонова в сопровождении дьячка Фомы. Все многолюдство, как бывшее в доме пана Хризанфа, так и выстроившееся на улице, быв ободрено мужеством своего пастыря, предстало к нему кучею, и честный отец, облачась в святительские ризы, взяв в правую руку крест, а в левую курящееся кадило и возглашая приличное пение, первый вступил в покои. Хотя и приметно было некоторым, что голос его за-

дребезжал и руки задрожали, однако это не мешало ему продолжать начатое. Вступив в храмину, где лежал, растянувшись на лавке, пан Харитон, он остановился, и все с ним бывшие побледнели.

– Вот он, – сказал священник, – опять преставился и, вероятно, уже более не восстанет. – Он окадил его ладаном, трижды ознаменовал крестом, окропил его и всю комнату святою водою и сказал во услышанием всем:

– Молитесь богу о успокоении души преставившегося, и бог его помилует.

Тут все лишние любопытные разошлись, ибо наступали сумерки, и нарочно приглашенные старухи спрятали тело покойного, одели в чистое белье и в любимую кармазинную черкеску^{15}, вынесли в самую большую комнату и уложили на столе, по углам коего горели четыре больших церковных подсвечника. Домашние удалились на покой, женщины все без изъятия – в комнату Анфизы, а мужчины расположились у Власа. Столько-то страх обуял их!

Дьячок Фома, осушив из поставленной подле него сулеи добрую меру, богобоязненно возгласил: «Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых!»^{16} и так далее.

Долго занят был почтенный Фома тремя различными предметами: чтением, лобызанием с сулеею и зе-

ваньем. Когда петухи первым пением возвестили полночь, то Фоме показалось, что покров на покойнике шевелится. «Вот дурачество! – сказал он про себя. – Неужели и я – полудуховная особа – уподоблюсь мирянам в невежестве? Никак! никогда не скажу: я видел то, что мне только чудилось! Дай-ка поздороваться с сулею».

Пан Харитон за четверть часа уже проснулся. Услыша бормотанье Фомы, он узнал, что тот читает псалтырь. Открыв до половины глаза и видя себя на столе под церковным покровом, а в ногах горящие светильники, он сейчас догадался, что его сонного сочли мертвым и готовили к погребению. По своему крутому нраву он хотел было оторвать у дьячка пучок; но скоро отдумал, представляя только, что он слушался повеления других и слушался охотно, потому что в сем состоит житейский доход его. Всех более винил он своих злодеев, панов Иванов, которые подложным письмом выманили его из города.

Он, зная давнишнюю преданность к его дому всего причта церковного в своем приходе, никак не хотел думать, чтобы дьячок Фома решился изменить ему и написать от имени жены такую небывальщину. Поэтому когда Фома, поднося к губам сулею, возгласил: «Вечный покой душе Харитоновой!», то он ласково отвечал: «Спасибо, дружище!»

Кто хочет представить себе ясно тогдашнее положение жалкого Фомы, тот пусть на время вообразит себя на его месте. Бедняк оцепенел; пальцы рук его прикипели к сулее; он не мог даже дрожать: он только и чувствовал, что волосы головы его, собранные в пучок, трещали. Пан Харитон привстал и, видя его в сем горестном положении, сказал с улыбкою:

– Перестань, Фома, дурачиться! Разве и ты столько ошалел, что спящего человека почел за мертвого? Всему этому виною злодей лекарь, который, вероятно, подкуплен такими же злодеями Иванами. Постой, постой!

Меж тем как пан Харитон, сидя на столе, повествовал Фоме последнее свое приключение, пришедший в чувство дьячок поставил сулею на стол и слушал его с разинутым ртом и устремленными взорами; проснувшийся на сеннике Лука вздумал проведать, что делается в панском доме. Вступив в большую комнату, он немало всполошился, увидев нечто непредвиденное: пан Харитон в праздничном наряде сидел на столе посередине комнаты, покрытый до половины церковным покровом; вокруг его горели четыре больших подсвечника; в головах лежала псалтырь; в заключение оторопелый дьячок Фома стоял у изголовья с испуганным видом.

– Подойди, Лука, – сказал пан Харитон, – и уверь

неверного Фому, что я не воскресаю теперь из мертвых, а никогда еще и не умирал. В доказательство сего на первый случай, – тут он протянул руку, взял сулею и мигом выдудил до дна.

Сим неоспоримым доказательством не только жизненности, но и вожделенного здравия, ободренный Фома воззвал:

– Что же будем делать теперь, пан Харитон?

– А то, – отвечал сей, – на что будет воля божия. Прежде всего, Лука, ступай в погреб и принеси столько разноцветных сулей, сколько снести в силах. Если увидишь это сокровище за замком, то на такой случай есть полено – понимаешь?

Лука никуда так охотно не ходил, как в погреб, а особенно когда посылаем был от своего пана; тогда ему никто не указчик. Отведывая каждую сулею, дабы узнать доброту вещества, в них заключенного, он прежде всех исполнялся духа веселия.

Покуда Лука был в отлучке, пан Харитон слез со стола, снял с него погребальный покров, простыню и подушку и уложил в углу на лавке; дьячок уставил четыре свешника под образами и тут же уложил свою псалтырь; потом оба уставили стол на приличном месте, то есть у окон, и сели рядом. К общему удовольствию вскоре явился Лука с своею ношею и уставил ее на столе.

Хотя пан Харитон и смекнул, что слуга прежде своего пана узнал вкус в наливках, и нахмурил было брови, но скоро лицо его прояснилось, и он сказал с усмешкою:

– Для такого великого праздника, каков есть день моего оживления, я тебя прощаю! Ступай опять на сенник и пробудь там до тех пор, пока я кого-либо не пришлю за тобою.

Сие вожделенное повеление исполнено было в великой точности. Пан Харитон запер обе двери из комнаты, и с гостем, усевшись на прежнем месте, принялись за кубки. Когда две только сулеи остались целыми, то пан Харитон принялся за разведывание о роковом письме, произведшем сию ужасную суматоху. Дьячок Фома клятвенно его уверил, что он не только ничего такого не писывал, но и во сне ему не грезилось.

– По всему видно, – вскричал он, заглаживая волосы назад, – что это чудное происшествие есть новая выдумка злокозненных панов Иванов, хотевших только удалить тебя из города, дабы на свободе удобнее действовать в свою пользу!

– В свою пользу? – сказал пан Харитон, качая головою, – клянусь целостию усов моих, что эта хитрость им не поможет! Сегодня воскресный день. Отслушаю обедню, отслужу молебен ангелу-хранителю и – пу-

щусь в город.

Пусть некоштные паны Иваны не веселятся!^{17}
Сотник и дьяк на моей стороне – чего ж трусить?

Глава XVI

Набожные

Посреди сих разумных разговоров они провели немало времени, строя замыслы, каким бы новым удальством озлобить врагов своих, не навлекая, впрочем, на себя излишних хлопот, как вдруг красно-речивый дьячок воззвал:

– Восхвалим господа во псалтыре и гусях! и той вразумит ны на дела благая! – Он схватил с восторгом псалтырь, раскрыл и, указывая перстом на лист, сказал: – Что может быть приличнее теперь, как возгласить первый псалом? Он как будто нарочно для тебя бы писан. Ты тот блаженный муж, иже не идет на совет нечестивых. Одолеем же по кубку и примемся за славословие.

Пан Харитон наполнил кубки; они их осушили, утерли усы и, глядя один на другого, заревели: Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых! Рев сей разлился по всему дому; все проснулись. Никто сначала не понимал, что б это значило; но вскоре все ясно отличили голоса дьячка и пана Харитона. Ужас объял душу каждого. Все трепетали и жались одни к другим, а особливо на женской половине, подобно овцам при появлении волка.

Завывания пана Харитона с каждою новою минутою становились явственнее, ужаснее; голос дьячка Фомы, громогласию коего все прохожане удивлялись, когда он восклицал на крилосе, казался теперь еще чуднее. Все окостенелыми руками крестились и, не могши двигать онемевшими языками, мысленно молились.

– Он, видно, начал с дьячка, – сказала наконец шепотом Анфиза, – уже с час прошло, как начал душить его мертвец, но Фома не очень поддается.

– Однако ж, – заметила трепещущая Раиса (обе дочери лежали подле нее на постеле, а служанки на полу), – примечай, матушка, Фома начинает ослабевать: голос его едва слышен!

Все утихло. Бедные женщины отдохнули и свободно перекрестились.

– Слава богу! – сказала Анфиза довольно громко, – видно, он удовольился одним дьячком и улегся. Ах, если бы поскорее настал день! Как только отойдут обедни, сейчас окаянного в могилу и на место креста воткнуть на ней большой осиновый кол.

Однако ж это молчание было не что иное, как отдых славословящих. Они между тем наполнили кубки, выкушали степенно до дна и, почувствовав новые силы и новую бодрость, что было в них духу возопили: «Не чувствует твоя милости окаянный».

Новый ужас потряс все члены бедных женщин (о мужчинах я не упоминаю, потому что чувствование и положение матери с дочерьми для меня занимательнее, чем положение сына со слугами), и Анфиза со стоном произнесла:

– Ему угомону нет! О господи! когда мы, бедные, дождемся дня?

– Ему легче, – заметила Раиса, – он теперь нажил себе товарища. Разве не слышишь, матушка? Удушенный дьячок Фома также ожил и вместе с ним богохульствует?

– Да, слышу. О горе!

Таким образом, с одной стороны, громогласное славословие, с другой – страх и трепет продолжались до восхода солнечного. День, как сказано, был воскресный, и всякий хотел управиться в домашнем быту до обеден. Идущие на рынок и возвращавшиеся с онога, слыша возгласы дьячка и мертвеца, с ужасом останавливались и крестились. Это нимало не смущало моих возглагователей, а, напротив, придавало им новый жар. Вдруг слышат они сильный стук у дверей от передней комнаты, и пан Харитон, будучи гораздо крепче на ногах, нежели его товарищ, подошел к двери и открыл ее навстижь. Впереди стоял священник с поднятым вверх большим медным крестом, подле него находился дьячок Уар с дымящимся кади-

лом; за ними непосредственно следовали шляхтичи с возрастными сыновьями, а воинство сие заключалось шляхтянками с их дочками, в середине коих отличались Анфиза и ее прекрасные дочери, все три утопающие в слезах.

Пан Харитон, окинув всех одним взглядом, пришел в большой восторг и возопил: «Векую смятошася языцы, вскую поучашася, тщетным?» Самые храбрые вздрогнули и на шаг отступили. Священник, не теряя своей важности, столь свойственной его сану, возопил:

– Петель трикраты возгласил; солнце воссияло на тверди; злые духи исчезли от лица земли; исчезните же и вы, силы вражия, духи буйные и пытливые, оставьте бездушныя тела пана Харитона и задавленного им дьячка Фомы, коими завладели есте, и низвергнитеся во преисподняя земли!

Тут он сотворил крестное знамение, вошел в комнату, а пан Харитон, пораженный его словами и движениями, пятился назад до самого стола, не зная, что ему делать. Наконец врожденная вспыльчивость и необузданность нрава мгновенно в нем пробудились: он сел на скамье и сказал велегласно:

– За здравие ваше, честные посетители! Но как я, по милости проклятого лекаря, спал целый день до самой полуночи, то мне и можно бодрствовать.

Товарищ мой во псалмопении не спал всю ночь, так видите – глаза его слипаются, и язык не ворочается. Пора и ему отдохнуть. Отец Егор! прошу из церкви прямо ко мне; вы также, добрые приятели, в этом мне не откажете.

Анфиза, Раиса, Лидия! что вы там прячетесь? Постарайтесь, чтоб всего и для всех было довольно, а я иду в сад поразгуляться.

Глава XVII

Неожиданные вести

Держа под руку ошалевшего дьячка Фому, пан Харитон проходил сквозь ряды недоумевающих, ласково раскланивался с шляхтичами и шляхтянками, обнял жену и дочерей, бывших вне себя от радости, и уплелся в сад, наказав, чтоб его не тревожили. Все разошлось кому куда надобно было, а семейство пана Харитона занялось приготовлением праздничного обеда.

День клонился к окончанию, но веселье в доме гостеприимного хозяина не уменьшалось. Великое множество посетителей не было ему в тягость. Он угощал мужчин, жена его женщин. Пан Харитон водил гостей по саду, хотя сентябрьские ветры пообили уже половину древесных листьев; по гумну, где вычислял, сколько каждый стог ржи даст ему пеннику; по скотному двору, где имел случай похвалиться быками и ковами, козлами и баранами. Его супруга из окна показывала приятельницам толпы кур, гусей, уток и индеек, повествуя о нраве и привычках каждого петуха и каждой курицы. Не утешно ли это?

Когда все собрались опять в комнату, где стол уставлен был корчагами с дымящеюся варенухою, и

гости и хозяин поставили где попало свои кубки, услыша на дворе стук колес и лошадиный топот, и вскоре является в собрание человек низменный, лет в пятьдесят, но зато довольно пространный в чреве и широкий в раменах. Лысина его светилась, как полный месяц. Кто же был этот гость? Писец сотенной канцелярии пан Анурии. Все из почтения привстали, а хозяин, ласково обняв его, усадил на своем месте и предложил свой кубок с варенухою. Все глядели ему в глаза, ловили каждое слово и хохотали, когда сей глупец улыбался своим выдумкам. Когда три кубка перелились в его утробу, то он, избоченясь, произнес:

– Что дашь, пан Харитон, за добрые вести, привезенные мною из города?

Сам сотник, отдавая мне сей сверток бумаг, сказал: «Поезжай, дружище, и бумаги сии отдай самолично пану Харитону». Из сего заключаю, – продолжал Анурии, – что они благоприятны, ибо в заключениях никогда не обманываюсь.

– Понимаю, понимаю! – сказал пан Харитон и с улыбкою вышел.

Едва успел пан Анурии управиться с четвертым кубком, как пан Харитон явился с дарами и предложил ему новую шляпу из лучшей коровьей шерсти, новые сапоги, напитанные самым чистым дегтем, и глиняную трубку работы первого гончара в Полтаве.

Пан Анурии принял благосклонно подносимое и бросился к своей одноколке для укладки; после чего, вошед в собрание с большим запечатанным свертком бумаг, учтиво подал оный пану Харитону и уселся на прежнем месте. Пан Харитон, просмотрев бегло каждый лист, сказал:

– У меня после случившихся тревог глаза что-то мутны; потрудись, пан Анурии, сам прочесть. Определение сотенной канцелярии не есть тайна.

Пан Анурии с важностию взял бумаги, вынул определение, надел очки и начал читать.

Глава XVIII

Примерное решение

«Пан Харитон Заноза жалуется, что паны Иваны, Зубарь и Хмара, сожгли у него голубятню и с голубями, коих было более двухсот; а паны Иваны доказывают, что у старшего из них истреблена пасека, в коей было не менее пятидесяти ульев.

Сотенная канцелярия, по долгу своему вникнув в сии обстоятельства, определяет:

1. Предположа, что у пана Харитона при сгорении голубятни погибли все голуби, коих было сче- том более двухсот, то есть двести один, то, назнача высшую цену за каждого по полушке, выйдет убытку на пятьдесят копеек с полушкой. Но как паны Иваны клятвенно уверяют, что в пищу употребили только двадцать птиц, следовательно, настоящего, чисто- го убытку принесли на пять копеек, прочие же голуби частью разлетелись, частью сгорели. А как никто ни одному голубю не связывал и не обрезывал крыльев, то и прочие могли улететь: итак, они изжарились по доброй воле.

2. У пана Ивана старшего истреблено пятьдесят ульев, и по теперешней поре наполненных сотами. По справочным ценам каждый таковой улей стоит шесть-

десять копеек: итак, всего убытку выйдет на тридцать рублей. Исключая из сей суммы пять копеек, пан Харитон причинил пану Ивану старшему истинного убытку на двадцать девять рублей девяносто пять копеек, каковые деньги в течение трех дней и должен непременно выдать писцу Анурию. Для необходимых расходов сотенной канцелярии удержится двадцать восемь рублей девяносто пять копеек, затем остающийся целый рубль имеет быть выдан пану Ивану старшему с распискою».

Кто опишет бешенство пана Харитона! Он ломал на руках пальцы, стучал в пол ногами и страшно поводил глазами. Наконец вскочил как отчаянный, подбежал к изумленному писцу, выхватил роковое определение, изорвал в лоскутки и кинул в глаза послу сотенной канцелярии. Со всех сторон раздался шум и ропот. Пан Харитон ничему не внимал; он вопиял, оборотясь к писцу:

– Зачем же вы разъезжали на лошадях моих? а? Зачем орали землю моими волами и засеивали ее моими семенами? а? Зачем пожирали моих овец и баранов и из шкур их делали себе шубы? а? Зачем брали у меня деньги, душегубцы, бездельники, разбойники? Зачем выманивали у меня деньги, говорю я, когда не хотели держать мою сторону? а?

С сим словом – к ужасу всех гостей и семейств их,

ибо на громоподобный рев пана Харитона сбежались все жены и дочери собеседников, – он поволок пана Анурия за ворот, вытащил на двор, схватил в охапку, стукнул в одноколку, подал вожжи в руки сидящему и, дав две добрые позатыльщины, схватил с земли березовый сук и начал поражать им то лошадь, то Анурия.

Бедное животное, сколько было в нем силы, бросилось со двора на улицу, а пан Харитон, туда же выскока, кричал вслед писцу:

– Скажи дураку-сотнику и бездельникам – членам и сотенной канцелярии, что они беззаконники и что я завтра же еду в Полтаву позываться с ними в полковой канцелярии!

С бледным лицом, с сильно бьющимся сердцем вошел пан Харитон в палату пиршества и сильно огорчился, увидя, что все гости стояли со шляпами и палками в руках.

– Что такое, паны! – вскричал он, – неужели появление негодяя Анурия может погубить наш вечер! Пустое, друзья мои! Повеселимся сегодня; ибо, может статься, мы долго не увидимся. Завтра отправлюсь я в Полтаву, где и буду позываться с нашею сотенною канцеляриею.

Услыша такую отчаянную мысль, все ахнули и уставили на него любопытные взоры. Анфиза заплакала

и сказала своим приятельницам:

– Лучше бы ему не оживать сегодня, чем наделать столько бед! Шутка ли?

Канцелярскому писцу надавать позатыльщин и с дюжину ударов по спине орясиной? Можно ли позываться ему с целою сотенною канцеляриею, когда не сладил с двумя Иванами, простыми шляхтичами? Одна беда, да и только!

Гости стояли в недоумении, уйти ли им, или остаться, как новое зрелище решило их сомнение: четыре полные корчаги варенухи несены были с подобающим торжеством. Густой благовонный пар, клубом вившийся из их отверстий, коснулся нежного их обоняния; шляпы и трости уложены по скамьям, пиршество возобновилось и продолжалось гораздо за полночь.

Часть вторая

Глава I

Дон Кишот в своем роде

На другой день пан Харитон оделся по-дорожному и приказал домашним снаряжать его в дальний путь, где, по всему вероятно, пробудет он немало времени. Когда вздыхающая Анфиза с дочерьми и несколькими служанками начала увязывать узлы, пан Харитон с трубкою в зубах вышел на крыльцо и просвистал три раза: на сей обычный знак прибегает Лука и ждет приказаний.

– Что же не подвезена кибитка! – вскричал сердито пан, – разве я не говорил тебе вчера, что сегодня еду в Полтаву позываться?

– Во-первых, – отвечал слуга, – ты об этом ничего вчера не приказывал; а во-вторых, хотя бы и сто раз приказывал, то все было бы то же.

– А почему?

– Потому, что лекарь, третьего дня, по делам твоим уехавший куда-то в твоей кибитке и на твоих лошадях, до сих пор еще не возвращался!

Пан Харитон задрожал от гнева, и трубка выпала из рук его.

– Кто ж тебе, бездельник, говорил, что я поручал лекарю ехать куда-нибудь по делам моим?

– Он сам это сказывал!

– Вот тебе и на!

Пан Харитон поднял с земли трубку, сошел с крыльца и начал шагать по двору, заглядывая всякий раз в сарай, когда проходил мимо онога, и, не видя ни щеголеватой кибитки, ни двух надежных коней, приходил час от часу в большее бешенство. «Что начать в таких сомнительных обстоятельствах?

Позываться? Нет возможности! Озлобленный писец Анурии из кожи вылезет, только бы обвинить меня! Попросить у кого-либо из приятелей напрокат?

Но дал ли бы я сам кому-либо кибитку в столь дальнюю дорогу! Опять просить? Стыдное дело! Покориться лекарю, заплатить за лекарство и возвратить похищенное имущество? Нет, нет! это будет знак, что я сознаюсь в своей несправедливости; а родить такую мысль в умах соседей, а особливо панов Иванов, мне пуще ножа острого! Однако ж что-нибудь делать надобно!»

Пан Харитон продолжал расхаживать по широкому двору, углубись в размышления; вдруг вспадает ему на ум счастливая мысль, и он останавливается.

«Так! – вскричал он, – точно так и я сделаю, никому не кланяясь. Сколько я перечитал книг в моей молодости! „Бова Королевич“, „Еруслан Лазаревич“, „Петр – Золотые ключи“ и многое множество других. Уж они ли – князья и царевичи – не могли иметь хороших кибиток для своих разъездов, а посмотришь на картинки, все они путешествуют верхами и большею частью на прескверных клячах. Пан Демьян давно зарится на двух моих жеребчиков; не поменяется ли он со мною, уступив за них своего иноходца и старую кобылу? Пожалуй, я придам еще козла или барана!»

Утвердясь в сих мыслях, он обыкновенным знаком, то есть свистом, подзывает Луку и велит возок свой, в коем вывозили со двора всякий сор, вымыть хорошенько и колеса смазать; потом входит в покои и объявляет жене и дочерям, что будет обедать дома и притом с гостем. Сделав домашний распорядок, он шествует к пану Демьяну и находит его в огороде, занятого сшиванием тютюна в папуши^{18}. Начались торговые переговоры и продолжались немалое время; наконец дело приведено к концу: иноходец и кобыла уступлены пану Харитону за двух жеребчиков, с придачею старого козла, столько необходимого для конюшни, где стоят молодые лошади. Тогда же новое приобретение пана Харитона отведено в дом его, оттуда взято возмездие, и как скоро пан Демьян упра-

вился с тютюном, то и потекли к обеду нового путешественника, куда предварительно приглашен был и священник с причтом.

Распространяться нечего. По окончании трапезы и по получении благословений пан Харитон простился с рыдающим семейством, взмогнулся на иноходца, перекрестился и, утирая кулаком слезы, вскричал на лошадь: «Ну!» – и огрел ее плетью по боку. Бедное животное вздрогнуло и затрепало ушами, не чувствуя на спине своей такой тяжести и не получая других знаков к усугублению хода, кроме движения уздою; получив новый удар и услыша новое: «Ну же, волк тебя съешь!», выступило вперед с такою кротостию, с таким непамятозлобием, что сам пан баритон умилился и дал слово сколько можно реже прибегать к посредству плети, а довольствоваться сим одним многозначим: «Ну!» Лука, сидя на козлах возка, в котором находилась вся нужная поклажа, не столько был нежен, как господин его: он вооружился длинною дубиною, и, о каждом восклицанием «Ну!» бедная старуха чувствовала по крайней мере два ловких удара по репице. Она вертела хвостом, скалила зубы, хотела выступить посмелев и – спотыкалась. В таком-то торжестве пан Харитон выехал из села Горбылей и направил шествие по дороге к Полтаве.

Хотя в городе сем не бывал он никогда, но, помня

пословицу: «Язык и до Киева доводит», не унывал ни-мало.

Оставим его покуда в сем гигантском предприятии, которое Ивану старшему показалось крайне отважным, а младшему даже отчаянным, безумным, и обратимся к сим последним, коих мы давненько оставили, занявшись делами отважного пана Харитона.

Глава II

Новые поводы к тяжбе

Одержав столь знаменитую победу над злейшим врагом своим по делу о сожженной голубятне и истребленной пасеке, паны Иваны с торжеством ехали из города в свою обитель, как на середине дороги у стоявшей корчмы увидели они одноколку и тотчас узнали, кому принадлежит она.

– Вот кстати, – сказал Иван старший, – возьмем у Анурия принадлежащий нам рубль и хорошенько его попотчuem.

Вошед в сборную комнату, они и подлинно увидели пана Анурия за столом, сидящего у сулеи, в самом пасмурном положении.

– Что такое, пан Анурии? – вскричал Иван старший; – сулея у самого рта и печальный вид – это что-то не клеится. Жид! подай-ка еще две сулеи с чем хочешь, только бы с самыми лучшими думами! Право, ты пан Анурии, великий делец и весьма проворен! Возможно ли только в такое короткое время управиться с такою буйною головою, какова у негодного Занозы!

– И подлинно управился! – сказал Анурии с горькою улыбкою и, налив кубок, пил из него с приметным

неудовольствием. Пань Ивань диковину сию заметили с удивлением, приступили с расспросами, и Анурии рассказал все подробно. Выслушав с подобающим вниманием о сем приключении, от существования Малороссии неслыханном, пань Ивань сердечно возрадовались, и старший всплескал руками. Анурии показал весьма недовольный вид и спросил:

– Неужели вы, коих я считал моими друзьями, можете радоваться, что затылку моему достались оплеушины, а спине полновесные удары дубиною?

– Никак, – отвечал Иван старший, – мы радуемся и веселимся не тому, что именно тебе, нашему другу и ходатаю, достались славные побои, но тому, что они даны именитому писцу сотенной канцелярии дерзкою рукою злобного Занозы.

Мы надеемся, что сие злодеяние скорее его доконает, чем застреленные кролики, перебитые гуси, утки, овцы и, наконец, – истребленная пасека! Шутка ли только! Пану Анурию, мужу, поседевшему и оплешивевшему среди бумаги, чернил и перьев, надавать позатыльщин и раз десять огреть орясиною!

– Ровно двенадцать раз огрел он, – отвечал надменно пан Анурии, – а в тринадцатый замахнулся и хотя сделал промах, но все его должно счесть за удар. Притом же – при бесчисленном множестве шляхтичей и шляхтянок он поносил самыми бесчестными руга-

тельствами сотника и всю сотенную канцелярию; волок меня чрез всю комнату, что все равно как через весь дом, за ворот, который достает, как видите, до затылка, а потому все равно как бы волок за чуб. О паны Иваны! если вы тому радуетесь, что Харитону Занозе достанется за сие богопротивное дело с лихою, то мне это любо! О! если бы у него было и вдвое имения более, нежели сколько он имеет, то и его было бы недостаточно заплатить мне за бесчестье и увечье. Нет! надобно будет ему познакомиться с городской тюрьмою и отведать, какой вкус имеет черствый хлеб и пресная вода. Вот вам рука моя, что это сбудется, и притом скоро!

Паны Иваны расстались с приятелем и возвратились в свои дома. Там подняли такое ликованье, как бы сделали и бог знает какое приобретение. Пан Харитон узнал о сем от своих приятелей и скрежетал зубами. Некоторые друзья усердие свое и преданность к другу доказывают тем, что безрассудства его не только извиняют, но еще всеми силами стараются подстрекнуть его к настоящим безумствам, кои носят уже ужасное имя беззакония: так-то и с паном Харитоном. Он выехал из села Горбылей в Полтаву весьма пасмурен и дик и лишь очутился на выгоне, то представились ему принадлежащие панам Иванам две ветряные мельницы в полном действии. Он подь-

ехал ближе и остановился.

Приехавшие с возами ржи и пшеницы крестьяне, сидя кружком, курили тютюн и рассказывали друг другу чудные были, кому-либо из них на роду приключившиеся; внутри мельницы раздавались веселые зазыванья мельника. Для всякого другого путешественника сия сельская картина показалась бы забавною; но пан Харитон, смотря на нее, повергся в большую мрачность и дал в духе своем место духу злобы и мщениа. Он поехал далее и в первом переселке остановился под предлогом отдыха. Лошади пущены были на траву, а пан и его слуга разлеглись в тени древесной. Мог ли пан Харитон спать спокойно, когда ужасная мысль: «Ненавистные паны Иваны торжествуют!» – ежеминутно раздирала его сердце. Раз двадцать спрашивал Лука, не прикажет ли впрягать кобылу и седлать иноходца, и всегда получал в ответ: «Погоди!»

Наконец настали сумерки глубокие, и пан Харитон вскочил с одра зеленого.

– Впрягай кобылу в возок и седлай коня, – сказал он слуге, – и жди меня здесь. Мне нужно на несколько времени отлучиться; но я скоро буду.

Он скорыми шагами пустился – кто не отгадает, куда, – прямо к мельницам. Достигнув своей цели, он не видал уже ни одной души живой.

Предварительно собрано им в поле и снесено к обеим жертвам его ненависти множество сухого хвороста, сена, соломы и прочего дрязгу. Потом, высекши огня в трут, положил его в горсть сена и начал со всей силы махать рукою, в коей заключалась сия искра, а вскоре произвел пламя. Тогда, сунув клочок сей под главное мельничное кало^{19}, начал подкладывать собранные им припасы, и когда увидел, что огонь коснулся строения и оно задымилось, то он часть горевших веществ сообщил и другой мельнице и, отошед саженой на сто вперед, остановился, дабы полюбоваться плодом своей храбрости. Пламень скоро охватил обе мельницы; но никто из горбылевских жителей, спавших глубоким сном, о том и не подумал. Пан Харитон, видя, что мщение его в полной мере удовлетворено будет, пошел спокойно к своему становищу. Он, взмостясь на иноходца, а Лука, усевшись в возке, поплелись далее, пан Харитон – произнося громкие проклятия против панов Иванов, а слуга – посылая в преисподнюю его самого за неуступчивость в неправом деле.

Оставим сего богатыря, странствующего со своим оруженосцем в Полтаву, чтобы – сражаться? О нет! его подвиг гораздо опаснее! Он едет позываться с сотенною канцеляриею! Не всякий ли, знающий в делах смету, согласится, что в случае его победы он должен

признан быть славнее, чем Добрыня Никитич, низложивший волшебного исполина Тугарина!

Глава III

Выгодная промышленность

Поутру на другой день все в Горбылях узнали о новой пакости, сделанной панам Иванам, и не только они, но и никто в целом селе, не исключая и самого семейства Харитонова, не предполагали, чтоб то не было дело сего раздраженного пана. Оба Ивана смотрели один на другого молча, качали головами, пожимали плечами, и наконец старший из них прервал молчание, вскричав:

– Нечего делать! надобно опять позываться!

– А с кем изволишь? – спросил холоднокровно Никанор (ибо и сыновья приглашены были на сей важный совет), – известно, что пан Заноза теперь на пути к Полтаве, где будет позываться со всею сотенною канцеляриею.

– Моя мысль та, – молвил Коронат, – чтобы до времени оставить все дальнейшие разыскания и вражды и спокойно дожидаться, какой оборот примут дела в Полтаве. Если посчастливится там Занозе, то нам лучше покуда замолчать; если же и там попримут его, тогда уже наверное можно позываться с ним не без успеха. – Паны Иваны, хотя не без неудовольствия, должны были согласиться с мнением сыновей

своих, тем более что они не теряли сладостной надежды позываться, коль скоро в Полтаве подпилят рога бодливому пану Харитону, а что это сбудется, тому они со всем усердием верили и от чистого сердца желали, чтоб сие скорее исполнилось.

Глубокая осень наступила, и все двигавшееся по земле засело дома.

Влюбленные не меньше прежнего философы давно уже не наслаждались объятиями прелестных супругов своих; единственное удовольствие, коим еще могли они пользоваться, состояло в том, что в праздничные дни удавалось им беспрепятственно смотреть на них в церкви, делать кое-какие знаки и – взаимно вздыхать: бедное утешение для тех любовников, которые испытали уже сладостнейшие восторги в объятиях своих любезных. Они составили совет, долго думали да гадали и наконец решились пожертвовать частью своей тайны, только бы удовлетворить пламенным своим желаниям. Какое же было заключение сего совета?

К известному уже нам обширному саду Харитона, где любезные сестры в первый раз осмелились припасть к грудям пламенных юношей и трепещущими губами прошептать волшебное слово «люблю!», примыкался небольшой огород некоего Кирика с Улитюю. Сей Кирик был прежде достаточный шинкарь и

жил без нужды. Одно только обстоятельство его огорчало, иногда приводило даже на гнев и бешенство – он был бездетен, хотя Улитта считалась самой дородною шинкаркою в целом селе. К чему только не прибегал наш чадолюбец, все тщетно! Все знахари, колдуны и колдуньи горбылевские были призваны, даримы и потчуемы; кормили и поили Улитту всякою всячиною – все по пустякам, и когда исполнилось ей пятьдесят лет и она лишилась даже признаков, по которым до того времени все еще надеялась быть матерью, то и знахари и колдуны от нее отступились, и Кирик погрузился в уныние: сей тяжкий грех тем опаснее, что от размышления час от часу увеличивается и может кончиться настоящим сумасшествием. Кирик, дабы предостеречься от сего угрожающего ему несчастья, последовал мудрому совету знахарей и начал заглядывать в расставленные на прилавке кубки. Скоро лекарство сие так ему понравилось, что чаще стал сам лечиться от недуга уныния, чем лечить других. Когда, бывало, ни усматривал он на улице мальчика или девочку, всегда приходил в исступление и бешенство; но как скоро из первопадающей сулеи выцеживал столько, сколько мог не переводя духа, то ему становилось легче. Когда мимо окон дома его проходила беременная женщина, он опрометью выбегал на двор; жена его, зная, что это значит, кидалась к при-

лавку, и лишь только являлся муж с поленом в руках, она шла ему навстречу с самою огромною бутылью; Кирик останавливался, улыбался, кидал оружие свое на пол и с родительскою нежностью принимал бутыль из рук жены в свои объятия, лобызался с нею и проливал слезы умиления. Чтоб еще более предохранить себя от нападков злого духа уныния, Кирик повадился посещать вечеринки, где сельские красавицы, сидя за прялками и пядьцами, исподлобья глядывали на соприсутствующих молодцов и обрекали себе суженых. В такие горбылевские Пафосы и молодые щеголи не дерзали являться без приличных подарков^{20}, если не хотят быть осмеянными, то старому ли Кирику явиться туда с пустыми руками? Он знал смету, и когда ни вступал в храмину веселия, молодежь радостно вскрикивала; ибо все наперед знали, что руки и карманы шинкаря нагружены хорошими наливками, лентами, снурками, перстеньками и проч. и проч. Веселье делалось общим и обыкновенно продолжалось до первых петухов. Такая блаженная жизнь, конечно, может прогонять всякого злого духа, а не только уныние; но надолго ли? Кирик после двухлетней борьбы с сим врагом душевным и не заметил, что на прилавке его все сулеи и бутылки пусты, а наполнить не из чего, ибо в бочках не было ни капли, а в сундуке ни полушки. Нечем уже было лечиться, и злобный, раздражен-

ный дух явился к нему с сугубою яростию.

В сем-то положении находились дела Кирика и Улитты, как предстали пред них наши влюбленные витязи и со всею осторожностью – взяв предварительно клятву в совершенном молчании – вверили им драгоценную тайну свою и, обещая восстановить прежнее их благосостояние и довольство, просили до наступления будущей весны отдать в распоряжение их чистую половину дома, состоящую из двух горенок. Сначала хозяева изъявили некоторое опасение, зная твердо, каков пан Харитон; но когда Никанор высыпал из кошелька на стол сто злотых, то и робкий дух опасения убежал от них столько же проворно, как прежде бегал дух уныния, видя прикосновение к сулее губ Кириковых. Дело скоро полажено, и Улитта взяла на себя труд уведомить сестер о новом для них приюте. Кто может быть в подобных случаях лучшею Иридою ^[21], как не опытная шинкарка? В тот же вечер Улитта посетила Анфизу под предлогом, что муж ее хочет опять приняться за прежний торг, и потому если у них есть продажное вино, то он купит две или три бочки по весьма выгодной для них цене. Анфиза хотела спросить о том у своего винокура и вышла: тут-то честная Улитта имела случай и время подробно изъясниться. Сначала робкие красавицы испугались и изменились в лицах; но скоро красноречие шинкарки,

а гораздо более собственное влечение сердец, воспоминание прежних восторгов любви совершенно их убедили: они ощутили в душах своих неизъяснимую бодрость и взяли на себя искать способов при всяком удобном случае погуливать в дом ее.

Глава IV

Тайна не утаилась

Могли ль милые сестры не сдержать своего обещания? Кто опишет общую радость, наслаждение, упоение, когда обе юные четы сплелись руками, прижались один к другому и соединили вместе пылающие губы! Кто не отгадает дальнейшего!

Юность во всем бывает беспечна, а особливо если любовь накинёт на глаза ее свой ослепительный покров. Однако же вся осень и часть зимы прошла весьма спокойно. Студенты имели полную волю быть там, где хотели, и отлучаться от домов своих на столько времени, как им приходило на мысль; но нежные сестры были в других обстоятельствах. Они, по званию девиц и притом именитых шляхтянок, не иначе могли выйти куда-либо, как с согласия матери.

Однако ж за сим в главном предмете помешательства не было. Они просились то к заутреням, то к вечерам, куда мать их, по причине слабости здоровья, с некоторого времени уже не ходила; а вместо того всякий раз поспешали к хате Кириковой, где, по условию, мужа их ожидали. Сии последние очень хорошо знали, что верность хозяина и хозяйки зависела от их

чливости^{22}, и потому время от времени из их карманов выкатывалось по нескольку золотых; а как скоро целая неделя проходила без сего жертвоприношения, то Кирик и Улитта не так-то усердно им прислуживали, и нередко в откупных горенках было так же холодно, как и на улице. Но что значит самый трескучий мороз для сердец, в коих пылает пламя любви? Мужья-любовники в таких случаях отогревали руки, щеки и губы своих прелестных жаркими поцелуями, и никто не чувствовал стужи. Хотя они и не упрекали своего Филемона и его Бавкиду за худое гостеприимство, но сии время от времени делали явные наметки и не уставали говорить похвальные речи любезной добродетели – щедрости и предавать проклятию гнусный порок – скупость. Где же бедным философам достать столько денег, чтобы ненасытный шинкарь и жена его могли быть довольны? Они выпрашивали у отцов и матерей; но и сии, как уже известно, не столько были богаты, чтоб могли каждодневно на прихоти сыновей кидать по нескольку золотых. Такое мотовство могло бы со временем разорить их не меньше, как и беспрывные позыванья.

Паны Иваны держали тайный совет и, утвердясь, что тут не без шашней, положили в сем удостовериться и, смотря по обстоятельствам, принять нужные меры для извлечения молодых ученых из кохтей демона

сластолюбия, которого считали злее и опаснее самого духа позыванья, Вследствие сего они решились сами, никому не доверяя в таком важном деле, преследовать сыновей во время частых их отлучек и открыть истину. Чтоб вернее достигнуть своей цели, они притворились совершенно невнимательными, слепыми, между тем как смотрели в оба глаза. Скоро удалось им проникнуть, а после увидеть, что Никанор и Коронат посещали бедную хату шинкаря Кирика.

– Что бы такое нашим шалунам делать у таких людей? – сказал запальчиво пан Иван старший, – неужели находят они удовольствие пить вместе со всякою сволочью; или старая толстая Улитта...

– Пустое, брат, – отвечал значительно Иван младший, – ни тому, ни другому нельзя стать; а вернее всего, что хата Кирикова есть сборное место.

– А вот увидим!

В первое после сего разговора воскресенье, когда оба семейства праздновали в доме Ивана младшего, в послеобеденное время Никанор и Коронат, с полтавскою выступкою каждый подошел к отцу, без обиняков попросили денег. Старики сначала несколько упорствовали, но после отсчитали сынкам – сверх ожидания – по пяти злотых. Ученые были в восторге и не знали, чему приписать такую щедрость. Наступили сумерки – философы скрылись, а оба Ивана будто

того и не заметили.

Спустя час они объявили женам и детям, что хотят посетить друга своего пана Агафона, взяли в руки по палке и пустились к хате Кириковой. Вошед в сени сколько можно тише, они услышали разные голоса и сейчас отличили Никанора и Короната, но никак не могли дознаться, чьи бы отдавались звуки голосов женских. Со всевозможною осторожностью ощупали они дверь, мгновенно ее отворили и быстро вошли в комнату. Боже! что они увидели! Никанор и Коронат сидели у стола, держа каждый в объятиях по девушке, и эти красавицы были – о ужас! Раиса и Лидия, дочери заклятого злодея их, пана Харитона!

Любовники и любовницы сидели как окаменелые; но и старики не в лучшем были положении. Они все и неведь сколько времени оставались бы безгласными и бесчувственными, если бы появление Кирика и Улитты не разбудило их от смертного сна сего. Пан Иван старший очнулся первый и возгремел:

– Так-то вы, честные люди, разживаетесь? Таки-ми-то средствами опять появился в хате вашей опустевший шинок? Вот мы вас!

С сим словом он возвысил длань и со всего размаху поразил увесистою палицею по спине Кирика, а друг его, привыкший с малых лет во всем ему последовать, такую же честь оказал Улитте. Устрашенные хозяева

опрометью бросились бежать, а паны Иваны устремились за ними с поднятыми вверх палками, произнося проклятия и угрозы.

– Теперь и наша очередь! – сказал Никанор, встал и с подругою своею пошел быстро; Коронат с своею любезною следовал по пятам его. Когда дошли они до ворот дома Харитонова, то сестры тяжело вздохнули, и Раиса, сжав Никанора в своих объятиях, произнесла сквозь слезы:

– Ах! что с нами будет!

– Не печалься, моя милая, – отвечал философ, – ведь этому когда-нибудь надобно же было случиться; а чем скорее, тем лучше. В настоящем положении долго пробыть вам нет возможности. Спящая доселе мать ваша должна проснуться, по крайней мере тогда, когда услышит болезненный стон ваш и на прелестных грудях ваших увидит милых малюток; а до этого времени, по собственным приметам вашим, остается только три месяца. В начале любви нашей вы обе – милые сестры – верили словам моим и нас обоих осчастливили; верьте же и теперь, что вся жизнь моя и жизнь моего друга посвящены будут на доставление вам постоянного счастья. Вы должны радоваться, что отцы наши заблаговременно узнали нашу тайну и тем подали теперь повод к особенной деятельности.

Они простились с нежностью и, следуя давно уже

обдуманному предприятию, бросились в дом одного из своих сверстников, оседлали приготовленных коней, вскочили на них и быстро выехали из села Горбылей, несмотря на крепкий мороз и резкий ветер.

Глава V

Жалкая мать

Мы оставили панов Иванов в погоне за Кириком и Улиттою. Они и настигли их в кухне, где палочные удары посыпались на бедняков градом. Тщетно они вопиали, тщетно клялись в своей невинности; паны Ивановы более верили глазам своим, чем клятвам виноватых, и продолжали до тех пор доказывать им крепость мышц своих, пока не устали. Тут Иван младший – как искусный законник – начал допросы и требовал объявить время, когда началось это дьявольское знакомство.

– Милосердые паны! – воззвала Улитта со стоном и слезами, – скажу вам всю истину, какой ни одна ворожея, ни одна цыганка не сказывала. Знакомство сыновей ваших с красавицами началось не у нас в доме, а где именно, мы не знаем. Я не иначе склонилась на представление мужа, чтобы на время эти горенки уступить молодым шляхтичам, как очевидно уверилась, что девицы были несколько торопливы и прежде времени захотели быть матерями. Лишней порчи не будет, сказала я, и мы склонились на их просьбу. Они проводили здесь вечера с общим удовольствием, и мы – как добросовестные шинкарь и

шинкара – не больше от них получали, как сколько нужно было на отопление и освещение тех горенок: ведь не разоряться же нам для чужой потехи!

Паны Ивановы, удовольствовавшись на сей раз объявленной расплатою за услугу добросовестного шинкаря и его супруги, возвратились в дом Ивана младшего и заперлись в особой комнате. Они довольно долго молчали, взглядывая один на другого весьма пасмурно. Иван старший прервал молчание восклицанием:

– Ах, господи! могли ли мы ожидать этой новой бури? Правда, несколько раз, встречаясь на улице с Раисою и Лидиею, хотя смотрел на них исподлобья, однако заметил, что они не бесплодны. Открытие сие крайне меня веселило; ибо я уверен был, что один слух о сем будет для сердца нашего Занозы весьма острою, опасною спицею.

Представляя его горесть, его неистовство, я проводил блаженнейшие минуты в жизни. Мог ли я тогда подумать, что ученые сынки наши будут источником сего нечестия? Я, право, не знаю, как лучше поступить в сем задачливом случае!

– И я тоже, – отвечал Иван младший, – и божусь, что во всю жизнь не встречалось мне слышать о деле, столько запутанном.

Оба Ивана повесили головы, опустили руки, взгля-

дывали робко один на другого и – вздыхали. Выходя к ужину, они условились, чтобы встретить сыновей равнодушно, как будто бы они ничего нового не видали и не слышали: но как же удивились они, когда жены их спросили:

– Где же Никанор, где Коронат?

– Разве их нет с вами?

– И не бывало с самого вечера!

– Понимаю, – молвил с притворною улыбкою Иван старший, – они, между нами сказано, немного спрашивали и знают, что мы о том известны. Опасаясь на первых порах нашего гнева, где-нибудь теперь укрываются, выжидая, пока огни потушены будут, чтоб тогда прокрасться в свои спальни и в следующее утро ожидать, что мы скажем. Поужинаем наскоро и ляжем спать, чтоб бедняков не заморозить.

Скоро Иван старший с семейством ушел, и мрачная тишина в обоих домах водворилась.

Заглянем в дом пана Харитоиа.

На другой день рано поутру, едва багровое солнце проглянуло сквозь облака снежные, Анфиза с дочерьми сидела на скамейке противу растопленной печи, занимаясь все три вышиваньем, как вдруг дверь их комнаты быстро распахнулась, и они ахнули, увидя представившихся перед ними двух оборотней. Платье их было в куски растерзано, лица и руки в кровавых

рубцах и сине-багровых пятнах. Страшилища смотрели на них молча и ужасно улыбались. Раиса и Лидия почти без чувств склонили головы на колена матери и едва переводили дух.

Анфиза вне себя смотрела на сих посетителей и по времени признала в них соседей своих Кирика и Улитку. Ободрясь сим открытием, она спросила ласково:

– Кто привел вас в такое жалкое состояние и чего вы от меня хотите?

– Чего мы хотим от тебя, – вскричала с бесстыдством шинкарка, – о том объявим после; а прежде ты должна узнать, кто был причиною, что мы из обыкновенных людей сделались теперь пугалами! Хочешь ли знать о сем?

– По мне, все равно! Чем я могу помочь вам? Мое дело стороннее!

– Не очень стороннее! Вот те красавицы, которые соорили с нами эту шутку!

Раиса и Лидия вскрикнули, вскочили со скамьи, бросились в свою спальню и заперлись. Анфиза сидела на своем месте бледная и трепещущая.

Безжалостная шинкарка начала свое повествование и продолжала оное до конца с особенным красноречием. Анфиза, уподобляясь каменному истукану, слушала ее, не переменяя положения; но благий промысл высшего никогда не оставляет добродушных

людей томиться долго в оковах бедствия. Анфиза получила употребление чувств, встала, бросилась пред образом спасителя на колени, подняла вверх трепещущие руки и горестно воззвала:

– Боже милосердый! чем прогневила я тебя, что так жестоко меня караешь? Двадцать лет, лучших в жизни человеческой, страдала я каждодневно от дикого и непреклонного нрава мужа моего; но всякий раз, когда я начинала терять терпение, благодетельное дитя твоей благости к нам грешным – надежда – оживляла меня и наполняла твердостью, надежда, что в детях найду отраду, утешение скорбных дней моей старости! А теперь – теперь – о преблагий господи! сжался над несчастною матерью!

Глава VI

Признание в грехах

Она простерлась ниц и молилась. Скоро благодарные слезы заструились по щекам ее; она встала, села у стола на лавке и, оперши голову на обе руки, рыдала неутешно. Бесстыдная Улитта, подступив к ней поближе, сказала:

– Я надеюсь усладить горесть твою, если и ты с своей стороны захочешь облегчить горесть, нас удручающую. По всему вероятно, дочки твои не заглянут более в горенки, у нас для них отведенные, следовательно, и от молодых шляхтичей Никанора и Короната не видать нам ни шелеха; между тем у нас нет не только быка или коровы, но ни теленка, ни ягненка; хата наша близка к разрушению. Если ты из большого имущества своего уступишь нам пару быков, пару коров и десяток овец с бараном, а вдобавок пожалеешь сто злотых на поправку жилища и на обзаведение, то клянемся всею нашею честью, что обо всем происходившем в глазах наших никому не скажем ни полслова, и все дело предано будет вечному забвению; в противном случае...

– Преступная, презренная, богомерзкая грешница! – сказала Анфиза с важностью матери, недостой-

но оскорбляемой в детях ее, — как посмеешь ты, изверг своего пола, взглянуть на небо и злодейскую грудь свою знаменоват крестным знамением? Не ты ли потворствовала неопытным творениям и доставляла им удобства день ото дня глубже и глубже погружаться в греховную пучину? Сокройся с глаз моих, чудовище, и присутствием своим не прибавляй к моей горести ужасного чувства посрамления; сокройся, говорю я, или прикажу поступить с тобою и с участником твоего беззакония гораздо строже, нежели вчера поступлено было с вами!

Не ожидавшая такого окончания затей своих Улита едва могла выслушать упреки Анфизы. Она кусала себе губы, вздрагивала от гнева и скрипела зубами. Слыша последнее обещание раздраженной матери наградить ее по заслугам, она схватила мужа за руку и ушла, произнося угрозы и заклинаясь мщением.

Жалкая мать, оставшись одна, старалась, сколько можно, утишить биение сердца и волнение крови. Мало-помалу она делалась покойнее и, ощутив в себе довольно силы перенести предполагаемое ею отчаяние дочерей и сколько-нибудь утешить страждущих преступниц, она подошла к дверям их спальни и, нашед оные назаперти, остановилась с ужасом. Она приложила ухо к замочной скважине — ничего не слышно.

Холодный пот выступил на лбу ее, и трепещущею рукою она постучалась. Нет ответа. Тут в полуотчаянии произнесла она дрожащим голосом:

– Дети мои! преступные, несчастные, но все еще милые, любезные дети мои! Раиса! Лидия! дайте мне видеть вас, излить в души ваши возможную отраду и утешение! покоритесь воле премилосердного, и он вас помилует!

Осушите слезы вашей матери, как она стремится осушить ваши!

Громкие всхлипывания коснулись слуха Анфизы. Двери отворились; она сделала шаг вперед, и обе дочери пали к ногам ее и обнимали колена.

– Встаньте, – сказала она, помогая им подняться, – встаньте, бедные, и у груди матерней примите от нее прощение! Ах! как слепа была я доселе! Как могла я так долго не заметить того, что, без сомнения, видели все жители сельские? Излишняя доверенность к чистоте ваших нравов наложила на глаза мои покров непроницаемый. Скажите, каким несчастным роком могли вы ниспасть в столь глубокую пропасть? Какой дух злобы, утешающийся бедствиями людскими, поверг вас в преступные объятия злейших врагов наших? Откройте истину в настоящем ее виде, и общими силами поищем способов выпутаться из сетей, коими сатана вас опутал!

Она села на лавке посередине дочерей, и Раиса начала рассказывать ей со всем чистосердечием начало и продолжение любовных походов. Когда она уведомила, что на другой же день после своего падения они обе надлежащим образом обвенчаны и потому с меньшим уже затруднением предавались сильному влечению сердец своих, то Анфиза дала рукою знак остановиться и погрузилась в глубокую задумчивость. Разные ощущения изменяли черты лица ее: то ясные лучи отрады блистали в ее взорах, то туман прискорбья закрывал блеск их, и новые слезы трепетали на ее ресницах. Наконец, обняв обеих дочерей со всею нежностью и обратя глаза к небу, она сказала:

— Благодарение тебе, милосердый боже! что любовь дочерей моих хотя и преступна, но не беззаконна, и плоды любви сей хотя подвергнутся гонению и даже напастям, но не бесславию, не посрамлению, столько унижительным для всякого, не совсем изгнавшего стыд из души своей! Теперь с сокрушенным сердцем, с возмущенною душою, но не покрываясь румянцем позора или бледностию неисцелимой горести, могу я смотреть вам в глаза; вам и всем, кто бы кинул на меня испытующие взоры, могу сказать пред целым светом: так, дочери наши преступны: они без согласия отца и матери соделались супругами сыновей двух Иванов, непримиримых врагов наших, и ско-

ро будут матерями. Да устроит господь бог все к лучшему; да простит им сей проступок так, как прощает сердобольная мать и как... Ах, мои любезные! что я скажу вам об отце вашем? что, наконец, скажу о самых отцах мужей ваших? Вы знаете старую вражду, разделяющую наши семейства преградою непреодолимою! Впрочем, что угодно святой воле божией, то и сбудется! Но дабы вы ни одной минуты не сомневались в искренности моего прощения и что, какой бы оборот ни взяло дело сие, вы навсегда останетесь моими дочерьми любезными, для счастья и спокойствия коих я готова всякую минуту пожертвовать моим собственным спокойствием, моим счастьем, то теперь же примите материнское мое благословение!

Раиса и Лидия, тронутые, восхищенные до глубины сердец такую неожиданною добротою, вторично пали к ногам ее; слезящая мать произнесла свое благословение, и они с чувством детской любви и благодарности пали на грудь ее, орошая ее слезами умиления.

Глава VII

Новые удары

Когда сердца их несколько облегчились и мать с дочерьми выдумывали средства, как бы помирить между собою пана Харитона и обоих панов Иванов, вошедшая клюшница повестила, что дьячок Фома дожидается их в большой горнице с письмом из Полтавы. Все сердечно обрадовались, тем более что с самого отъезда Харитонова из дому не было об нем ни малейшего слуха. Они побежали к грамотею; Анфиза обласкала его, попотчевала; он разломал печать и вслух прочел: «Жена Анфиза и дети: Влас, Раиса и Лидия! Всем желаю здравствовать.

Было бы вам известно, что полтавский полковник не умнее миргородского сотника, а члены полковой канцелярии нахальнее, злобнее, прижимчивее, чем члены сотенной. Возможно ли? Они присудили, чтобы за бесчестие, причиненное мною при множестве свидетелей писцу Анурию, – великое подлинно бесчестие для канцелярского писца получить несколько ударов дубиною в спину от урожденного шляхтича, – заплатил я двести злотых! Да если бы я и до смерти убил негодяя Анурия, то нельзя требовать больше за сие увечье, как разве двадцать или тридцать злотых. Вы-

слушав такое нелепое решение, я твердо отрекся от исполнения, и бездушники определили отдать ему в вечное и потомственное владение мой хутор с крестьянами и со всеми угодьями. Правду сказать, что с тех пор, как начал я позываться с Иванами Зубарем и Хмарю, это имение мне опротивело по близкому соседству с их имениями. Однако ж, чтоб не ударить себя лицом в грязь, чтобы не остыдить столь почтенного имени, какое приобрел я и от самых врагов своих, имени завязного,¹⁰ то теперь же отправляюсь в Батурин, где до последнего издыхания намерен позываться в войсковой канцелярии с полковою и сотенною. Скорее соглашусь видеть вас в рубищах, босых, протягивающих руки для испрошения куска хлеба или даже умирающих с голода, чем поддамся моим злодеям. Когда Фома читает вам эти строки, то знайте, что я уже в Батурине. Прощайте! будьте здоровы!

Харитон Заноза».

Мать и обе дочери побледнели, а у дьячка Фомы пучок стал дыбом. Они смотрели друг на друга мрачными, помертвелыми глазами; груди у женщин сильно волновались, и каждый перевод духа был так тяжел, что казался последним вздохом. Дьячок прежде всех оправился; да и естественно. Хотя он сердечно

---

¹⁰ Почти то же, что упрямый, неуступчивый, заносчивый, хотя сии слова не совсем изображают первое.

предан был пану Харитону, но все же не был ему ни брат, ни друг – дружба между достаточным паном и сирым дьячком! И потеря первым хутора, единственного имущества, которым содержал он дом в Горбылях и жил благопристойно с своим семейством, не лишала последнего ни одной полушки из обыкновенных его доходов.

– Слава богу! – воззвал Фома, обратясь к образам и перекрестясь трижды, – слава богу! Теперь-то конец всем позывам! На решение войсковой канцелярии, каково бы оно ни было, некуда уже делать переноса. Утешься, печальная Анфиза! Раиса, Лидия, перестаньте плакать! Правда, с потерей хутора вы должны во многом себя ограничить; но это в существе ничего не значит. Начиная от моего блаженной памяти прадеда дьяка Максима, до меня, нижайшего дьячка Фомы, никто не имел более имения, кроме низменной хаты и небольшого огорода, в коем отличнейшими произрастениями были тютюн и несколько вишневых деревьев, а припомните, видали ль вы когда меня печальным; по мне же прошу заключать и о моих предках. Так-то и с вами будет. Оставляя хутор в стороне, у вас остается еще этот просторный дом, большой сад, три хаты крестьян и довольное количество земли. Если пан Харитон вместо позыванья займется хозяйством и чаще посещать будет свое поле, чем до-

мы беспутных друзей, то жизнь ваша потечет в покое и довольстве.

Сии слова велемудрого Фомы ободрили несколько унылые души сетующих, и они дали слово ждать конца начатым затеям с христианским терпением, причем просили навещать их сколько можно чаще и не оставлять благими советами.

Скоро советы сии были им весьма нужны; ибо – хотя добрая Анфиза и милые дочери ее из письма Харитонова знали уже участь своего хутора, однако не могли удержаться от горьких слез и тяжких вздохов, когда впервые услышали, что сие имущество законным порядком отдано писцу Анурию, который тогда же и вступил во владение оным. Дьячок Фома сделался как бы дворецким, в доме Анфизы. Он увещевал и домашних служителей и сельских крестьян как можно меньше есть и пить, дабы безбедно прожить до нового хлеба. Когда же один старик спросил:

– Для чего же ты, честной дьячок, за панским столом кушаешь и попиваешь за троих?

– Друг сердечный, – отвечал Фома с набожным видом, – если я увещеваю сохранять строгую умеренность, то разумею время, когда вы садитесь за стол у себя дома; если же по воле господней случится кому-либо из вас быть приглашену в гости к приятелю другого панства, о! тогда можете, даже обязаны насы-

Щать чрева свои, елико возможно.

Глава VIII

Задачливые дела

Меж тем как Анфиза и ее дочери мало-помалу привыкали к новому роду жизни и от чистого сердца благодарили бога, что он не совсем их оставил и наказал милостивее, нежели как заслужили они за свои грехи и беззакония домовладыки, в жилищах обоих панов Иванов происходила суматоха, непрерывные ворчанья и явные упреки жен, что мужья невременным появлением своим пред своими сыновьями повергли их в погибель, и все это вместе составляло для друзей истинное мучение; даже сон их возмущающим был страшными видениями. Они не упустили в целом селе обойти до одного дома шляхтичей и крестьян, везде высматривали, везде выпрашивали об участи сыновей своих, но нигде ничего не видали, нигде ничего не слышали относительно сего предмета. Когда возвращались они в дома с пасмурными лицами, а нередко и со слезами на глазах, то жены обыкновенно встречали их вопросами: «Ну что?»

Опять ничего? По всему видно, что бедные дети почивают теперь в волчьих или сомовьих желудках. О жалкий Никанор! о несчастный Коронат!» Мужья, приводимые такими восклицаниями в большее уныние и

горесть, потирали лбы, ерошили чубы и уходили иногда на целый день из домов своих. Все, что только приводило их в некоторую рассеянность и заставляло на малое время забыть свое горе, были разговоры о потере Харитоном хутора и о грозящей ему бедности. «Может быть, – восклицали они, улыбаясь сквозь слезы, – может быть, праведное небо и покраше его отделает, и тогда посмотрим, как бездушник плясать станет!»

Время летит заведенным порядком, и полета его не остановят ни слезы, ни улыбки. Настал светлый праздник, и все горбылевские жители, – исключая печальные семейства панов Иванов и Анфизы, радостно восшумели. Веселые толпы народа обоего пола и разного возраста бродили из улицы в улицу, и громкое пение раздавалось по воздуху; случившиеся на ту пору в Горбылях запорожцы, водя за собою гудошников и цимбалистов, тешили народ чудесною пляскою, борьбою и кулачными боями.

На третий день сего праздника перед обедом Анфиза с дочерьми, сыном и дьячком Фомою сидели у окон на лавках и пасмурными глазами смотрели на веселящихся; вдруг они вздрогнули, услыша топот коней и стук быстро катящихся колес. Они высунули головы в окна и радостно вскрикнули: «Вот и он!» Они увидели остановившуюся у ворот польскую бричку, а

позади ее повозку Харитонову.

– Вот и отец ваш! – сказала Анфиза, вскочила с лавки и побежала из комнаты; за нею последовал сын Влас, за ним Фома, а наконец, и обе сестры.

Сии последние хотя не могли не трепетать, представляя гнев отца, когда откроет их тайну, однако на сей раз они укрепились сколько могли, да и самая мать уверила их клятвенно, что скорее решится умереть под ударами разъяренного мужа, чем допустит его хотя пальцем прикоснуться к любезным дочерям ее в настоящем их положении.

Все выбежали за ворота, устремились к кибитке и с бьющимися сердцами, с простертыми руками ожидали появления отца и мужа. Кто ж опишет их недоумение и ужас, когда увидели, что из брички сошли на землю сам пан сотник Гордей с есаулом, а из кибитки писец Анурии с подписчиком. Сии надменные пань, не сказав окаменелому семейству Харитонову ни слова, пошли на двор, бричка и кибитка за ними следовали, и как скоро проехали ворота, то они затворились. Анфиза, ее дети и самый храбрый дьячок Фома не могли пошевелиться и походили на пригвожденных к земле. Дьячок, первый получив возможность что-нибудь промолвить, вскричал:

– Что ж вы здесь делаете? К вам пожаловали гости, а вы о приеме их и не подумаете! Вероятно, что они

вас и не узнали и теперь ищут по всему дому: слышите ли, какая там возня, какая стукотня! Пойдемте к ним!

Фома бодрыми стопами подошел к воротам и хотел отворить их для своих сопутниц, но не тут-то было, сколько он ни силился, сколько ни мучился – все напрасно. Он оборотился к Анфизе и в крайнем смущении смотрел на нее молча; сын и дочери Харитоновы глядели на остолбеневшего дьячка с открытыми ртами и также молчали. Вскоре услышали они по другую сторону ворот пыхтенье, и вдруг показался до половины писец Анурии. Он сел верхом на перекладине, вынул из кармана лист бумаги и произнес громко:

– Слушайте! я прочту определение войсковой канцелярии, и его уже изорвать в лошкютки нельзя будет! – Тут он развернул лист и прочел громогласно.

Глава IX

Горнее око не дремлет

«Войсковая канцелярия, рассмотрев решения канцелярии сотенной миргородской и полковой полтавской по делу о буйных и законопротивных поступках пана Харитона Занозы, определяет: как уже писец Анурий достаточно удовлетворен за данные ему позатыльщины и удары дубиною в спину присуждением ему в вечное и потомственное владение хутора реченного Занозы, то справедливость требует удовлетворить также сотника и членов сотенной канцелярии, сильно обещенных самыми поносными словами, произнесенными Занозою в тот вечер, когда он провожал дубьем Анурия со двора своего; посему и следует: у пана Харитона отобрав горбылевский дом с принадлежащими ему крестьянами, садами, огородами и полями, отдать во владение сотнику Гордею; а он обязан в возмездие всем членам сотенной канцелярии, от старшего до младшего, выдать из казны своей деньгами осьмую долю жалованья каждого; пана же Харитона Занозу, в страх другим и в исправление буйного нрава его, посадить в батуринскую тюрьму на шесть недель, содержа на хлебе и на воде. Что касается до жены и детей Харитона Занозы, то они, по при-

бытии в дом их сотника Гордея, имеют полное право выйти из оною в том одеянии, в каком застигнуты будут; если же и они – по неразумию и дерзости – станут противиться, тогда вытолкать их на улицу в шею, и пусть бредут, куда знают».

Не для чего описывать горестное положение несчастного семейства; всякий легко его представить может. Анфиза в полубесчувствии упала на скамью, у забора стоявшую, и рыдающие дети не могли подать ей никакого утешения; сам отважный дьячок Фома, приглаживая волосы, не мог ничего выдумать и бросал пасмурные взоры то на страдающих, то на кучу любопытного народа, собравшегося у ворот дома. Среди горести, тоски, недоумения они видят, что незнакомый старик продрался сквозь народ и предстал перед ними.

При величественном виде и осанке он был одет в богатое платье и опоясан турецким поясом, к коему прицеплена была дорогая сабля. Он с кротостию сказал матери:

– Не сетуй, огорченная Анфиза, и верь, что благий промысл вышнего устрояет все к концу вожделенному. Весьма часто случается, что самые бедствия наши бывают преддверием к неожиданному благополучию. Положение ваше, конечно, горестно, но – благодаря бога – земля населена не одними злодеями, и я

на первый случай могу подать вам руку помощи. Я довольно достаточен, и содержать вас до времени для меня не сделает никакой разницы.

Детей у меня нет, и живу один со своей старухой. Она женщина кроткая и великодушная. Я ручаюсь, что ты принята будешь ею, как родная сестра, а дети твои – как свои собственные. Как скоро муж твой получит свободу, то приедет к вам, и тогда все порассудим, что далее предпринять должно будет.

Итак, если мое предложение вам не противно, то примите его с таким же доброхотством, с каким удовольствием я оное делаю. Жилище мое за десять верст от сюда и стоит на реке Пселе. Следуйте за мною.

Анфиза собралась с силами и привсталала.

– Великодушный человек! – сказала она, – благодарю тебя от всего сердца за ласковое слово и за то вспоможение, которое предлагаешь нам, несчастным; однако ж я знаю на опыте, что оказывать благодеяние людям незнакомым гораздо легче, нежели от незнакомого принимать оные: итак, удостой нас уведомлением, кому обязаны будем помощь в нашей нужде?

– Требование твое справедливо, – отвечал старец, – и оно будет вскоре исполнено, но – не теперь. Зачем целым сотням знать то, что знаю я и что вам од-

ним знать нужно? – Сказав сие, он пошел тихими шагами; Анфиза за ним следовала, потупя глаза в землю, за нею дети, а шествие заключал дьячок Фома, которому нетерпеливо хотелось видеть, чем кончится столь чудное происшествие в семействе его благодетеля.

Они достигли до конца селения и введены в корчму, где незнакомец предложил им обед изобильный. По окончании оною Анфиза возобновила просьбу уведомить ее, кому одолжены они призрением в их бедствии.

– Я говорил уже, – отвечивал старец, – что обязан удовлетворить твоему желанию; но позволь отложить это до приезда в дом мой. И опять повторяю: я имею столько достатка, что вы отнюдь не будете мне в тягость.

Анфиза с дочерьми уселась в бричке, а сын ее и великодушный незнакомец взмоштились на нанятых коней и отправились в путь, предавая проклятию того злого духа, который соблазняет людей к позыванью. Честной дьячок Фома при прощанье получил полную горечь злотых и, идучи домой, весело распевал святошные песни.

По прибытии наших путников в дороге около трех часов они въехали на широкий двор, посередине коего стоял просторный господский дом, а по сторонам

его до двадцати крестьянских хат. Когда приезжие взошли на крыльцо, то их встретила пожилая миловидная женщина, и незнакомец, обняв ее, сказал:

– Вот тебе, Евлампия, гости. Это жена, это сын, а это дочери пана Харитона Занозы. Они – покудова – участь свою вверили нашему попечению, и я надеюсь, что не обманул их, уверив в твоём доброхотстве ко всякому, кто искать его станет.

Евлампия с приятным видом чистосердечия и дружелюбия обняла гостей, ввела в большую комнату и усадила на чистой лавке. Почтенный хозяин, севши против Анфизы, сказал:

– По недальнему расстоянию между нашими жилищами я думаю, что мое имя вам не неизвестно. Я называюсь Артамон Зубарь!

Глава X

Справедливое удивление

При ужасном имени Зубаря Анфиза и ее дети изменились в лицах и с недоумением смотрели то друг на друга, то на хозяина и жену его. Наконец Раиса и Лидия вскочили с мест и, бросясь на колени пред Артамоном и Евлампиею, залились слезами. Сии, подняв их, с нежностью заключили в объятия, и в глазах их также заблестали слезы.

– Так, мои милые! – сказал пан Артамон, усадив их между собою и Евлампиею, – вы догадались: я родной дядя Ивану Зубарю, а жена моя в третьем колене тетка Ивану Хмаре. Прожив довольно долго в брачном союзе и не имея детей, мы обратили родительскую любовь на своих племянников. Надобно сказать правду: я и жена моя совершенно довольны были их взаимною дружбою, домостроительством и миром, в семействах их господствовавшим. Довольно долго жили они в совершенном согласии с соседями, как вдруг злые духи, превратясь в кроликов, из сада Ивана старшего залезли в сад пана Харитона, напроказили, были побиты или изувечены, – и вот источник бесчисленных хлопот, великих издержек и, наконец, – разорения! Сколько мы ни увещевали сво-

их родственников кинуть гибельные тяжбы и довольствоваться остатками имения, – нет: страсть к позыванью усиливалась в них с каждою новою пакостию, от одного другому делаемую. Я и жена моя замолчали и решились упрямых родственников предоставить их участи, а они перестали к нам ездить.

Если положение ваше, любезные дети, положение, известное нам от самых наших внуков Никанора и Короната, не помирят враждующих, то они не перестанут позываться до гроба за участок земли, где назначена будет могила каждому.

Старик замолчал, и ободренная Анфиза сказала:

– Великодушный муж! убежище, тобою нам теперь даруемое, исполняет сердца наши вечною благодарностию; но благодеяние твое усемерится, если поможет тебе бог помирить позывающихся!

– Будем о сем молиться, – отвечал пан Артамон, – и надеяться, а между тем хозяйка назначит каждой из вас и молодому Власу по особой комнате и приличную прислугу. Как скоро возвратятся мои внуки, то они скорее выучат его читать и писать, нежели все дьячки горбылевские.

– А где теперь твои внуки? – спросили стремительно обе сестры в один голос, взглянули одна на другую, покраснелись и опустили глаза в землю.

– Я отправил их, – отвечал Артамон, – довольно да-

леко и за делом довольно важным. Если они успеют исполнить мое поручение, то это будет для всех нас началом общего спокойствия, и все тяжбы, бывшие в семействах наших, возвратятся на свою родину, то есть в преисподнюю, в объятия своего родителя, то есть Веельзевула. Теперь подите и выбирайте себе покой.

В тот же день приезжие были устроены, и с такою удобностию, как бы у себя дома.

На другой день поутру пан Артамон захотел проехаться верхом и посмотреть сельских работ, как нечаянное и странное зрелище обратило все внимание его и прочих членов семейства. В воротах двора показалась небольшая куча людей разного пола и возраста. Они походили на нищих и подвигались вперед медленно. Двое возрастных мужчин казались вырвавшимися из темницы. Платье их было в дирах; волосы на головах и усах покрыты густою пылью, а у одного под глазами и на лбу сине-багровые пятна, а лицо и руки осаднены. Когда сии пришельцы дошли до середины двора, то пан Артамон, рассматривавший их из окна, протирая глаза, сказал вполголоса, обратясь к жене своей:

– Праведный боже! не обманывают ли меня глаза? Не племянники ли это наши Иваны с женами и детьми своими? Точно они! В каком положении! Что бы это

значило?

Анфиза и дочери ее пришли в великое смятение, и первая сказала:

– Не может быть, чтобы паны Иваны после происходившей между вами размолвки явились сюда без какого-либо особенного с ними приключения, а особенно в таком состоянии, в каком теперь их видим. Не лучше ли с детьми удалиться на время в свои комнаты, ибо наше присутствие может привести их в большое расстройство!

– Хвалю за такую разборчивость, – отвечал пан Артамон, – и прошу пробывать в уединении, пока не объяснится дело.

Глава XI

Не веселись, злобный

Анфиза с семьею своею удалилась, а вскоре потом предстали паны Иваны.

Жены их и дети, увидя хозяев, заплакали, а Иваны, подступя поближе, низко поклонились, и старший сказал:

– Дядюшка! Небо нас наконец покарало, что мы не внимали благим твоим советам!

– Это я вам предсказывал, – говорил Артамон со вздохом, – но вы старику не хотели верить. Садитесь все, а ты, Иван старший, расскажи, что с вами нового приключилось и что причиною появления вашего в сем недостойном виде?

Все уселись на лавках, кроме Ивана старшего, который, став прямо против своего дяди, говорил:

– Когда мы вчера поутру известились, что ненавистный злодей наш, пан Харитон, обвинен в соделанных им преступлениях и достойно наказан лишением всего имущества, то радостно восплескали и возблагодарили бога, сокрушающего рог кичливых. Ах! мы не предчувствовали участи, нас ожидающей!

Миргородский сотник Гордей до самых полуден упражнен был со всею свитою рассмотрением пожит-

ков Занозы, описанием оного и расплатою со своими спутниками. Пользуясь праздничным временем, оба наши семейства отобедали у меня, а после вздумали повеселиться, смотря на коверканья машкар и пляску медведей. В сем намерении мы все пошли на площадь, где происходили сии диковины. Возвращаясь домой, мы встречены были плачущими слугами и служанками, которые объявили, что прибывшие из города чиновники в домах наших производят такие же бесчинства и грабительства, какие производили поутру в доме Занозы. Мы ахнули и, взглянув один на другого, увидели, что все прежде побледнели, а вскоре потом побагровели. «Что ж вы глядели, бездельники! – вскричал я с великим гневом к слугам, – разве вас мало? разве в домах наших нет ружей, сабель и рогатин?» – «Увы! – отвечал мой дворецкий, – мы и хотели сделать благоразумное сопротивление, увещевая сих супостатов подождать вашего возвращения с игрища; но пан сотник Гордей сказал мне с ругательным смехом: „Зачем станем панам вашим мешать в утехах, столько приличных летам их и званиям. Не ввязывайтесь, глупцы, не в свое дело, если не хотите на праздниках горько плакать. Разве не знаете, что мы сами по себе ничего не делаем, а все по приказанию высших?“ После сего он въехал на двор твой, а за бричкою его последовало с дюжину сотских и десятских.

На двор сего пана Ивана отправился писец пан Анурии в сопровождении такой же свиты».

– Гнев овладел мною не на шутку, – продолжал дворецкий, – и, решившись быть по крайней мере хотя свидетелем хищения, я вбежал на двор, а там в главную светелку, в которой, пробегая еще двором, видел злобного сотника, дающего десятским какие-то приказания. В одну минуту очутился я перед грабителем и сказал таким грозным голосом, каким никогда не говорил, протягивая руки к косам любезной жены моей, находя ее иногда не очень в приличном положении: «Что такое, пан сотник! Можно ли только озорничать в чужом доме без должного наказания? Это то же, что разбойничать!» Он взглянул на меня свирепо и хотел что-то промолвить, как вдруг появились два десятские. Один нес две большие сулеи – они были наши – одну с наливкою, а другую с пенником; следующий за ним шел с большим дубовым подносом, на коем уставлены были серебряный кубок и множество глиняных плошек. Сотник, наполнив кубок наливкою, поставил перед собою, а после, нацедив в плошки пеннику, произнес с важностию: «Ребята! за мое здоровье!» Когда мигом осушены были и кубок и плошки, он сказал: «Поблагодарите сего красноглазого мужа за его образцовую речь, да поисправнее». Едва кончил он слова сии, как четыре десятника взмахнули

киями и огрели меня по чему ни попало. Я закричал как отчаянный, и тут, подобно граду, удары на меня посыпались. Видя, что дело совсем на шутку не походит, я подобрал полы кафтана и – ударился бежать; но злодеи от меня не отставали, продолжая доказывать крепость киев своих плечам моим, спине и ляжкам, и не прежде унялись от сего богомерзкого дела, как увидели меня уже на улице. Тогда с громким смехом и различными ругательствами воротились на двор и скрылись в доме. Осматриваясь кругом, я увидел, что невдалеке от дома пана Ивана младшего стояли его и наши служители и служанки. Разглаживая взъерошенный чуб и хромая на обе ноги, я подошел к сей толпе и строгим голосом сказал дворецкому: «Так-то, дружище, радеешь ты о пользах своего пана? По тебе хотя бы городские разбойники, ограбивши дом, зажгли его, ты оставался бы покойным зрителем!» – «Я люблю рассуждать о последствиях, – отвечал дворецкий, – прежде нежели приступлю к какому-либо делу. Мне хотелось видеть прежде успех твоей храбрости, а там уже подумать и о своем отличии в сем причинном деле. Видя же, как учтиво провожали тебя из гостей от пана сотника, разумно смекнул, что и мне не менее чести оказано будет от пана писца; а как мне здоровые плеча, спина и ляжки еще не надоели, то я сказал сам себе: если самые паны не сумеют за себя

вступить и наказать обидчиков, то что мы, бедные, можем сделать?»»

Глава XII

Храбрые люди

– Услыша сие ужасное повествование, – продолжал пан Иван старший, – мы не знали, что начать в сем бедствии; плач и стон жен и детей умножали наше страдание. Вдруг я воспламенился свойственным мне жаром и в душе своей почувствовал такую храбрость, что готов был ратовать с самим Бовою Королевичем. «Как? – вскричал я к своему другу, – разве мы не урожденные шляхтичи; разве я не отличался в походах, а ты в канцеляриях? Мы мужья и отцы семейств, так не должны ли до последней капли крови, до последнего волоска на усах и чубах защищать благо жен и детей наших? Друг мой! управляйся с негодеем Анурием, а я иду перевесться с глупцом Гордеем!»

Заклинания жен, чтоб мы на сей раз оставили такие храбрые мысли, могли ль охладить кипящую кровь в сердцах наших? Как все сие позорище происходило против ворот дома моего друга, то я имел несказанное удовольствие видеть, с каким мужеством он, вооруженный увесистым кием, взошел на двор, там на крыльцо и – скрылся.

Подобно разъяренному вепрю, бросился я к свое-

му дому и – влетел в светелку, где сотник, сидя за столом, слушал донесения своих провожатых. Я принял, сколько можно было, ласковый вид, подошел к незваному гостю и сказал: «Я очень рад, что вижу тебя в моем доме! Выпьем-ка по кубку вишневки и кое о чем потолкуем!» Видя перед ним полную сулею наливки (из чего и догадался, что она была вторая или и третья после принесенной при моем дворцеком), я налил кубок и выпил. «Наливай же и себе, пан сотник! – вскричал я, – ты знаешь, я не скуп!» – «Скупиться или быть чивым^{23}, – отвечал он, надувши щеки, – можно только в своем добре!» – «Как? Разве я не в своем доме?» – «И ведомо!» – «С которого времени?» – «С того самого, как за твои и друга твоего буйства, неистовства, зажигательства мудрая войсковая канцелярия присудила лишить вас обоих движимого и недвижимого имения и предписала мне, отобрав от вас оное, приписать к сотенному имению». – «А если я за твое нахальство оборву у тебя усы и оба уха с корнем?» – «Скорее я провожу тебя со двора с большею честью, нежели с каковою незадолго пред сим велел проводить твоего дворецкого!» – «Ах ты невежа, бездельник, злодей!»

С сим словом вскочил я со скамьи, схватил сулею и со всего размаху огрел его по макуше. Ломкий сосуд расселся на части, и – мгновенно вишневка, смешав-

шись с кровию, оросила лицо сотника, грудь и спину.

Сопутники пораженного стояли в окаменении, а я сказал ему грозно: «Если ты, проклятое пугало, сейчас не оставишь моего дома, то я внесу тебя на крышку онога и со всего размаху брошу на улицу».

Хотя я сам угрожал другому смертию, но, к великому удивлению, почувствовал два резких удара в спину. Тотчас оглядываюсь назад, чтобы видеть нахалов и наказать их по достоинству, как вдруг чувствую, что кто-то вспрыгнул мне на спину и, схватясь обеими руками за чуб, окинул брюхо мое ногами и сиповатым голосом произнес: «По два десятских схватите злодея за руки и степенно ведите со двора долой, да еще два придавайте ему ходу, поражая киями по голеням и ляжкам». По голосу я узнал, что на мне висит раздраженный сотник.

Приказание исполняемо было с великою точностью. Что мне оставалось делать? Стыдясь кричать от поражения сих бесчеловечных, я только мычал, изгибался под ненавистною ношею, и хотя колена мои дрожали, я шествовал довольно проворно. Вышед из дому, увидел у ворот онога великое множество народа. Я задрожал. Тут раздался голос у самых ушей моих: «Остановитесь, а руки держите крепче». Тогда почувствовал я, что сотник начал меня разнуздывать и скоро спустился на землю. Он проговорил: «Опусти-

те его руки». Руки в ту минуту освобождены; но я получил в спину такой толчок, что не мог на ногах удержаться, пробежал четыре шага и растянулся среди улицы.

В сем положении получаю еще несколько ударов и в бешенстве катаюсь по земле. Скоро распознаю болезненный вопль моего семейства и громкий смех врагов моих, с коими некогда позывался и одержал победу. Надобно же было когда-нибудь встать, и я встал. Взглянув на окна моего дома, я погрозил кулаком, потом пригладил чуб, отряхнулся и пошел на голос родных моих. Я нашел оба семейства у забора бывшего моего дома в самом жалком состоянии, и праздничные одежды еще более заставляли каждого стыдиться. Друг мой Иван стоял поодаль и кулаком утирал слезы. «Как? – сказал я, подошед к нему, – неужели и твоя храбрость имела возмездие, моему равное?» – «С некоторою разницею, – отвечал он с тяжким вздохом, – на мне не ездил верхом писец Анурии, как на тебе сотник Гордей; но зато спине моей досталось несравненно больше ударов киями, чем твоим ляжкам». – «О правосудие! где ты?» – «Где-нибудь да есть, только не у нас!» – «Что ж сделаем?» – «Утопимся или удавимся!» – «Нет! умирать не отметивши – глупое дело! Неужели на всей земле малороссийской нет суда на Гордея и Анурия?»

Глава XIII

Кровавая битва

– Рассудив о своем состоянии, совершенно горестном, беспомощном, а особливо по случаю утраты сыновей наших, на коих возлагали всю надежду старости, мы решились у тебя, великодушный дядя! искать помощи и защиты.

Тогда только познали мы справедливость твоих суждений о проклятом позыванье, и вздохи позднего раскаяния стеснили груди наши.

Жены и дети просили, чтобы тогда же отправиться в путь и тем избежать досадного любопытства глупой черни, продолжавшей около нас толпиться, произнося громко обидные двоесказания и насмешки; но я, видя закатывающееся солнце и не надеясь на твердость меньших детей, могущих принудить нас заночевать где-нибудь в лесу или в поле, уговорил всех отложить поход до утра, а на ночь остаться у друга нашего пана Агафона. Итак, мы к нему отправились и были приняты со всегдашним добродушием и приветливостью.

Вечер прошел в различных толках о наших приключениях, и все не могли надивиться ослеплению войсковой канцелярии, определившей разорить нас,

не выслушав ни одного слова в оправдание. Настала ночь, и мы все, как гости, так и хозяева, стали в тупик. Дом нашего друга был столько просторен, что удобно располагался он с семейством, но не более; куда ж девать такую ватагу? У каждого из нас, кроме жены, было по трое детей. Все принялись взапуски рассуждать и положили: всех женщин и девиц уложить в спальне вместе с хозяйкою, хозяин со всеми мальчиками расположится в светелке, а паны Иваны, по добровольному согласию, упокоятся в конюшне на сеннике. Все сие с великим дружелюбием произведено в действие, и я с Иваном возлегли на душистом сене.

До первых петухов мы беседовали о горестях прошедшего дня и о глупостях, наделанных нами в последние десять лет нашей жизни. Но, ах! судьба не перестала гнать нас и на сене. Едва мы успели произнести друг другу «прощай», как послышались внизу под нами лошадиный топот и брыканье.

– Что бы это значило? – сказал тихонько Иван, – отчего старая кобыла Агафонова вздумала храбриться в полночь, когда и днем едва десятью ударами кнута заставишь ее передвинуть ноги?

– Шш! – прошипел я вполголоса, – кто-то ходит по конюшне, слышишь ли?

– Слышу! – отвечал Иван едва внятно, прижавшись ко мне как можно плотнее.

– Неравен случай, – заметил я, – может быть, по грехам нашим, там тешится домовой!

Сосед мой молча трижды перекрестился. Что же почувствовали мы, услыша, что злой дух медленно идет по лестнице на сенник, а вскоре потом, что он, топоча по полу подобно подкованному жеребенку, быстро к нам приближается.

Хотя и у меня волосы затрещали и кровь оледенела, при всем том мог еще чувствовать, что близкого моего соседа било как бы в лихорадке. Домовой подошел прямо к нам и начал шевелить лежавшее под нами сено. Вдруг все умолкло; но сия тишина скоро исчезла, и ночной посетитель такой дал толчок в подошвы сапогов моего друга, что он в один миг подался вперед на целые пол-аршина и – оледенел (он сам в этом сегодня признался). Я, с своей стороны, был ни жив ни мертв. Чудовище шарило в сене и чем-то коснулось к моим сапогам, и тут получил я удар в подошвы столь крепкий, что лбом стукнулся в затылок Друга Ивана. Тогда-то оправдались слова заморского мудреца, который сказал, что отчаяние заменяет иногда место храбрости и нередко получает одни и те же награды. Это я к тому говорю, что сам, бывши не последний витязь в малороссийском войске, сначала оробел не на шутку, но в сию решительную минуту, какова была во время назойливости демона, быстро привстал

на колени, взмахнул руками и вцепился в его волосы, причем так ловко стукнулся лицом об рога проклятого, что миллионы искр посыпались из глаз. Это не помешало мне действовать со всем ожесточением. Дьявольские волосы клочками летели на воздух, и я не переставал поражать его, читая непрестанно – хотя оледенелым языком – заклинательные молитвы. Несколько раз сила вражия поражала меня рогами в лицо, в грудь и в брюхо, однако я не ослабевал и в один раз так рванул беса за бороду, что он страшно заблеял по-козлиному. О боже мой! с самого младенчества до той минуты я представлял себе, что всякий домовый похож с виду на человека, с тем отличием, что имеет рога и хвост, и буде вздумает вымолвить слово, то всегда произнесет его по-человечьи; посуди же всякий православный, как должен был я ужаснуться, услыша скотское его блеяние? Бывшая во мне храбрость мгновенно исчезла, и я в полубесчувствии упал навзничь. Злой дух также оробел и опрометью затоптал к лестнице, оступился и полетел вниз с великим стуком, Я слышал его стоны и жалобное блеяние, и это меня оживило.

По прошествии довольного времени и друг Иван опомнился и оживление свое ознаменовал тяжким вздохом и усердную молитвою. Тут имел я самый лучший случай рассказать о страшном сражении, проис-

ходившем между мною и нечистым духом. Иван не мог довольно восхвалить мою чудесную силу и благодарил за спасение его жизни. «Ибо, – примолвил он, – если б еще получил я другой такой же удар, то непременно бы умер не столько от боли, сколько от страха».

Разумеется, что ни один из нас не мог уже уснуть, и потому – следуя обычаю весьма многих краснобаев – рассказывали один другому такие случаи жизни, кои обоим давным-давно известны были и о коих говорено по крайней мере раз со сто. В сем приятном и полезном препровождении времени провели мы остаток ночи и столько углублены были, что не заметили, как взошло солнце. Увидя сие, наконец мы сотворили молитвы, и друг Иван с восторгом произнес: «Слава богу! теперь домового бояться нечего; солнце для глаз его столько ж ослепительно, сколько для глаз сов, филинов, летучих мышей и прочей гадины. Если же – чего боже упаси – вздумал бы лукавый еще загулять к нам, то ты, любезный друг Иван, уже не вмешивайся и предоставь мне разведаться с ним по-свойски, и я надеюсь...»

При сем слове услышали мы шаги идущего по лестнице. Мой друг начал сдуваться, оплевываться и дрожащим голосом читать молитвы. Вскоре показался мужчина, и мы – к неописанной радости – узнали в пришельце своего хозяина.

«Здравствуй, пан Агафон! – воззвал друг Иван громгласно. – Весьма хорошо ты сделал, что появился здесь при свете божием, а не то – лететь бы и тебе с лестницы вниз головою!» – «Что ты такое бредишь? – спросил пан Агафон и, подошед близко, смотрел на меня с недоумением и даже с ужасом. – Что это такое? – молвил он наконец, – неужели безбожный сотник Гордей или бездушный писец Анурии залезли сюда и всего тебя изуродовали? Лицо твое и руки в крови, глаза подбиты, на лбу два большие желвака. Мати божия! что здесь происходило?»

Тут рассказал я обстоятельно о битве, происходившей ночью. Друг мой не преминул восхвалить беспримерную мою храбрость, когда сам в то время был в бесчувствии. Это-то и есть знак истинной дружбы. Пан Агафон, слушавший сначала повесть мою с подобающим вниманием, наконец поморщился, потер себя по лбу и скорыми шагами удалился. Не зная, чему приписать такое холонокровие нашего хозяина в деле толико важном, мы немало тому дивились.

После многих рассуждений, после многих догадок друг мой сказал: «Нельзя статься, чтоб пан Агафон не знал, что его кобыла в свойстве с дьяволом! Для чего же нас о сем не предуведомить? Для чего посылать на сенник? Это, право, чудно!»

Глава XIV

Мирные условия

Мы встали, сотворили молитвы и сошли наниз. Какое же было наше удивление, когда увидели, что пан Агафон, стоя на коленях у поваленного на землю большого козла, одною рукою держал его за рог, а другую тянул за переднюю ногу сколько было в нем силы. Бедное животное морщилось, дрягало задними ногами, и на глазах его, жалобно обращенных на хозяина, видны были слезы.

Пан Агафон перестал мучить страдальца, погладил его по лбу и, привставая, сказал: «Кажется, ладно! Вот, пан Иван, – продолжал он, обратиться ко мне, – тот злой дух, с коим ты ночью так храбро ратовал. Ведь угораздил же его лукавый забрести на сенник! А я во всем виноват! С вечера, заговорившись с вами, – да, правда, и было о чем, – забыл подложить кобыле сена. Ночью козел зашел в ее стойло и силился достать из яслей что-нибудь съестное, а как там ничего не было, то, вероятно, в гневе и негодовании за такую оплошность он бодал ее рогами; как же кобыле поддаться? Бедный козел, побитый за дерзость свою порядком, катившись с лестницы, вывихнул ногу, однако я порчу сию исправил. Побудьте здесь покуда; я при-

шлю воды, и вы умойтесь хорошенько, а особливо ты, пан Иван старший. Хозяйка моя уже давно хлопочет о хорошем завтраке».

Он удалился. Мы взглянули один на другого и не могли не застыдиться.

«Негодница! – сказал я подошедшему козлу, – возможно ли, что такая тварь одного из храбрейших горбылевских шляхтичей изранила, а другому, мудрейшему из них, навела такой страх, что чуть было не отправился на тот свет!»

Умывшись и очистившись, мы вошли в дом, где нас уже ожидали. Жены наши от чистого сердца смеялись ночному приключению. По окончании дружеского праздника мы отправились в путь и – как видишь, дорогой дядя! – находимся здесь!

Окончив свое повествование, пан Иван старший почтительно поклонился дяде, чему последовали Иван младший и их семейства. Артамон с видом кротости и сострадания молча осматривал каждого порознь и не мог не улыбнуться, когда взглянул на Ивана старшего. Хотя улыбка сия исполнена была дружелюбия и нежности, однако его племянник не мог не покраснеться и не потупить глаз в землю.

– Не печалься, друг мой! – сказал Артамон, – хотя ты и действительно походишь теперь на того витязя, с коим думал в прошлую ночь на сеннике ратобор-

ствовать, однако это, при помощи божией, – пройдет. Все вы знаете, что старые люди весьма часто бывают причудливы и хотят, чтобы сии причуды были уважены другими, а особливо если сии последние у них ищут. Около десяти лет тому, как я с вами не видался, и более пяти, как прервано всякое между нами сношение. Вы согласитесь, что не я был причиною сего расстройства. На два письма мои к вам не получил я никакого отзыва, сердечно огорчился вашим безрассудством и, по согласию с женою, решился предоставить вас судьбе вашей. Я уверен, что если бы правительство не наказало вас – может быть, слишком уже строго – лишением всего имущества, то вы и теперь не вздумали бы кинуть проклятые позыванья и явиться к старому дяде с повинною; не правда ли?

Паны Иваны и их семейства опустили глаза вниз, и слезы заблестали на ресницах каждого. Общее молчание. По вторичному вопросу Артамона о том же Иван старший, взглянув на него с видом человека, гнушающегося ложью, сказал:

– Твоя правда, почтенный старец, сущая правда! Но посуди сам, могли ль мы остаться равнодушными при неслыханных обидах, нанесенных ненавистным Занозю? Ах! ты не знаешь еще...

– Все знаю столько же хорошо, как вы сами, – отвечал Артамон с важностию, – и никогда не думал

оправдывать Занозу; но и ваши поступки были для меня огорчительны, противны, и я, следуя движению моего сердца, желал, чтоб вы были наказаны за безрассудство, тем опаснейшее, что оно могло заразить даже детей ваших. Если противник не прав, то менее ли того и вы несправедливы?

– Дядюшка! – сказал Иван старший, – я всегда считал, что кто первый без основательной причины нанесет кому обиду, тот заслуживает быть обижен седмарицею!

– Вздор! – отвечал дядя, – ты и до сих пор не знаешь, – а не без чего целые десять лет непрерывно позывался, – что обиды бывают многообразные.

Представь себе, что я живу смежно с каким-нибудь шляхтичем, как ты жил с паном Харитоном. Кот моего соседа каким-то образом исплошил моего цыпленка и съел. Вместо того чтобы сего воришку, буде пойман, посечь прутом и тем отвадить от дальнейших шалостей, я достал несколько сов и лисиц и тихонько впустил в курятник соседа. На другой день сей узнает о великой пакости, мною ему сделанной, и я так же скоро извещаюсь, что обширный мой огород совершенно опустошен напущенными туда свиньями. Зная, кому я должен сею новостию, в отмщение приказал зажечь его гумно и тем лишил годовичного пропитания; а он, не стерпя сей обиды, сжег мой дом. Не всякий ли, име-

ющий в голове своей сколько-нибудь человеческого смысла, назовет нас обоих сначала глупцами, потом бездельниками, наконец, злодеями, достойными виселицы? Между тем представленные мною лица беспрерывно позывались и вся тяжба кончилась тогда, когда оба противника увидели себя совершенно нищими.

Неужели в сем изображении не видите вы себя и Занозы? Но – глупость уже сделана, и хотя ее исправить от меня теперь зависит, но и я в свою очередь потребую, чтобы два мои предложения непременно были исполнены; в противном случае – клянусь моею головою, поседевшею с честью, – вы видите меня в последний раз, хотя я считаю – вы сами тому лучшие свидетели – за страшный грех, за явную неблагодарность к благодетельному богу, имея возможность помочь кому-либо в нужде, того не сделать.

– Дядюшка! – вскричал Иван старший, упав пред старцем на колени, чему все прочие последовали: – Дядюшка! неужели два предложения твои так ужасны, так неудобны к исполнению, что угрожаешь нам вечным гневом своим, что все равно, как бы угрожал нам всем голодную смертью на распутье?

– Встаньте, дети! – воззвал Артамон, утирая слезы, – встаньте! Неужели считаете меня столько безумным, что захочу от человека потребовать чего-нибудь

бесчестного, пагубного? Напротив: в исполнении сих требований заключается собственное ваше благо – и благо прочное! Слушайте и не останавливайте меня до последнего слова. Первое: с сего самого часа поклянитесь – ни по какой причине ни с кем не позывать-ся, пока я жив, без моего согласия, а по смерти моей – без единодушного решения двух беспристрастных опытных честных свидетелей, что обида, вам нанесенная, есть обида истинная, а не мнимая. Второе: с сего самого часа клятвенно обяжитесь чистосердечно простить старших сыновей ваших за известный их проступок, а дочерей Харитоновых считать наравне с дочерьми своими и мать их как добрую, достойную мать семейства; сверх сего, если и Харитон Заноза изъявит искреннее желание примириться с вами, принять в свои объятия как брата и друга. Да пребудет между вами душевное согласие, а с ним вместе счастье жизни!

Пан Артамон остановился и внимательно смотрел на своих племянников и их семейства. Паны Иваны при произношении первого требования имели глаза, пылающие радостью; но когда услышали второе, то лица их изменились и щеки покрылись бледностью. Вместо ответа они то закрывали глаза руками, то ломали пальцы. Артамон продолжал смотреть на них с видом возможного холонокровия.

Глава XV

Упрямые

Иван старший, имея всегда более присутствия духа, нежели друг его, прежде всех пришел в себя и со взором свободного человека голосом твердым произнес:

– Дядя Артамон! когда ты назвал меня и моего друга неразумными, мстительными, достойными виселицы, то неизвестный голос возопил: «Он прав; покайся и смирись!» В тот же миг я покаялся и смирился, подобно дитяти. Но, дядя Артамон! когда ты красивых преступниц, забывших явно наружную даже стыдливость, дерзнувших в полуразвалившейся хате бесстыдной шинкарки Улитты предаваться всякому бесстыдию и ныне носящих зрелые плоды оного; когда ты, дядя Артамон, сих ядовитых ехидн, запутавших в кольца свои неопытных сыновей наших, хочешь видеть наравне с законными дочерьми нашими: то я – в первый раз в жизни не отвечая за друга моего Ивана, отвечаю за одного себя: не согласен! Жена! Дети! будьте готовы к дороге! Пока останется в жилах моих хоть одна капля крови, и тою утолю вашу алчбу и жажду, и никто не осмелится сказать: «Этот человек основал здание своего счастья на бесчестье!» Теперь

прощай и ты, почтенный, но обманутый старец!

Тут Иван старший припал к ногам дяди, облобызал края одежды его, вскочил и вскричал:

– Брат Иван! прощай и ты, прощай навеки!

– Никогда не расстанусь с тобою, друг моей юности и мужества! – возопил Иван младший, также припал к коленям дяди, поцеловал его одежду, встал, и, одною рукою обняв друга, другою жену свою, бодрыми шагами пошли все из комнаты; громко рыдающие дети за ними следовали. Окаменелый Артамон дошел кое-как до скамьи и сел, облокотись на стол обеими руками; Евлампия, добрая, чувствительная Евлампия бросилась к открытому окну. Одни жены обоих Иванов и их дочери с каждым шагом вперед обращали к ней слезящие глаза свои и простирали дрожащие руки. Отцы семейств и их юные сыновья ни разу не оглянулись и с тем скрылись за воротами. Рыдающая Евлампия села подле мужа и, нашед его в таком же положении, в каком была сама, сказала:

– Друг мой! ты в сем щекотливом деле поступил несколько быстро. Звук твоего голоса, когда клялся предать несчастных вечному забвению в случае непослушания признать дочерей Харитоновых своими невестками, коих они не иначе считают, как преступными обольстительницами, так оглушил Ивана старшего, что он потерялся, и врожденная роду Зу-

барей гордость, – он сын твоего родного брата, – заступила место благоразумия. Притом в жару ты пропустил самое важное обстоятельство, именно, уведомить, что Раиса и Лидия сделались уже законными женами сыновей их и преступление загладилось. Ты даешь убежище жалкой матери с дочерьми ее, так неужели лишишь одного своих единокровных; неужели будешь доволен одною половиною доброго дела, имевши возможность произвести все целое?

– Добрая Евлампия, – воззвал Артамон, отирая слезы с глаз, щек и усов, – что же сделаем, чтоб, не быв жестокими, не попасть в число глупцов?

– Какая тебе нужда до народных толков! – отвечала Евлампия, – если на сем зыбком основании станем строить здание своего счастья, то мы вечно останемся несчастными! Послушай, друг мой! лошади, приготовленные для поездки твоей с слугою к сельским работам, стоят у крыльца не расседланные: садись, скачи к любезным самоизгнанникам, объясни им, что дела сего переменить уже нельзя; что со времени приезда внуков наших из Полтавы они нередко тебя посещали; что ты знал о любви их, и когда уведомился, что они соединены уже священными узами брака, то благословил любовь сию; скажи даже, что их милые невестки у нас теперь и навсегда при нас останутся. Если и тогда не уменьшится гордость и закоренелая

вражда наших племянников, о! – тогда ты смело можешь сказать: «Несчастные! оставьте того, кто хотел сделать вас счастливыми!»

– Так точно, благородная Евлампия! – сказал с восторгом Артамон и обнял ее с нежностью юности, – клянусь праведным судом Божиим, я не зол и не глуп; но ты, любезная жена, ты добра и разумна! Позови сюда Анфизу с дочерьми и ожидайте моего возвращения. Если увидите, что я один со слугою появлюсь на двор, то можете свободно плакать, не о том, что я не сделал всех вас счастливыми, но о том, что есть сердца, подобно камню неразмягчимые, есть души, коим и глагол Божий невнятен! Прости!

Глава XVI

Горесть матери

Пан Артамон и слуга взлетели на коней и поскакали; Евлампия несколько мгновений стояла на одном месте, приводя чувства в порядок. Она позвала слугу и велела стать у столба воротного.

– Как скоро увидишь ты, хотя издалека, что пан твой возвращается, один ли или со многими, то спеши меня о том уведомить.

Слуга удалился. Предполагая, что Анфиза и ее дочери сидят в своих комнатах и с робостью ожидают решения судьбы, Евлампия спешила идти к ним, но опять остановилась, увидя, что дверь большой горницы отворилась и любезные гости ее со слезами на глазах устремились в ее объятия.

– Мы все слышали, – сказала в отчаянии Анфиза, – ах! мы слышали свое осуждение из уст неумолимого пана Ивана старшего и во всем согласного с ним пана Ивана младшего. Хотя они сами поражены бедствием, нашему подобным, но могут ли быть столько несчастны, как мы? Если кто в злобе скажет им: «Старшие сыновья ваши оболъстители невинности», не вправе ли отвечать с гордостью: «Нельзя оболъстить никого, кто сам не хочет быть оболъщен-

НЫМ!»

«Но что скажете о сем вы, Раиса, Лидия, что скажете о сем вы, погибшие мои дочери? Что буду отвечать я первой рассказчице, которая шепнет мне на ухо: „Правда ли, что говорят злоречивые люди?“ – „А что такое?“ – „Что обе дочери твои родили?“ Не окаменеет ли отец ваш, столько гордый, столько напыщенный своим достоинством, несмотря на свое несчастье, когда какой насмешник батурицкий в присутствии многих свидетелей скажет: „Поздравляю тебя, пан Харитон!“ – „С чем?“ – „Смотри, пожалуй, будто и не знает! Вот и мы все в тюрьме с тобою, а письма, как видишь, исправно получаем“. – „Да что такое?“ – спросят все заключенные. „Он скоро сделается дедом!“ – „Как? Разве дочери его замужем? За кем? давно ли?“ – „Мне это неизвестно: а пишут достоверные люди, что недели за три до опечатания их дома они были уже только что не матери, и до сих пор пан Харитон наверное извещен о сем радостном событии, а скрытничает для того, что не хочет попотчевать нас за дружеские поздравления“. О я, злополучная! О Раиса, о Лидия! О я, безумная! как не догадалась я об истинном происшествии в ту роковую ночь, когда ты, старшая дочь моя, рассказывала мне о ведьме, упыре и вовкулаке! Не должна ли я была заключить о страшных лицах другого рода, которые сделали вас самих обо-

ротнями, каких не могут разворожить все знахари малороссийские!»

Горесть и сетование Анфизы были так велики, упреки ее дочерям так сильны, так разительны, что последние близки были к тому, чтобы дать жизнь новым существам или самим лишиться оной. Евлампия, старавшаяся всеми мерами утешить горесть сих несчастных, говорит наконец:

– Анфиза! твоё неумеренное и неуместное сетование может быть источником гибели детей твоих и внучат. Когда ты, настоящая мать их, не имеешь жалости и расстроиваешь то, что создала и доселе берегала благодетельная природа, по крайней мере не препятствуй мне исполнить мою обязанность, и хотя я никогда не имела счастья быть матерью, однако знаю, где нужна строгость к детям и где необходимо помилование.

В самую сию минуту вбежал слуга, посланный Евлампиею к воротам, и, стоя в дверях, возопил:

– Наш пан Артамон виден уже из ворот!

Сердца у всех затрепетали; то багряная краска покрывала их щеки, то наступающая синеватая бледность показывала их полумертвыми. Удаление слуги повергло их в новое отчаяние, и Анфиза со стоном произнесла:

– Теперь-то исчезла вся надежда, и мы несомненно

погибли! Когда уже и Артамон, муж столько почтенный по летам, по уму и красноречию, не мог преклонить племянников своих к примирению, то кто уже в силах к тому их подвигнуть?

Прежний слуга, вошедши, сказал:

– Ну, вот наш пан уже и с крыльца виден! Сколько же с ним гостей, и, кажется, те же самые, которые незадолго ушли отсюда, из коих один весь изранен.

Сердца у всех радостно встрепенулись, и Евлампия вскричала:

– Для чего же ты, глупый, не объявил о сем прежде, когда я именно о том приказывала?

– Это я очень помнил, – отвечал обстоятельный слуга, – ты велела объявить, одного ли пана увижу или вместе со многими; а как он был тогда довольно далеко и я никак не мог различить, много ли с ним людей, или только два-три человека, то ничего и не говорил; теперь же прямо доношу, что всех их наберется до десятка. Выйди на крыльцо и посмотри сама!

Евлампия радостно всплеснула руками и, обратя к образу взоры умиления, воскликнула:

– О ты, великий боже! сколько ты правосуден, столько и милосерд! Не упустишь ты ни одного порока без наказания, но и ни одна добродетель не останется без воздаяния! О! сколь сердце мое преисполнено к тебе любовью и благодарностию! Любезная племян-

ница! милые внучки! поспешим навстречу к нашим посетителям!

Она взяла Анфизу за трепещущую руку и пошла скорыми шагами; Раиса и Лидия с сильно бьющими-ся сердцами, с пылающими щеками, с полуоткрытыми глазами за ними следовали. Явясь на высоком крыльце, они заметили, что идущие удвоили шаги, почему и сами, сбжав с крыльца, к ним устремились.

Когда обе стороны сблизились, то восхищенный Артамон произнес:

– Племянники! обнимите добрую сватью вашу и на щеках ее запечатлейте поцелуи вечного примирения, нелицемерной дружбы и родственной любви!

Глава XVII

Начало примирения

Оба Ивана с неописанным удовольствием исполнили желание добродушного дяди. Иван старший начал было говорить к Анфизе витиеватую речь, как почувствовал, что нечто жмет его колени. Взглянув вниз, он увидел Раису у ног своих с возведенными на него слезящимися глазами. Сердце его вновь затрепетало, и душа исполнилась неизвестного ему дотоле умиления.

– Раиса! – воскликнул он, поднимая ее, – милая, любезная дочь! не у ног моих, но у сей груди должна ты услышать первый обет моей всегдашней любви к тебе! – С сим словом он сжал ее в своих объятиях и, поцеловав ее с отеческою нежностью, продолжал: – О я, ослепленный злостью и мщением! как мог не любить сего ангела, как мог думать, что она способна погубить моего сына! Раиса! когда милосердие божие в образе сего добродетельного дяди соединяет теперь все доселе расторгнутые сердца узами любви и дружбы, да будем же и мы благодарны сему милосердию божию, посвятив на угождение дяди каждую минуту из дней, нам еще оставленных.

Он хотел пасть к ногам Артамона, но сей принял его

в свои объятия, и слезы их, слезы сладкие, оросили их щеки. Иван младший, хотя с меньшим торжеством, но с не меньшей нежностью оказал знаки любви к Лидии и неограниченной благодарности к дяде. Робкие дети обоих Иванов, не осмелившиеся доселе взглянуть на Артамона и Евлампия, быв обласканы сими благородными супругами, взглянули на них с улыбкою невинности.

– Великодушный дядя Артамон! добродетельная тетка Евлампия! – воззвал Иван старший, – я замечаю легкое облако, затемняющее несколько блеск взоров ваших. Казалось бы, чего еще недостает к полному счастью нашему! Ах, многого! Кто укротит неукротимый нрав свата нашего, пана Харитона, и сердце его соединит с нашими сердцами? кто возвратит отцам погибших сыновей их? где любящие жены найдут мужей своих?

– Об этом после, – сказал Артамон с веселым видом, – доброе начало большею частью ведет следом за собою и конец добрый. Жена! ты видишь, что за обеденным столом нашим...

– Не беспокойся, – отвечала Евлампия с улыбкою, – у хорошей хозяйки – сколько б гостей ни случилось, ни один не будет лишним!

Все вошли в большую комнату и помолясь с усердием образу спасителя, уселись по лавкам. Скоро са-

ма хозяйка вошла пригласить всех к обеду, который был самый праздничный. Под конец одного пан Артамон сказал:

– Вам известно, племянники, что сей хутор не один составляет мое имущество, и я мог бы весьма удобно разместить вас по прочим панским домам; но мне кажется, что два семейства, недавно из заклятых врагов сделавшиеся друзьями и родственниками, благоразумно поступят, оставшись здесь вместе, хотя с некоторым стеснением. Вы, оба Ивана, займетесь внешним хозяйством: станете разъезжать по хуторам моим, осматривать мои поля и леса, мои мельницы и винокурни, поправлять, что начнет клониться к падению; собирать мои доходы, делать из них по общему между собой соглашению нужные расходы и всему вести исправные счета. Занятие сие для вас не будет трудным: вы сами довольно долго были нехудыми хозяевами, и если бы не пагубные позыванья... но об этом теперь ни слова. Жены ваши будут помогать тетке в управлении внутренним хозяйством. Что касается до Анфизы, то ее дочери в таком теперь положении, что довольно для нее и их самих будет заняться приготовлением всего нужного для встречи ожидаемых маленьких гостей. Что же я сам буду делать, чем заниматься? Чем вздумается! На старости хочу понежиться и повеселиться! Долго работал я, пора отдох-

нуть. Вместо меня пусть другие поработают, а я стану посещать приятелей, ближних и дальних, буду иногда приглашать их сюда, и в таком случае всякий раз поднимем настоящий праздник. В трех верстах отсюда вверх по течению Псела лет за семь пред сим основал я в лесу своем небольшой хуторок и выстроил панский дом с изрядным садиком. Этот хутор и теперь оставляю в своем непосредственном управлении и приказываю вам, племянники, не только не вступать туда и ногою, но еще стараться чтоб никто из домашних ни под каким видом того не делал; также требую, чтоб к селу Горбылям вы близко не подходили: слушание ваше огорчит меня весьма много.

На другой день с самого утра все расположили занятия свои по желанию мудрого благодетельного хозяина, да и сам он, облобызав всех родственников и родственниц, съехал со двора, наказав, чтобы не беспокоились, если недели две или и более его не увидят.

Часть третья

Глава I Тюремные друзья

Меж тем как наши паны Иваны, занимаясь легкими трудами и отдыхая в кругу любящих и любимых жен и детей, наслаждались истинно счастливою жизнью, пан Харитон горевал в батуринской темнице, ломал голову, как бы поправить тяжкие обстоятельства и, отомстя своим злодеям, воскликнуть громко о победе. Как однажды такую разумную мысль сообщил он двум молодым запорожским есаулам, в одной с ним комнате помещенным в награду за некоторое богатырское дело, оказанное на базаре¹¹ над двумя молодыми шинкарками, то сии крайне удивились.

– Как, пан Харитон! – вскричал один запорожец, по имени Дубонос, – неужели ты из Горбылей не получал никакого известия?

– От тамошнего дьячка Фомы, – отвечал Харитон с тяжким вздохом, – получил я горестное уведомление, что по захвачении злодеями моего имения какой-то

---

¹¹ На рынке.

престарелый пан увез с собой несчастное мое семейство; но кто он таков и куда скрылся – никто не знает.

– Пусть так, – сказал другой запорожец, по имени Нечоса, – что дальнейшая участь твоего семейства тебе неизвестна; но не может быть, чтобы бедствие, постигшее обоих панов Иванов, было тебе также неизвестно.

– Как честный человек и урожденный шляхтич говорю, – отвечал пан Харитон с выступившею краскою удовольствия на бледных дотоле щеках, – что ничего не знал и не знаю; а думать надобно, что они торжествуют и хвастают о своей победе.

– Есть чем хвастать! – воскликнул Дубонос, – с ними так же милостиво поступлено, как и с тобою: они лишены всего имения, выгнаны из домов, порядочно побиты и теперь с женами и детьми скитаются, как плащеватые цыгане^{24}.

Лицо пана Харитона просияло несказанною радостью, и взоры его заблестали; но вскоре он опять затуманился и, вздохнув от глубины сердца, произнес:

– Благодарение правосудному богу, что он, поразив Иванов, не дозволил им насмеяться надо мною. Но как они сами теперь стали нищими, то о чем я, получа свободу, буду с ними позываться? Разве об их чубах и усах?

– Эх, пан Харитон! – сказал Дубонос довольно

угрюмо, – не пора ли перестать дурачиться не под лета? Не будет ли с тебя довольно и того урока, какой уже задан? Разве хочешь, чтобы ко всему вдобавок, по определению войсковой канцелярии, сняли с тебя все одеяние до нитки и, выгнав из Батурина киями в поле, сказали столько сладкое для тебя слово: «Позывайся на здоровье с дождем и ветром, с громом и молнией, с солнцем и месяцем!»

Если б сии слова – и в самом деле не очень учтывые – произнесены были в другое время, при других обстоятельствах, то пан Дубонос, несмотря на свое запорожское одеяние, не ушел бы от позатыльщины и позыванья; но теперь – увы! – пан Харитон вздохнул, пошел к рогоже, служившей постелью каждому заключенному, у которого в кармане не звенит ни ползлота, и, оборотясь к стене лицом, начал жевать черствый хлеб и запивать водою. Запорожцы также воссели на своих ложах, кои покрыты были войлоком, а вместо подушек служили мешки с соломой. Дубонос из-под изголовья вытащил изрядную баклагу с вином, а Нечоса кису, из коей вынул несколько булок, кусок свиного сала и колбасу.

Сии крестовые братья, – так они себя объявили, – поздоровавшись с баклагою, принялись за булки и сало, и когда первую охоту посбили, то Дубонос воззвал: – Что такое, пан Заноза? Мы целый уже месяц жи-

вем здесь с тобою по-запорожски, то есть по-братски, и хлеб-соль делили между собою без всяких расчетов; что же ты затеял теперь злов дождаться? Кинь, пожалуй, спесь и поди к нам.

Пан Харитон, оборотясь к молодцам, сказал:

– Я, право, и не заметил, что вы уже обедаете. Ну, хлеб да соль!

– Милости просим!

Так протекли еще две недели. Запорожцы были не скупы, зато и тюремные служители не были к ним суровы. Все, чего ни требовали первые, доставляемо было последними с великою охотою, разумеется, половиною меньше; но что до того? Что пользы в деньгах, когда нельзя сделать из них никакого употребления? А тюремные служители такие же люди, как и прочие миряне.

Пан Харитон всегда и безотговорочно разделял завтраки, обеды и ужины с молодыми друзьями своими (так он величал уже своих собеседников); время наказания их окончилось, и они очутились на свободе.

Глава II

Есть о чем подумать

Все трое, пришед в корчму, занимаемую молодыми запорожцами до заключения в городскую тюрьму, в комнате своей признали все в надлежащем порядке. Хозяин, хотя и жид, оказывал знаки сердечной радости, что таких достойных панов опять у себя видит в вожделенном здравии и невредимыми.

– Это правда, – сказал Дубонос, – что нас ни волосом не тронули; но никто не трогает и жаворонка в клетке, а напротив того, дают ему есть и пить гораздо изобильнее, нежели сколько ему надобно, однако ж эта бедная птичка беспрестанно бьется об сетку головой, так что нос ее почти всегда осаднен. Жид! приготовь для троих нас самый лучший обед и третью постель в сей комнате; а мы между тем для большего возбуждения охоты к еде пойдем прошататься по городу.

Во время прогулки Дубонос сказал:

– Тебе, пан Харитон, известно, что мы все дела, призвавшие нас в Батурин, окончили. Завтра же отпишу о сем куда надобно, и, получа ответ, пустимся с братом Нечосою в благословенную Сечь. Что ты, пан Харитон, предпринять намерен?

– Сам покудова не знаю! – отвечал сей со вздохом. – Безбожные судьи отняли у меня хутор, землю, дом, семейство, все – и я остался, как видите!

Если бы великодушные подкрепления ваши не подержали доселе тела моего пищею, а духа беседами, то я давно бы погиб с тоски и голода. Явиться мне на родину – то же, что самому искать своего позора. Где я найду убежище?

Когда у пана Харитона Занозы было что поесть и попить, о! тогда дом его был полон приятелей; но теперь, я думаю, меня никто и не узнает!

– Знаешь ли что? – воззвал Дубонос, – коль скоро сам ты уверен, да и нам сознался, что на родине тебе делать нечего, то скажи откровенно: знаешь ли на всем земном шаре место, которое было бы для тебя приличнее гостеприимной Сечи? Вот единственное убежище для всех тебе подобных! Что касается до нас, то Запорожье есть наша родина, и в тамошних хуторах проживают наши родители. Что, пан Харитон, не хочешь ли нам сопутствовать и умножить собою число храбрых людей, которых назвать можно военными отшельниками? Там не спросят, что ты и где значил, что имел или иметь хочешь? Скажут просто: «Будь под нужду храбр, всегда честен, не имей ничего собственного и пользуйся всем, что наше!»

Пан Харитон призадумался, и молодые друзья не

метали ему поразмыслить о столь важном предмете. Запорожцы, разговаривая о путешествии своем из Сечи в Батурин, упоминали имена многих именитых шляхтичей из миргородской сотни, отличных или по храбрым делам, или по имуществу, или по тому и другому; пан Харитон взял это на замечание, но молчал, продолжая размышлять. На возвратном пути Нечоса спросил у своего товарища:

– А как скоро надеешься ты получить ответ на письмо твое?

– Почему ж я могу знать? – отвечал Дубонос насмешливо, – если бы это от меня зависело, то чем скорее, тем лучше.

– Однако ж ты знаешь, – продолжал первый, – что от письма того все зависит.

– Одно только, – отвечал другой, – надобно прислать нам побольше денег, и все тут. Чего здесь за деньги не достанешь? Лошади, оружие, новые платья – все в один миг явится. У нас покуда столько есть, чтобы не казаться нищими и жить не скучая: чего ж более? Пусть пройдет месяц, пусть два или три в ожидании, что нужды? Теперь еще середина весны, а к окончанию лета мы пустимся в дорогу. Что может быть приятнее путешествия в это время года!

Рассуждая о виденном и слышанном, они дошли до своего жилища, отобедали по-праздничному, а после

вмешались в толпу веселящихся дарами божиими и неприметно сами развеселились. Дубонос и Нечоса хорошо играли на бандурах, пан Харитон басил в лад с игрою, посетители плясали казачка и вприсядку, и словом – до самой ночи забавлялись, не подумав: за порожцы о своей Сечи, а пан Харитон о селе Горбылях, о жене и детях и даже о панах Иванах. Куда как приятно после рогожанных и войлочных постелей разлечься на перинах!

Глава III

Крестовые братья

Поутру, когда Нечоса и пан Харитон, потянувшись на постелях, открыли глаза, то увидели, что деятельный Дубонос выносил уже из комнаты запечатанное письмо. Нечоса, привстав, сказал:

– Пан Заноза! друг наш подеятельнее нас! Ну, пусть ты несколько уже поустарел, а мне, право, стыдно против Дубоноса! – С сими словами он вскочил с постели и начал одеваться; пан Харитон ему последовал, и когда кончили христианские обязанности, то есть умылись и сотворили молитвы, то вышли на крыльцо, дабы освежиться воздухом. Скоро подошел к ним Дубонос, поздоровался и сказал:

– Мой гонец уже в дороге; заметим же сей день в наших святцах, и первое мая да будет для нас днем одним из праздничных.

По окончании завтрака Дубонос спросил у своего старого друга:

– Ну, пан Заноза, надумался ли ты о нашем предложении?

– Я много размышлял о нем, – отвечал сей доверчиво, – и нахожу, что подлинно мне нигде уже не видать ясных дней, как разве в Сечи Запорожской!

Но до нее дойти для меня – человека за сорок пять лет – не только тяжело, но едва ли и возможно! При этом же...

– Что еще за новое препятствие?

– То, – продолжал Заноза, – что эта черкеска и все прочее одеяние едва ли может прослужить мне и две недели. Все, что было у меня в запасной суме, провалялось сквозь землю при заключении меня в темницу.

– Понимаю, – отвечал Дубонос холоднокровно, – объяви только желание, хочешь ли, или нет быть запорожцем. В первом случае – вся наша казна общая; в последнем: потребуй, сколько тебе надобно, – и бог с тобою!

– Великодушные молодые люди! – воззвал пан Харитон, глядя на них умильно, – если бы и не был я в таких обстоятельствах, в каких теперь нахожусь, то или бы отвлек вас от Запорожья, или бы сам сделался запорожцем. Примите ж слово мое: с сего часа да водворится между нами братство, дружба и любовь. Лета мои, моя опытность, купленная чрезмерно дорогою ценою, дают мне право называться вашим старшим братом! Но это звание не уполномочивает меня угнетать воли ваши, а только дозволяет в нужном случае иметь первый голос в нашем совете; впрочем, прежняя свобода будет неприкосновенна. Довольны ли вы словом моим?

– Совершенно! от всего сердца и от всей души!

– Снимите же каждый с шеи своей кресты, как я делаю, и оба положите на сем столе!

Дубонос и Нечоса исполнили его желание. Пан Харитон, положив свой крест между их крестами, обратился к образу (и в жидовских корчмах, кроме спальни хозяев, поставлены образа христианских угодников) и, возвыся правую руку, произнес:

– Мати божия! Благоволи быть свидетельницею клятвы нашей: любить, охранять и доставлять всякое счастье один другому, как обязаны родные братья! В заключение клятвы сей целуем кресты сына твоего, данные нам при крещении!

Молодые люди с благоговением повторяли каждое слово его.

После сего пан Харитон наклонился, приложил дрожащие губы к своему кресту, и две крупные слезы брызнули на распятие. Из сердца Харитонова не могли бы извлечь их ни самые муки жестокие, но теперь извлекли – нежность и умиление. Юные собраты его, растроганные до глубины сердец, произнесли новые клятвы повиноваться ему, как должно старшему брату, и жить всем вместе, пока смерть или какие другие насильственные случаи не разлучат их.

Торжественные обеты кончились взаимными объятиями.

Глава IV

Наряды

По приказанию Дубоноса явился хозяин.

– Иуда! – сказал первый, – ты мне много раз хвалился, что зять твой Давид считается за первого портного в Батурине; позови же его к нам!

– Как же хорошо, – говорил Иуда с улыбкою, – что он теперь здесь! Давид!

Давид! – кричал он, стоя в дверях, – поди сюда к панам за работою.

Опрометью вбегает Давид и униженно спрашивает, что угодно приказать покорнейшему из сынов израилевых.

– Ты видишь нас троих, – сказал Дубонос, – платья наши от дороги поизбились, так сделай нам по паре нового из кармазинного сукна с золотыми кистями да по паре из синего с кистями серебряными; а чтоб больше угодить нам, то поспеши работою.

Давид, казавшийся сначала евреем неробким, теперь онемел и смотрел на Дубоноса неподвижными глазами.

– Что же ты задумался? Разве работы очень много?

– Высокоименный пан! – отвечал Давид, согнувшись в пояс, – меня не количество работы остано-

ло; но – с твоего милостивого дозволения – кто заказывает столько в одно время, то обыкновенно жалует вперед.

– Хорошо! – сказал запорожец, отпер свою суму и, вынув из нее кожаный мешок, спросил: – Чего же будут стоить все шесть платьев?

Давид, поправя еломок, начал считать по пальцам и шевелить губами, наконец сказал:

– Полагая по самой умеренной цене, нельзя взять меньше, – посудите только, какая теперь во всем дороговизна!

– Да говори скорее, меньше чего взять нельзя!

– А содержание работников, их жалованье.

– Если ты сейчас не скажешь цены, то я пошлю за другим портным!

– Постой, постой! Целый свет знает, как паны запорожцы нетерпеливы и вместе с тем как щедры! С нами торговаться есть тяжкий грех, и пусть гром собьет с головы моей еломок и повергнет в грязь; пусть молния опалит мои пейсы...

– Иуда! посылай скорее за другим портным, скорее, скорее!

– Постой, постой, высокоименитый пан запорожец! За платья, тобою заказанные, нельзя взять меньше шестисот злотых.

– Это очень дорого!

– Посуди, вельможный пан запорожец!

– Хорошо, хорошо, но ни слова более! Довольно ли с тебя – взять теперь две трети означенной суммы, а остальную получишь, когда принесешь платья.

– Весьма доволен!

– Снимай же мерки, начав с старшего брата.

Когда Давид размеривал рост и дородство панов Занозы и Нечосы, Дубонос делал мысленный расчет, водя пальцем по столу, и, наконец, сделав точку, произнес:

– Так! мерка снята и с него.

Тут он, развязав мешок, высыпал горсти три червонцев. Пан Харитон, предполагавший, что в мешке серебро, немало подивился, увидя золото; что же касается до жидов, то они ахнули, оцепенели и попятились назад.

– Дурак! – шепнул Иуда Давиду.

– Клянусь бороною и пейсами покойного отца моего, – отвечал Давид также пошептом, – я этого не предчувствовал.

– Иначе – вот тебе, Давид, вместо четырехсот злотых – сто червонцев! – сказал Дубонос, отодвигая кучу золота.

Давид дрожащими руками пересчитал деньги, опустил в карман и, уходя с несколькими низкими поклонами, обещал изготовить работу как можно скорее.

– Ты, Иуда, останься покуда здесь, – продолжал Дубонос, – мы сделаем тебе некоторые поручения. Первое: прикажи в возок свой впречь лошадь и дай работника: мы поедем к другу твоему, ветошнику Исахару, чтобы купить у него по паре платьев попростев тех, которые теперь заказаны. Второе: вели жене к приходу нашему изготовить хороший обед. Вот и все!

– Высокоименный пан! – отвечал Иуда, – стряпаньем моей жидовки все вы будете довольны; вместо же работника править лошадью буду я сам, дабы напомнить другу Исахару, сколько радею о его пользе.

– Ничего не бывало, – сказал пан Харитон, – нам теперь не надобны ни твой возок, ни конь, ни работник, ни ты. Ступай-ка готовить обед!

Жид поморщился и вышел, повеся голову.

– Для чего ты это сделал? – спросил Дубонос с доверенностию, – неужели не нужны нам простые платья? Сверх того, здесь удобнее заpastись всем нужным, чем в другом месте, где нередко и с деньгами в карманах ходят в сапогах без подошев.

– Это правда, – отвечал пан Харитон, – но неужели не заметили вы, как замялись наши жиды, увидя на столе золото, и как тесть упрекал зятя, что он попросил за платье дешево? Хотя я и сам не слыхал ни одного слова, но их взоры, их ужимки меня не обманули! И теперь для чего Иуда так охотно взялся быть про-

водником нашим? Именно для того, чтобы смигнуть-ся с своим другом, взять за копеечную вещь злотый и после поделиться!

– Понимаю, – сказал Дубонос весело, – оттого Иуда и вышел так печален, что не удалось нас одурачить. Спасибо, любезный брат! И впредь не отрекись по-соблять нам своими советами!

Пан Харитон сердечно радовался, что так скоро по освобождении из тюрьмы удалось ему оказать услуги новым друзьям своим. По его совету Дубонос, отсчитав из мешка еще сто червонцев, остальные запер в суму, и все трое вышли на улицу.

Глава V

Сборы в дорогу

Путники наши отправились прямо на базар, где червонцы разменены на злотые, нанята телега и до полудня нагружена платьем, бельем, обувью и множеством других вещей, коих нельзя достать в стороне полудикой. День прошел в примеривании покупок, — и пан Харитон решился остаться навсегда в запорожском платье, а бывшее на нем малороссийское подарил бедному шляхтичу, на ту пору в корчме случившемуся и увеселявшему его заунывными своими песнями.

День проходил за днем, неделя за неделей, и, наконец, прошло два месяца пребывания в корчме наших братьев, а Дубонос не получал еще столько ожидаемого письма. Нередко случалось, что меньшие братья уединялись, говорили между собой с жаром и утирали слезы. Пан Харитон примечал это, но считал непристойностью выведывать тайны, пока сердца сами не раскроются и не позволят видеть свою внутренность. Он с каждым наступающим днем более и более прилеплялся к Дубоносу и Нечосе. В первом особенно нравился ему жар юности, отважность в каждом движении, быстрота в мыслях и действиях; второй пле-

нял его кротостью нрава, нежностью чувствований и тонкостью суждений. Он привязался к ним отеческою любовью, и в один вечер, когда юноши забавляли его рассказами, он с нежностью произнес:

– Любезные братья! и у меня есть шестнадцатилетний сын! Я умоляю небо, чтобы оно благоволило сделать его похожим на одного из вас; в противном случае – преждевременно низвергнуть в могилу!

Юноши его обняли, и слезы их смешались с его слезами.

Что такое сделалось с паном Харитоном? Каким непонятным чудом человек дикий, запальчивый, мстительный, несправедливый в течение нескольких месяцев превратился в человека кроткого, умеренного, непамятозлобивого, и в каждом слове, не только в каждом поступке любящего строгую правду? Ах! до сего времени он не имел счастья любить и быть любимым так, как любить должно и как хочет быть любимым доброе сердце! Он любил жену – и был ее учителем; жена любила мужа – и леденела в его объятиях. Он любил детей, – когда их хвалили посторонние люди; дети любили отца и – старались избегать его присутствия. Он любил друзей, когда они его ласкали; а они ласкали его тогда только, когда за столом его наедались и напивались. Такого рода любовь может ли осчастливить человека, рожденного с самыми

счастливыми даже склонностями?

В первых числах июля, под вечер пан Харитон и брат Нечоса сидели у ворот корчмы в крайнем смущении и даже горести, не видя Дубоноса, с самого утра отлучившегося.

– Если бы он опять попал в городскую тюрьму, – заметил пан Харитон, – то тамошние прислужники еще его не забыли, и он мог бы в ту же минуту нас о том уведомить!

Вдруг видят, что новая, в три лошади запряженная бричка прямо к ним катится, и когда поровнялись, то сидящий на козлах запорожец вскричал: «Здравствуйте!» – и с сим словом помчался на двор. «Дубонос!» – воскликнули в один голос пан Харитон и Нечоса и побежали к крыльцу, где остановилась бричка. Дубонос, бывший уже на земле, обняв своих братьев, сказал:

– Прошу извинить, что с доброй воли причинил вам о себе беспокойство; зато теперешняя радость довольно наградит вас!

– Так! – вскричал Нечоса с восторгом, – ты, верно, получил столь долго ожидаемое письмо с родины? Ах, скажи скорее! что там делается? Все ли здоровы? В каком положении они остались и – ах! – каковы маленькие гости?

Как различать их? Бога ради скорее!

– Ты безмерно нетерпелив, – отвечал Дубонос с важностию, – и я хорошо сделал, что, идучи сюда к обеду с прочтенным письмом, пробежал мимо нашей корчмы и бросился на большой базар, дабы искупить все, что мне от него предписано. На первый случай будь доволен немногим; все хорошо: у старшей он, а у младшей она!

Нечоса повис на шее своего брата, и щеки его оросились слезами. Он взвел глаза на небо и вполголоса произнес: «Благодарю тебя, боже!»

Такая бестолковщина сначала удивила пана Харитона, и он готов был назвать своих братьев одурелыми, а особливо Нечосу, как Дубонос отвлек его от сего намерения продолжением рассказа.

– Мне предписано, – говорил он, – искупить довольное количество различных вещей: шелковых, бумажных, золотых, серебряных, стальных и проч.

и проч., что все тщательно и уложено в большом сундуке. После сего куплена эта бричка польской работы, три добрые лошади с упряжью, сундук уложен, и тут я догадался, что сидеть на нем путешественникам будет несколько хлопотливо, почему куплена и положена сверху большая перина и покрыта казанским ковром. Уже приговорен мною дородный цыган, который будет править лошадьми во всю дорогу. Он хочет попытать счастья на нашей родине.

Бричка ввезена в сарай и замкнута, лошади выпряжены и уставлены в конюшне, корчемному слуге приказано снабдить их обильно овсом и сеном.

Иуда, ожидавший их у дверей корчмы, опечалился, услыша, что они в следующее утро его оставляют. Правду сказать, что хотя корчма его никогда не бывала пуста, но редко также случалось ему видеть в ней таких веселых и щедрых гостей, каковы были наши запорожцы.

Глава VI

Наши едут

На другой день с восходом солнечным явился цыган Конон, впряг в бричку лошадей и подвез ее к крыльцу. Дорожные сумы, в коих хранилось лишнее платье, белье и некоторые мелкие вещи, прежде искупленные, уложены на место подушек, а в ногах помещены баклаги с волошским вином и наливками.

– Конон! – воззвал Дубонос, – где же твои пожитки? И для них довольно будет места!

– Не думаю! – отвечал цыган, – куда бы, например, девал ты мою наковальню, два больших молота, двое клещей и мех раздувательный? Эти громоздкие вещи перевел я на самые уютные, то есть на ходячую монету, и вырученные за них двенадцать злотых весьма укромно покоятся в кармане. Я оставил для себя самое необходимое: этот кнут в руке и этот нож за поясом!

Дорожные, принеся богу должное благодарение за все блага, им ниспосланные, сели в бричку, Конон взмахнул кнутом, присвистнул, и бричка быстро покадилась. Выехав из города, они пустились по полтавской дороге.

Три дни проведши в пути, они к вечеру въехали на

землю, миргородской сотне принадлежащую. Проезжая сквозь дубовый лес и увидя прекрасную поляну, они не могли не плениться ее положением.

– Здесь, – сказал пан Харитон, – мы остановимся! Кто хочет есть и пить, пусть ест и пьет; что же до меня касается, не хочу ни того, ни другого.

Здесьний воздух меня давит; запах цветов меня умерщвляет!

В безмолвии меньшие братья дали знак Конону остановиться. Кони выпряжены и пущены на траву. Цыган развел большой огонь и начал – по данному наставлению – готовить ужин. На ближнем холме уселся пан Харитон, и на лице его изобразилось нечто такое, что уподобляло его или выше, или ниже человека; а в самом деле он никогда не мог выйти из круга, начертанного матерью его – природою!

– Друзья мои! – сказал он, возведя глаза на юношей, стоявших перед ним в пасмурном молчании, – при вступлении на землю миргородскую сердце мое забилося необыкновенно и дыхание отяжелело. Я вспомнил, что родился под здешним небом, дышал здешним воздухом, народил детей и начал стареться между здешними жителями. Быв довольно достаточен, я провождал жизнь беззаботную и мог бы окончить ее среди довольства и счастья, не заботясь об участи моего семейства; но вдруг из глубины ада ис-

торгается дух вражды и ябеды, вдыхает в меня яд свой, и я закипел страстию к тяжбам бесстыдным.

Что из сего вышло? Из достаточного шляхтича – нищий, из семейного – бездетный! Я не знаю даже, что случилось – с жалкими жертвами моего беспутства; а если бы и знал, где отыскать их, то как осмелюсь к ним явиться? Что предложу им, когда и сам существую от даров дружбы и великодушия?

– Напрасно так думаешь, – сказал Дубонос отрывисто, – можно ли истинным друзьям и братьям вести между собою какие-нибудь расчеты? Не должно ли все, относящееся до удовлетворения житейским нуждам, быть между нами общим?

– Братья! – отвечал пан Харитон со вздохом, – теперь узнаю только, что одолжать несравненно приятнее, чем одолжаться!

– Если ты столько чувствителен и разборчив, то есть средство и в сем случае помирить тебя с самим собою. Ты видишь по всему, что родители наши люди небогие, а вдобавок скажу, что они люди рассудительные: отпуская нас в Батурин, они благословили и дали на волю нашу избрать себе невест, не смотря на звание, породу и приданое. Ты нередко сказывал, что имеешь двух дочерей, кои в тех уже летах, что могут быть матерями; мы верим словам твоим, что они привлекательны по наружности, добродушны, трудолю-

бивы: дозволю нам их увидеть. Может быть, мы взаимно понравимся, и тогда ты благословишь нас. Из братьев – мы сделаемся твоими сыновьями, составим одно семейство и надеемся, что ты найдешь опять утраченное спокойствие!

Такое неожиданное предложение немало удивило пана Харитона. Правда, ему иногда мечталось, что сии достойные юноши просят осчастливить их соединением с дочерьми его; но он, видя большой их достаток, узнав обширные их сведения, образованность, не смел ласкать себя пустою надеждою, чтобы обыкновенные девушки, притом без всякого приданого, могли им так сильно понравиться; но теперь, слыша от них такой вызов, он поблагодарил их с откровенностью за сие новое доказательство неизменного их дружества.

– Однако, – примолвил он, потупив взоры в землю, – сколь ни пленительна для меня мысль ваша, я не смею и подумать, чтоб она когда-либо могла исполниться. Сверх того, скоро ли мы отыщем бедных сирот с несчастною матерью, когда, по всему вероятию, они более всего стараются оставаться в глубокой неизвестности, а вам надобно спешить к своим родителям.

– Можно обойтись без лишней поспешности, – отвечал Дубонос решительно, – и я надеюсь, что, узнав

причину некоторой со стороны нашей медленности, родители наши не только извинят ее, но еще одобряют. Словом: мы направим путь прямо к селу Горбылям, и если там не получим полного сведения о жене твоей и детях, то пустимся к знакомому нам пану Артамо-ну Зубарю, человеку умному, доброму, с которым по-знакомились мимоездом и которому дали слово наве-стить при возвратном пути.

Пан Харитон изменился в лице.

– Как? – спросил он протяжно, – не ослышался ли я? Кого хотите навестить?

– Пана Артамона!

– Разве не известно вам, что он родной дядя, а жена его – родная тетка обоих врагов моих, Иванов?

– Так что ж? Не обманывайся, любезный брат! Пан Артамон, говоря нам о вашей тяжбе, более обвинял своих племянников, нежели тебя. Впрочем, он лично с тобою незнаком, и если ты не хочешь перед ним от-крыться, то и мы выдадим тебя за путевого нашего товарища. Пан Артамон знаетса со всеми окольными шляхтичами и, наверное, известен о местопребыва-нии твоего семейства.

Пан Харитон, со времени заключения братского союза сделавшись гораздо сговорчивее, чем был прежде, а притом надеясь чрез пана Артамона ско-рее узнать, чего всем им весьма хотелось, и боясь

упустить случай поправить порчу в своих обстоятельствах, скоро склонился на желание молодых друзей и дал слово посетить пана Артамона под собственным своим именем.

– На что скрывать свое имя, – сказал он, – я надеялся не более дурачить, как и мои соперники! Пусть же узнает благородный старец, что чувство раскаяния не чуждо моему сердцу; а где есть место раскаянию, там можно еще ожидать исправления.

Глава VII

Нечаянности

Разумеется, что после сего условия все сделались веселы. Молодые запорожцы наперерыв старались угождать старшему брату, и хотя они ужинали в лесу, но легли уснуть на покате зеленого холма с большим удовольствием, нежели бы в лучшей батуринской корчме. На утренней заре бдительный Конон впряг лошадей и разбудил своих панов; все уселись и пустились в дальнейший путь. На другое утро, незадолго до полудня, они въехали в село Горбыли.

Бричка двигалась тихо, ибо молодые запорожцы высматривали, где бы удобнее остановиться для отдыха. Пан Харитон был пасмурен и вздыхал непрестанно.

– Брат! – сказал Дубонос, обратясь к нему, – место сие известнее тебе, чем нам. Скажи, где бы нам пристать, чтоб накормить коней?

– Я думаю, – сказал весьма пасмурно пан Харитон, – всего лучше ехать туда, где менее всего меня узнать могут.

– Хорошо! – подхватил Дубонос, – в первый проезд наш через сие село мы ночевали в корчме жида Соломона; она стоит на другом конце села, по дороге,

ведущей к хутору пана Артамона.

Дубонос указал Конону улицу, по которой ехать надобно. У пана Харитона затрепетало сердце: эта улица вела мимо бывшего его дома. Надвинув шапку на брови, он высунулся из брички и решился сколько можно равнодушнее смотреть на разоренное свое жилище.

– В течение десятилетнего позыванья, – сказал он с тяжким вздохом, – я столько претерпел горя, что сей последний удар не будет уже опасен для моего сердца. Когда я увижу пустырь на том месте, где я старался заводить не только все удобства жизни, но и довольство, то уверяю вас, молодые братья, что, вместо горестной слезы на глазах, вы увидите улыбку негодования на губах моих. Я докажу, что, побратавшись с вами, сделался истинным запорожцем! – После слов сих он закрыл глаза руками и младшие братья увидели, что сквозь пальцы заструились слезы и потекли по щекам старшего брата.

– Пан Харитон! – воззвал Дубонос, – не думай, что быть запорожцем есть то же, что быть не человеком! Ах! горе тому, кто не проливал иногда слез горести. Он неспособен в полной мере почувствовать всю сладость, проливая слезы любви и дружбы. Чувствительность, огражденная верою и благоразумием, есть лучшее, любимейшее дитя промысла, посланное в дар

душам добродетельным.

По данному Дубоносом знаку бричка остановилась среди улицы, подле бывшего дома Харитонова. Он открыл глаза, осмотрелся кругом и чуть было опять не зажмурился, увидя нечто совсем неожиданное. Первое, что бросилось ему в глаза, был новый забор, сплетенный из ивняка, окружавший весь двор его, сад и огород; панский дом, недавно выкрашенный известью, блистал от лучей солнечных; на месте бывшей ветхой соломенной крыши он увидел новую, тростниковую; садовые деревья отягчены были плодами, и – как казалось – никто к ним не прикасался, кроме воздуха.

– Возможно ли, – сказал пан Харитон, отирая глаза, – чтобы бездушный сотник Гордей мог так хорошо устроить неправдою приобретенное имение? И то правда: он с такой же ревностью старался его улучшить, сколько я спешил расстроить и, наконец, совсем погубить! – Он погрузился в задумчивость, и бричка двинулась далее.

Подъехав к домам, принадлежавшим панам Иванам, пан Харитон поднял голову в надежде найти утешение своему сердцу, увидя одни развалины, ибо ему тогда обстоятельно было известно, что их имение поступило в казну сотенной канцелярии, а в таких случаях не столько набожно поступают, как с своим соб-

ственным; но какое же было его удивление и вместе горесть, когда увидел, что оба сии дома приведены несравненно в лучшее состояние, нежели в каком были прежде. Он быстро взглянул на младших братьев и сказал:

– Неужели и сотник Гордей сделался честным человеком? Дело другое хлопотать и трудиться для себя, а иное для общей пользы! Чудеса! О такой небывальщине я и в сказках не читывал и во сне не видывал!

Глава VIII

Добрый хозяин

Рассуждая о сем неслыханном чуде, наши названные братья неприметно доехали до корчмы жида Соломона, где, остановясь для обеда, велели своему цыгану иметь попечение о лошадях, а сами, усевшись в светелке, продолжали столь любопытный разговор. Когда хозяин, по приказанию путников, велел своей жидовке похлопотать о хорошем обеде, то пан Харитон спросил:

– Скажи, пожалуй, сын Израиля! давно ли так красиво поновлены дома здешних шляхтичей Занозы, Зубаря и Хмары? За несколько месяцев, проезжая из Сечи Запорожской в Батулин, я видел их совсем в другом положении.

– Чему ж ты удивляешься, – отвечал Соломон, устанавливая перед ними сулеи с разными наливками, – прежде дома сии принадлежали упомянутому тобою трем беспутным шляхтичам, которые, ища погибели другим, нашли свою собственную; ныне же принадлежат они честнейшему пану Артамону Зубарю, который – хотя и христианин – от всех окольных жидов считается мужем богобоязненным и человеколюбивым!

– Как? – спросил пан Харитон, изменяясь в лице, – как имение сие из казны и от панов сотника Гордея и писца Анурия могло очутиться в руках посторонних?

– Самое простое дело! – отвечал жид, – как скоро пан Харитон и паны Иваны по делам выгнаны из домов и хуторов своих добрым порядком, причем последние изрядно еще поколочены, то благонамеренный пан Артамон послал нарочного в войсковую канцелярию с предложением удовлетворить все положенные от оной взыскания в пользу казны и панов сотника и писца, если все имение Занозы, Зубаря и Хмары законным порядком за ним укреплено будет.

Как правительство, так и частные лица, оскорбленные со стороны позывающихся безумцев, с радостью приняли сей вызов, пан Артамон тотчас отсчитал должную сумму и торжественно введен во владение всем имением. У богатого умного человека все идет наилучшим порядком. Вдруг начались во вновь приобретенных домах и хуторах починки и перестройки, и мы не успели оглянуться, как все приняло новый вид, или возобновлено старое в лучшем виде. Что вы, паны запорожцы, подумаете о доброте сердца и благоразумии пана Артамона?

Подданные прежних беспутных владельцев, прежде ахавшие и охавшие беспрестанно, теперь всякий час благодарят бога, что отдал их благодетель-

ному человеку, пекущемся о счастье каждого столько, как бы о родном сыне или дочери. Верьте слепо, если жид хвалит христианина! Пан Артамон, поправляя все запущенное его предместниками, между прочим, на хуторе пана Занозы приказал выстроить новую голубятню и населил ее бесчисленным множеством самых казистых голубей; на лугу Ивана старшего завел обширную пасеку, и вдобавок выстроил на выгоне две ветряные мельницы, сожженные бездельником паном Занозою; словом: в поправке клонившихся к разрушению или и разрушившихся заведений, паном Артамоном вновь праведно приобретенных, он поступил не менее умно и расчетисто, как бы был самый разумный, самый опытный раввин жидовский!

Глава IX

Знакомец по слуху

Пан Харитон, выслушав с величайшим вниманием рассказы Соломона, оставался в крайнем удивлении и унынии; на лице его изобразилась тоска, на губах показалась улыбка негодования на самого себя, и на ресницах повисли слезы горести. Долго смотрел он на своих названных братьев и видел их недоумение, даже некоторое сомнение.

– Соломон! – воззвал Дубонос, – в котором же доме или хуторе расположился пан Артамон жительство? Мы с ним хорошие знакомцы и намерены на несколько времени воспользоваться его гостеприимством!

– Этот добрый пан, – отвечал Соломон, – проживает, сколько мне известно, в уединенном своем хуторе, за несколько лет устроенном в лесу его по берегу реки Псела. Там исполняет он втайне человеколюбивые свои обязанности; и поверите ли, – клянусь памятью знаменитого и соименного мне единоплеменника, – не один жид в нашей окрестности обязан ему своим благосостоянием! Как же нам не молить бога о здравии его и долгоденствии?

– Хорошо! – сказал Дубонос, – готовь нам поскорее обед, дабы можно было поспеть к вечеру в обителище

пана Артамона!

Жид мигом вылетел за двери.

Обед наших путешественников приближался к концу, как двери светелки быстро отворились. Впереди опрометью бежал Соломон с величайшею заботливостью, а за ним медленно следовал старик, одетый по-городски довольно богато, с веселым лицом, с улыбкою на губах и с дружелюбием в каждом взоре.

– Если не обманул меня жид Соломон, – сказал он, остановясь посередине комнаты, – что найду здесь трех запорожцев, хотевших навестить меня...

– Добродетельный муж! – вскричал Дубонос, – ты и в самом деле видишь здесь старых знакомцев своих, коих за несколько месяцев удостоил своего гостеприимства, – ты видишь запорожцев Дубоноса и Нечосу!

Старец распростер свои руки, и юноши погрузились в его объятия.

По прошествии первого восторга все уселись на лавке, и пан Артамон произнес:

– Благодарю вас, молодые друзья, что вы сдержали слово и не поленились заехать к старику, который с великим удовольствием готов угостить вас, и чем долее вы у него пробудете, тем более его обяжете! Но кто сей почтенный запорожец, ваш спутник? Хотя я его и не знаю, но не менее того рад буду видеть и его у себя, как бы старинного знакомца. Кого вы, любезные

друзья, избрали себе в товарищи для столь дальнего пути, на того и я готов во всем положиться.

Пан Харитон, ободренный ласковыми словами сего старца, потупя глаза в землю, говорил:

– Пан Артамон! Меня, спутника сих молодых людей, ты давно знаешь по слуху и, вероятно, много раз и справедливо роптал на прежний образ моих мыслей и поступков; претерпенные мною несчастья теперь совершенно меня переменяли. В сей корчме мы видеться с тобой не надеялись, однако пробирались к тебе на хутор. Я, помня прошедшее, сомневался предстать к тебе; но товарищи, уверя меня в твоей доброте, непамятозлобии, рассеяли мое недоумение, – словом, ты видишь перед собой Харитона Занозу!

Пан Артамон сначала казался весьма изумленным; потом любопытно взглянул на кающегося грешника, стоявшего с поникшею головою, наконец с кротостию произнес:

– Что ж такое? Я с паном Харитоном никогда не позывался и не чувствовал от него никакой обиды. Что нам препятствует на будущее время остаться добрыми знакомцами? – Тут он с особенною приязнию обнял пана Харитона, который отплатил ему тем же, и все с веселыми лицами уселись на лавках и начали разговор о настоящих обстоятельствах каждого.

Глава X

Наши в гостях

Когда Дубонос рассказал пану Артамону о намерении пана Харитона отправиться с ними в Запорожскую Сечь и о желании его еще раз повидаться с своим семейством, прижать всех к отеческому сердцу и, может быть, навсегда проститься, то первый сказал:

– В настоящих его обстоятельствах я сам ничего лучшего не придумаю и желаю всякого счастья в новом роде жизни. Что касается до его семейства, то я мельком слышал, где оно находится, и беру на себя непрременную обязанность отыскать всех и привезти сюда. Вы, думаю, – продолжал пан Артамон к изумленным запорожцам, – от говорливого Соломона успели узнать, что дома панов Харитона и обоих Иванов достались мне; а как на двух моих ближайших хуторах проживает теперь довольное число гостей, то, чтобы не стеснить никого, ни их, ни вас, я прошу усердно, пока пробудете в здешних сторонах, поместиться на хуторе, принадлежавшем до сего пану Харитону. Я, сколько мог, старался панский дом сделать удобным для проживания многолюдного семейства. Слуги и служанки будут вам повиноваться, как самому мне, а дворецкий снабдевать всем нужным, о

чем не премину дать нужные приказания.

Я хочу сам, пан Харитон, приняться за отыскиванье твоего семейства и надеюсь в скором времени иметь удовольствие видеть его в твоих объятиях.

Дорога до хутора твоего тебе знакома довольно. Отыскав жену твою и детей, я туда привезу их. Прощайте до времени.

Всяк, читающий сию справедливую повесть, без сомнения догадается, что пану Артамону весьма нетрудно будет отыскать родных своего бедного гостя; итак, нам не для чего идти за ним следом. Трое названных братьев запорожцев, оставшись одни, не могли нахвалиться благородными мыслями и примерно добрым сердцем гостеприимного пана Артамона.

– Не я ли говорил тебе, – сказал протяжно Дубонос, – что сей человек стоит всякого почтения и, несмотря на свою старость, умеет быть любезным первой молодости.

– Это сущая правда, – отвечал пасмурно пан Харитон, – но для меня непонятно, для чего столько умный и добрый человек захотел растравить раны сердца моего, помещая на короткое время в том самом доме, который всегда принадлежал моему роду и мне, и к довершению моего отчаяния сюда же хочет призвать мое семейство, чтобы и оно могло быть свидетелем моего позора и имело право сказать: это все

было наше, а теперь чужое; не могли ль и мы сие родовое имение привести в такое же цветущее состояние? О позыванье, проклятое позыванье!

– Почему нам знать, – воззвал Дубонос, – намерения других, пока они не обнаружены? Я той веры, что пан Артамон не без доброго намерения так поступает, а не иначе; но в чем состоит сие намерение, не знаю, да и знать не любопытствую, а доволен тем, что буду в гостях у доброго и честного человека. Мешкать нечего: сядем в свою бричку, и ты укажешь Конону дорогу до хутора.

Пан Харитон, вздыхая от глубины сердца, сел в повозку и, молча указав цыгану рукою дорогу, погрузился в глубокое размышление. Молодые друзья считали непристойностию прерывать оное и также молчали. Через час с небольшим они увидели вдали обширный сад и в один голос воскликнули: «Хутор!» Пан Харитон поднял голову, поглядел вдаль и, опять потупя глаза, вполголоса произнес: «Так! эта усадьба принадлежала некогда мне!» Краска стыда и негодования покрыла щеки его; он шептал что-то про себя, ерошил чуб, жмурился и потирал виски.

– Что с тобою делается? – спросил наконец Дубонос, – ты походишь теперь на больного, спящего самым беспокойным сном!

– Ах, – отвечал пан Харитон, – я и действительно

как в горячке: сердце непомерно бьется и голова кружится! Как больно, как несносно!

– Перестань! – прервал его Дубонос несколько строго, – неужели такая безделица может столько расстрогать разумного мужа в твои лета? Уныние никогда и никуда не годилось! Что кто имел и случайно потерял, то и опять иметь может. Послушай, любезный брат! Нравы и достаток родителей наших нам коротко известны. Если даст бог, что мы дочерям твоим понравимся и с твоего и жены твоей благословения породнимся, то вот тебе правая рука моя в залог, что поместье твое на хуторе и дом в селе будут выкуплены и отданы тебе.

Будь же веселее и надейся на милость божию и помощь людскую!

Глава XI

Утешение

Пан Харитон взял руку своего брата, пожал ее крепко, и искры утешения засверкали в глазах его, кровь стала обращаться покойнее, и он улыбнулся, закурил опустившиеся усы и весело глядел на свое бывшее владение. Панский дом был чисто-начисто выбелен; стекла в окнах вставлены новые, светлые; вместо старой соломенной крыши блистала разноцветная тростниковая; конюшня, сараи, гумно – все поновлено; а что более разлило удовольствие в сердце его, то обширная высокая голубятня, на месте сожженной выстроенная и вся усеянная прекрасными голубями. Крестьянские хаты также приняли новый, лучший вид, и все сады и огороды обнесены прочными заборами; словом: если бы сей помещик перенесен был сонный из батуринской тюрьмы в свое поместье, то он никак бы не узнал его. Молодые друзья, видя на лице старшего брата знаки непритворного веселия, поздравляли его с такою счастливою переменою, предсказывали еще счастливейшую будущность и с сим въехали на двор панского дома. Кто же опишет радостное удивление пана Харитона, когда увидел всех своих слуг и служанок, выбежавших к нему навстречу

под предводительством Луки, любимого своего спутника во всех поездках! Они все кланялись ему низко и поздравляли с вожделенным освобождением из батуринской тюрьмы и с возвращением на родину. Пан Харитон, вышед с товарищами из повозки, поблагодарил бывших домочадцев своих за усердие и спросил Луку:

– Ты как здесь очутился?

– Самым простым образом, – отвечал слуга, провозая пана и его товарищей на крыльцо, где, остановясь, продолжал: – когда тебя в Батурине, несмотря на все храбрые сопротивления, сопровождаемые сильными ругательствами, поволокли в тюрьму точно в таком виде, в каком ты волок из своего дома на двор писца Анурия, то один из оставшихся канцелярских подписчиков сказал мне: «Ступай, приятель, домой и служи пану сотнику Гордею как своему законному властелину». Я тогда был в великой печали и досаде, а потому отвечал с издевкою: «Ты, видно, привык в такую дальнюю дорогу пускаться пешком, а у меня, по милости господней и панской, есть возок и два коня!» – «Потише, друг сердечный! – отвечал подписчик насмешливо, – по высокому определению войсковой канцелярии двух коней, возок и все имущество пана Занозы, сюда завезенное, ведено продать и вырученные деньги причислить к войсковой казне».

Услыша такую неожиданную весть, я крайне разгневался и хотел было, подражая тебе, кулаками защищать свое право, как невидимо ангел-хранитель шепнул мне: «Остерегись, мужественный Лука, и удалство свое отложи до удобнейшего случая. Твой пан лишился хутора за то, что поколотил писца Анурия; а если ты осмелишься коснуться до подписчика войсковой канцелярии, то с живого сдерут кожу!» Я послушался сего спасительного гласа, тяжело вздохнул и – побрел домой, питаюсь именем божиим. Путь не ближний, а потому и времени прошло немало, пока я дополз до села Горбылей. Как же подивился, увидя, что все в доме нашем переправляется, и когда один старый незнакомый пан, услыша, кто я и откуда, сказал: «Ступай-ка, дружок, на хутор, принадлежавший прежде твоему пану, а ныне составляющий мою собственность вместе с сим домом, со всеми крестьянами, полями, лугами и пашнями; я сегодня там буду и дам тебе работу. Я называюсь – Артамон Зубарь!» Поклонясь в ноги новому пану, я отправился на сей хутор. Здесь также нашел великую перестройку как в панском доме, так и в крестьянских избах. Помещик перед закатом солнечным приехал сюда и, собравши около себя всех работников и крестьян, объявил, что я по всем работам, полевым и домашним, назначаюсь управителем и чтобы все повиновались мне, как ему

самому. После всего, распустя всех, сказал мне: «Лука! я наслышался о верности твоей к прежнему пану, из чего заключаю, что ты и ко мне не менее будешь усерден, делаю тебя вторым после меня во всех порядках по сему имению!» После сего, дав пространные наставления, что и как должен я делать, оставил здесь, где и до сих пор нахожусь. За час до твоего сюда прибытия он был на сем хуторе, объявил, что ты скоро с двумя молодыми спутниками сюда же придешь, и приказал, чтобы во все время, какое все здесь проведете, довольствуемы были, как настоящие хозяева, со всевозможным обилием.

Глава XII

Умиление

Пан Харитон не мог довольно надивиться добродушию и гостеприимству пана Артамона. Рассуждая о сем предмете, они вступили в покои и, проходя из комнаты в комнату, не могли налюбоваться чистотою и опрятностию, хотя, впрочем, все уборы домашние были весьма просты. Вошед в маленький покойчик об одном окне, они увидели большой кивот, в коем стояло пять больших образов в новых серебряных окладах. Пан Харитон присмотрелся и вскоре, быстро отскочив, вскричал в восторге:

– Боже милосердый! как возблагодарить за такое благодеяние, хотя бы оно сделано было и на самое короткое время! Посмотрите, молодые друзья мои и братья! В этом кивоте заключаются лики угодников, соименных мне и каждому из моего семейства! Приглядитесь, прочтите! Вот образ моего ангела, вот ангел жены моей, вот обеих дочерей моих, а сей последний сына Власа! Но не понимаю, что значат два маленькие образа в вызолоченных окладах, унизанные жемчугом и стоящие в ногах дочерних образов; а имена их: Лолий и Юлия!

Вероятно, что у благочестивого мужа есть на попе-

чении еще две особы, носящие имена сии; ибо, сколько мне по слуху известно, во всем родство пана Артамона никто так не называется!

Пан Харитон, посмотрев еще на образа, пришел в несказанное умиление, начал молиться вслух и так усердно, что сопутники его до глубины сердец были тронуты и сам молящийся прослезился. По окончании сего богоугодного дела все три путешественника назначили себе спальню; и хотя усердный Лука показывал три кровати совсем готовые, но пан Харитон с твердостью сказал:

– Если тебе поручено от нового пана делать нам угодное, за что и благодарим его чистосердечно, то вели наносить сюда побольше свежего сена и доставь чистый ковер. Не так ли, дорогие братья, должны ночевать странствующие запорожцы?

– Ты говоришь дельно, – отвечал Дубонос, и Лука со всех ног бросился исполнить данное приказание.

Наши гости уселись в большой комнате на лавке, раскурили трубки и в безмолвии смотрели на закатывающееся великое светило небесное. Наконец оно скрылось, заря вечерняя, мало-помалу бледнея, скоро совсем потухла, и серебристый месяц покатился по голубому своду; глубокая тишина распростерлась по лицу всея природы, и Дубонос воззвал:

– Не правда ли, пан Харитон, что надежда на бла-

гость провидения и совершенное предание участи нашей на волю всемилосердного никогда не остаются без награды? Не ты ли за несколько часов готов был роптать на свою горькую долю? Однако теперь согласишься, что если бы от того не удержался, то поступил бы весьма неразумно и теперь бы сам себя стыдился!

– Пусть так, – сказал пан Харитон, обратясь к Дубоносу, – ты дорогою утешал меня мыслию, что, коль скоро угодно будет провидению породнить нас, ваши родители в состоянии будут выкупить мое имение и возвратить мне; однако я тогда не подумал о дальнейшем и дал место в сердце своем надежде на радость. Теперь родилась во мне новая мысль, и сердце заныло, оледенело; эта мысль заключала в себе вопрос: что ж будет со мною, что будет с моею старухой, когда вы обеих дочерей моих увезете в Сечь Запорожскую? Хотя бы оба дома, бывшие моими – сей на хуторе, и другой в селе, – опять сделались моими, то без Раисы и Лидии, долженствовавших быть лучшим их украшением, превратятся для нас в мрачные могилы!

– Эх, пан Харитон! – воззвал Дубонос, – ты совсем не хочешь уняться и сам зовешь к себе мрачного духа уныния! Не может ли один миг преобразить вид всея вселенная? Зачем же нам прежде времени горевать, когда надежда манит нас обеими руками ко храму радости?

Переменив предмет разговора, они провели остальное время весьма весело, поужинали по-сельски и мирно започивали на сенном ложе.

Глава XIII

Новая радость

На другой день, едва летнее солнце показалось из-за небосклона, когда молодые запорожцы спали еще крепко-накрепко, пан Харитон вскочил с постели, наскоро оделся и пустился – нужно ли отгадывать куда? точно так – на голубятню! За ним следовал Лука, лукаво улыбаясь. Когда они взошли на верх лестницы, то слуга весело молвил:

– Видишь ли, пан Харитон, что как рано ни встал ты, а я предупредил тебя. Вот у дверей лежит целый мешок распаренной пшеницы, и вот стоят два ведра свежей воды на обед здешних хозяев.

Пан Харитон, взяв мешок, а Лука ведры, вступили во внутренность.

Голуби, зная время, вострепнулись и целыми стаями бросились к пришельцам.

Когда пан рассыпал корм в расставленные по разным местам корытца, а слуга разливал по другим питье, то ручные птицы садились им на плеча и на головы, радостно ворковали и порхали с одного места на другое. Это зрелище привело пана Харитон в несказанный восторг; он брал пернатых друзей на руки, гладил их и целовал; на глазах его блистали слезы, слад-

кие слезы душевной чувствительности и сердечного умиления. Он сел у одного корыта и, поглаживая своих любимцев, упражнявшихся около пшеницы, промолвил:

– Надобно сказать правду, что пан Артамон или добродетельнейший человек, старающийся всеми мерами усладить горести своих собратий, или искуснейший мучитель, кажущий умирающему от голоду прекрасное кушанье, и когда сей несчастный протягивает к оному свои руки, то его без милосердия прогоняют, твердя: «Поди умирай в другом месте!»

Когда Лука увидел, что пан Харитон не может довольно насладиться своею любимую охотою, то сказал:

– Не пора ли и тебе, пан, с гостями твоими подумать о завтраке, а после, до обеда, можешь осмотреть весь хутор и порадоваться, видя, что он достался не в дурные руки?

Пан Харитон, горя нетерпением рассказать о новом, неопisanном удовольствии, какое вкушал он на голубятне, спустился с лестницы и немало подивился, увидя, что солнце было весьма уже высоко в небе. Он уподоблялся тогда древнему иноку, который, слушая пение райской птички, не чувствовал, как протекли тысяча лет^{25}: воркованье голубей было для него не менее очаровательно. Вошел в большую комнату

панского дома, он остановился посередине, увидя накрытый стол и крестовых братьев своих, сидящих у окна в сад, в некотором смущении. Едва услышали они громкую походку, то вдруг оглянулись и, видя своего старшего брата, бросились к нему навстречу с распростертыми объятиями.

– Куда занесли тебя ведьмы, – вскричал Дубонос, – что мы до сей поры тебя не видали?

– Братья! – отвечал им пан Харитон, – я был вне себя – я был на голубятне! О, если бы вам быть там случилось!

– Видишь, – сказал Дубонос, – что предсказания мои начинают сбываться!

Потерпим и посмотрим, что будет далее! Я с своей стороны твердо уверен, что особенное бедствие – есть преддверие ко храму счастья, так как за необыкновенными удачами всегда следуют по пятам непомерные потери.

Глава XIV

То же, да не в том виде

После обеда все три крестовые брата под предводительством Луки пошли осмотреть настоящее состояние сего поместья. Они начали с саду, и весьма были довольны, видя, что всякая вредная трава выщипана, деревья подчищены так, что ни одного усохшего сучка нигде не видно было, зато на каждом число плодов, как казалось, превышало число листьев. Довольный участок земли определен для цветника. Налюбовавшись сим прекрасным зрелищем и полакомясь плодами, они пустились далее. В конюшне нашли три статные лошади, а в ближнем сарае новую повозку и возок. Пробравшись на гумно, они увидели множество огромных стогов разного хлеба, вокруг коих толпилось бесчисленное множество дворовых птиц.

Пан Харитон на каждом шаге восклицал радостно, а младшие братья усугубляли восторг его уверением и даже божбою, что все им видимое непременно будет принадлежать ему, если только его дочери не запрямятся.

– Тише, прошу потише! – вскричал пан Харитон, – они обе, как только стали несколько разуметь себя, привыкли повиноваться мне с благоговением, и стоит

отцу произнести одно слово прежним родительским голосом...

– Нет, пан Харитон! – отвечал быстро Дубонос, – запорожцы – ты, верно, наслышался – принужденной любви не терпят! Да и что приятности получать прекрасный хлеб из чьей-нибудь руки, когда в глазах дающего вижу слезы горести и на всем лице убийственное уныние?

– Справедливо! – сказал пан Харитон, – но дочери мои так еще робки, так неопытны в делах любовных, что первые молодые достойные люди, представляемые в женихи отцом, непременно должны понравиться, и я уверен, что с первого взгляда понравятся. Одно, что меня останавливает предаться сей лестной надежде, есть сомнение, что они в глазах ваших не будут иметь столько достоинств.

– Полно, полно, любезный брат! – воззвал Дубонос, – одно время выказывает обыкновенно последствие наших замыслов и поступков. Пойдем теперь и посмотрим на хуторы врагов твоих, панов Иванов! Тебе, как давнишнему соседу, должно быть весьма знакомо, в каком состоянии они были до поступления во власть пана Артамона; увидим все и сравним с тем, в каком теперь находятся.

Они пошли, осмотрели все внимательным оком и везде увидели совершенный порядок, хозяйствен-

ное устройство, счастливое изобилие. Быв упражнены сим веселым занятием, они и не заметили, как солнце начало клониться к закату.

Идучи домой, они встречены были великим стадом тучных быков и коров, овец и баранов.

– Кому принадлежат богатые стада сии? – спросил пан Харитон и остановился, дабы полюбоваться сельскою, давно не виданною им, картиною.

– Кому другому! – отвечал Лука, – они разделены на все три хутора и пасутся на лугах, для каждого особо отмежеванных.

– Благополучный человек! – сказал с тяжким вздохом пан Харитон.

– Он никогда и ни с кем не позывался, – отвечал простосердечный Лука, и все в молчании возвратились на свое становище.

Глава XV

Приятные вести

Как прошел сей день, почти так же прошло довольно времени. Пан Харитон не пропускал ни одного утра, чтобы не посетить голубятни, когда исправный слуга взбирался туда с кормом и пойлом; послеобеденное время посвящено было прогулкам. Иногда брали они с собою ружья или уды и, на рассвете отправясь за добычею, возвращались ввечеру домой, утомленные телом, но бодрые духом и веселые сердцем. Одно только обстоятельство беспокоило наших друзей, а особливо пана Харитона: они около двух недель не только не видали своего доброго хозяина, но даже не получали о нем никакого известия. Все начали скучать: молодые братья, что не видят и начала к исполнению страстных желаний своих взглянуть на милых дочерей старшего брата; а сей досадовал, что дался в обман, поверив пану Артамону, что весьма скоро, хотя на самое короткое время, соединится со своим семейством. Такое невеселое расположение сердец у троих друзей не мешало им продолжать обыкновенные свои занятия, то есть пан Харитон каждое утро лазил на голубятню, а сошедши с нее, все вместе бродили по лесам и болотам за куликами и ут-

ками или, сидя на крутом берегу Псела, приманивали к себе язей и карпов. Однажды, немного спустя за полдень, все три друга, держа в руках по торбе, прилежно смотрели на песчаное дно речки и, завидя ползающих раков, весьма удобно их ловили; вдруг является на берегу Лука и сколько есть в нем силы кричит: «Письмо от пана Артамона!» Все вздрогнули от радости и бросились на берег. «Где, где?»

– вопили они, и Лука подал Дубоносу запечатанный сверток бумаги. Сей запорожец, стряхнув с рук воду, разломал печать и, – между тем, как по данному паном Харитоном знаку Лука отошел в сторону, – прочел вслух следующее: «Любезные друзья! Не извиняюсь перед вами, что так долго молчал о себе и о предметах, столько для вас занимательных. Важные семейственные дела – однако ж совсем не похожие на позыванья – до сего времени задерживали меня в городе. Все нужное я кончил с успехом и очень тем доволен. Мне известно место пребывания родных твоих, пан Харитон, и завтра же отправляюсь к моему приятелю, у коего полувдовая жена и полуосиротевшие дети нашли признание.

По прошествии еще одного или двух дней буду я к вам в гости с матерью, с детьми ее и с паном, у коего найду их. Будьте готовы принять всех так, чтоб никому не было тесно. Прощайте.

Артамон Зубарь».

Лица троих друзей покрылись краской радости, и взоры их заблестали.

– Слава богу, – воззвал торжественно пан Харитон, не стараясь скрыть своего восторга, – слава богу, что мы весьма скоро увидим развязку нашего дела! Если милосердому промыслу не угодно будет простить меня за прошедшие непорядки, бесчинства и даже беззакония, то, соединясь с моими братьями теснейшим союзом, брошусь на колени пред добродетельным мужем, который простер к ним руку помощи во время истинного бедствия, и буду умолять его не оставить своим покровом и защитой злополучное семейство; после того брошусь в бричку, сяду посередине вас, прижму обоих к осиротевшему сердцу, пошлю последний болезненный вздох к моей родине, и – полетим в Сечь благословенную!

Друзья одобрили такие разумные мысли, оделись и возвратились домой.

Тут каждый из них несколько раз прочел радостное письмо и вслух и про себя, и все вообще заключили, что в нем, кроме добрых вестей, ничего не сказано, а потому положено остальные два дня провести в сердечном веселии и душевном спокойствии. Они и действительно провели время сие без скуки, хотя всякий раз с большим удовольствием смотрели на закат

солнца, чем на его восхождение.

Бдительный Лука, узнав заблаговременно, что в скором времени будет к ним пан Артамон с многими гостями, в числе коих прибудет именитая шляхтянка с двумя дочерьми и сыном, со всем усердием принялся за нужные распоряжки, чтобы все посетители могли быть размещены удобно и приятно. К исходу другого дня все готово было к принятию ожидаемых, сердца друзей сильно бились, вздохи волновали их груди, но солнце закатилось, румяная заря запылала на вечернем небе и вскоре погасла; мрак распростерся по лицу природы, грусть и уныние объяли сердца и души наших братьев. До самой полуночи сидели они на крыльце, не сказав один другому ни десяти слов; после того, вошед в свою опочивальню, они опустились на душистое сено.

– Прощай, брат Харитон! добра тебе ночь! – сказали в один голос молодые запорожцы; пан Харитон вместо ответа вздохнул так, что в третьей комнате слышно было.

Глава XVI

Чего тут ожидать доброго?

На другой день, когда Дубонос и Нечоса проснулись, то старшего брата не увидели уже на сене.

– Нетерпение его не меньше нашего, – заметил Нечоса, одеваясь проворно.

– Кажется, это весьма естественно, – отвечал Дубонос, – известность всегда менее ведет за собой хлопот, чем неизвестность, хотя бы это касалось до будущего нашего блаженства или гибели!

Покудова они оделись, умылись, сотворили свои молитвы и вышли в большую комнату, было уже довольно рано, почему немало удивились, что старшего брата не нашли и за завтраком, который проворным Лукою, бывавшим с прежним паном своим неоднократно в Миргороде, один раз в Полтаве и, наконец, в Батурине, приготовлен был в наилучшем виде и вкусе. Молодые люди не знали, чему приписать столь раннее отсутствие своего опытного друга; но когда призванный Лука уведомил, что пан Харитон с первым появлением солнца совсем одетый вышел из дому в сад, запретив ему, верному слуге, следовать за собой, они пришли от того в большое беспокойство и, оставя завтрак нетронутым, пустились его отыски-

вать.

Обегав весь сад вдоль и поперек, они нашли наконец своего собрата, сидящего на траве у забора, под тению развесистого вяза. Лицо его казалось встревоженным, и взоры были потуплены в землю.

– Что с тобою сделалось? – вскричал Дубонос, – ты теперь ходишь на такого запорожца, который изпод Турки возвращается в свой курень без оселедца¹² и – с пустыми руками!

– Любезные братья, – говорил пан Харитон, вставая с земли, – если бы вы знали, что я видел и что слышал!

– А что такое? Неужели Змея Горыныча, которого так испугался?

– Почти так, но только не одного, а двух!

– Ахти! Как это случилось и куда сии змеи скрылись?

– Выслушайте меня, и вы согласитесь, что я имею основательную причину призадуматься. Будучи всю ночь удручаем угрюмыми мыслями, я не смыкал глаз ни на минуту. Что бы могло принудить умного, обстоятельного пана Артамона не сдержать слова, добровольно мне данного? Ах, вероятно, он раздумал и не хочет уже докончить мое счастье! Легко ста-

---

¹² Что значило у запорожцев слово оселедец, объяснено в повести моей под названием «Бурсак»^{29}.

нется, что злобные, мстительные паны Иваны нашли средство понудить своего дядю возненавидеть меня столько же, сколько сами ненавидят! Для чего не знаю убежища, данного моему семейству! Сейчас полетел бы туда с друзьями своими и, поблагодари хозяина за оказанное благодеяние, умолил бы его не оставлять и впредь внушений человеколюбия! Но теперь – что буду делать, куда направлю шаги, дабы проведать, где вдова моя и сироты, при всем изобилии, вздыхают и горюют? Мне известны сердца и души жены моей и детей. Несмотря на крутой нрав мой, они меня любили, и надеюсь, что и до сего времени любят. Правда, я навлек на них несчастье; но и сам не низвержен ли в пропасть злополучия?

Неужели не достоин я сожаления? Такие горестные мысли терзали мое сердце, и так посудите, как обрадовался я, увидя на востоке зарю огненную! Быстро вскочил с своей постели, и пока умылся и оделся, то блестящий шар огненный воссиял на небе. Я бросился в сад, где в чаще вишневых деревьев, павши на колени, начал совершать молитвы.

Глава XVII

Занимательный разговор

– Когда кончил я сие дело, – продолжал пан Харитон, – столько усладительное для души каждого человека, а особливо для души несчастного, то начал расхаживать по саду, а пришед на сие место, сел на зеленой траве, и чтобы сколько-нибудь себя рассеять, а притом и вам дать знать о своем местопребывании на случай, если б вы искать меня вздумали, я начал громко свистать и петь казацкие песни.

Язык и губы весьма хорошо исправляли свою должность, так что мои свисты далеко раздавались в окружности; но мысли устремлены были к моему семейству, и при воображении о близкой и вечной с ним разлуке дрожь разливалась в моих жилах, губы леденели, я умолкал и погружался в грусть несносную. В один раз, во время довольно продолжительного безмолвия, я услышал в соседнем саду мужские голоса, ближе и ближе ко мне подававшиеся.

Полюбопытствовав узнать, кто в такую пору заглял в сей сад Артамонов, я оборачиваюсь лицом к плетню, смотрю и – цепенею от удивления и даже ужаса, увидя обоих врагов моих, панов Иванов, стоявших под старым грушевым деревом. Чего тут ожидать доб-

рого? Может быть, они уже знают, что я тут поселен на время! Вероятно, что мои насвистыванья и песни коснулись до их слуха, и, может быть, они начали уже совещаться, чтоб открыть снова позыванья и, лиша меня всего блага, остававшегося на земле, лишить и того, какого еще грешник может ожидать на небеси! Я притаил дыхание, душа моя беспрестанно переселялась из своего места в глаза и уши.

– Твоя правда, – сказал Иван старший, – что всей жизни нашей недостаточно, чтобы в полной мере возблагодарить своего дядю за великодушный его подарок.

– Да! – отвечал Иван младший, – возвратить нам сии хуторы со всеми угодьями, и притом в наилучшем виде, и из обнищалых шляхтичей сделать опять достаточных, есть такое благодеяние, которого едва ли мы заслуживали за свое безрассудство чрез десятилетние позыванья, оказанное вопреки его советам и даже угрозам.

– Однако согласись, друг мой, – возразил Иван старший, – что мы не столько виноваты, как злой, мстительный Заноза, который открыл войну, застрелив множество моих кроликов. Что за важность, если и в самом деле бедные зверьки погрызли в саду его несколько вишневых отпрысков! Деревьев не поят и не кормят, а от корней их выходят даром молодые де-

ревья; напротив того – всякое животное требует корму и приюту!

– Полно, полно! – подхватил Иван младший, – слава богу, дело уже прошлое! Однако согласись, что хотя Заноза был зачинщик ссоры, но ты подал к ней повод!

– Как так? Разве я подучил кроликов залезть в сад его и грызть растения?

– Не то, друг мой! Как скоро услышали мы ружейные выстрелы, увидели побитых кроликов и узнали тому причину, то тебе следовало сказать: «Пан Харитон! не по-соседски поступаешь! На что похожа теперешняя твоя храбрость? Когда увидел, что мои кролики у тебя в саду напроказили, то следовало призвать меня, показать и исчислить порчу, и я допустил бы тебя вместо попорченных деревьев вырыть с корнями в саду моем столько же целых; а теперь мы – квит!» Не правда ли, что Занозе, сколько бы он зол ни был, ничего не оставалось делать, как, поевши твоих кроликов, с терпением ожидать, пока не выйдут из земли новые отростки? Нет! тебе вздумалось огреть его колом по макушке, и вот истинное начало пагубного позыванья, сделавшего несчастными три семейства.

– Оставим это! Благодаря бога и доброго дядю, мы получили больше, чем потеряли. Но что-то будет с паном Занозою? Как же встревожится он, как ошалееет,

когда узнает о перемене нашего состояния! Поделом ему, окаянному!

Если бы и в самом деле вышел справедливым разнесшийся слух, что какие-то два молодые богатые заporожца пожелали видеть дочерей его и, на них желясь, выкупить ему как хутор со всеми угодыями, так и сельский дом, то я заклинаюсь до конца жизни не выкурить трубки тютюну, если этот головорез утерпит, чтобы сызнова не начать позываться с нами или с кем другим, отчего опять потеряет все, что по милости зятъев будет для него приобретено!

– Почему же ты так думаешь? Дурачиться свойственно человеку во всяком состоянии и возрасте; но кто не вовсе лишен рассудка, тот, рано или поздно, а узнает, что идет по пути неправому. Согласись, что пан Харитон неглуп, и надобно думать, что путешествие в Полтаву, оттуда в Батурин, а там переселение в городскую тюрьму могут вразумить и самого неразумного. Если нам так опротивели тяжбы, то почему имеем право заключать, что бывший наш сосед, ничего не выдавший от них, кроме одного горя, и до сих пор не угомонился?

– Я согласен, следуя внушению добродушного нашего дяди, что и пан Харитон сделался опять счастлив в кругу своего семейства; но все еще боюсь; ох! боюсь, что страсть к позыванью и ненависть к нам не

искоренятся из его сердца, пока оно не оледенеет!

– Посмотрим! Дядя Артамон обещал сегодня у нас полдничать, так, верно, что-нибудь скажет нового!

Они удалились. Судите, друзья мои, по собственным сердцам вашим, что чувствовало тогда бедное сердце мое? Угрызение совести, стыд, раскаяние – все терзало, мучило меня несказанно, и в сем-то положении вы меня здесь застали.

Глава XVIII

Свидание после разлуки

Дубонос, приняв ораторский вид, с важностию воззвал:

– Скажи по совести, любезный брат! неужели ты заключение пана Ивана старшего считаешь справедливым, и что если бы сие поместье в самом деле поступило в твою собственность, то ты способен был бы потерять его, начав снова пагубные позыванья?

– Да лишит меня мати божия святого своего покрова, если я к кому-либо питаю теперь ненависть или злобу! Надеюсь, что милосердый бог услышит всегдашние мои молитвы и что дух христианского смирения, кротости и миролюбия не отступит от меня, хотя бы во владение мое поступила вся миргородская сотня!

– Слова твои, голос и взор, – сказал Дубонос, обнимая пана Харитона вместе с своим другом, – подадут нам несомненную надежду, что со временем все будем счастливы.

Он хотел было сказать еще что-то философское, как бегущий к ним Лука остановил поток его красноречия.

– Вы, паны, здесь пустомелете, – вопиял слуга, – а

того не знаете, что пан Артамон с гостями приехал на сей хутор!

– Ах! – вскричали в один голос три друга и – онемели.

– Да, – продолжал усердный Лука, – Анфиза с дочерьми в бричке, а пан Артамон и Влас верхами. Запорожцы опомнились, и пан Харитон спросил:

– Что же ты не упоминаешь о том благодетельном человеке, у которого до сих пор гостили мои домашние?

– Никого не видал более, – отвечал Лука, – кроме старого Архипа, правившего конями.

– Видно, что он сам пощадил твою разборчивость, – заметил Дубонос, – и не захотел явиться перед тобою вместе с предметами его благотворения.

Пойдем!

Быстрыми шагами пустились они к панскому дому, и едва вступили на двор, как увидели всех приезжих на крыльце. У пана Харитона начало в глазах двоиться; он сделал несколько шагов вперед и должен был остановиться, ибо голова закружилась, колени задрожали, и если бы молодые братья не поддержали ослабевшего, то он непременно пал бы на землю.

– Мой муж, Харитон, батюшка, батюшка! – раздались разные голоса, и Анфиза с дочерьми и сыном устремилась к безгласному, и все поверглись на грудь

его; Раиса, Лидия и Влас целовали его руки и рыдали. Из сомкнутых глаз Харитоновых лились обильные слезы. Дубонос и Нечоса, хотя и запорожцы, не могли также остаться нечувствительными стойками: смотря в слезящие глаза прелестных сестер, они сами прослезились и наряду с детьми обнимали своего старшего брата. Если бы не подошел к ним растроганный хозяин, то отец, мать, дети и названные братья до самого вечера не пришли бы в порядок.

– Успокойтесь, – воззвал старец, – я знаю, как сладостно после продолжительной разлуки увидеться с особами, драгоценными для сердца нашего; но это не должно расстроивать ни рассудка, ни здоровья!

Мало-помалу все довольно успокоились, и пан Харитон с чувствительностью благодарил добродушного пана Артамона за труд, предприятый им в отыскании и доставлении к нему всего семейства.

– Это не стоило мне большого труда, – отвечал старец с улыбкой чистосердечия, – как усадить жену твою с дочерьми в бричку, самому с проворным Власом взмоститься на коней и проехать пять верст полем.

– Ты обещал, – произнес пан Харитон, осматриваясь кругом, – познакомить меня с истинным благодетелем; но я его не вижу! Зачем отказался он быть свидетелем моего счастья и моей душевной благодарно-

сти? Ах! пока я не увижу его, пока не обниму колен его, никак не могу в полной мере быть спокоен!

– Видеть его очень можно, – сказал пан Артамон, – но он чуждается коленопреклонений от кого бы то ни было, а всегда считает себя весьма много награжденным, когда по милости божией сподобится оказать возможное вспоможение своему ближнему. Поздравь же меня, пан Харитон, с сим счастьем и дай обнять себя, как брата! Так! жена твоя и дети, с самого изгнания из сельского дома, гостили у меня на хуторе.

Пан Харитон задрожал во всем теле и не в силах был отвечать объятиями за объятия. Он смотрел на почтенного ласкового старца дико и недоверчиво и наконец вполголоса произнес:

– Как ты, дядя злейших врагов моих, панов Иванов, ты!..

– Да, да! – воззвал пан Артамон, – я, дядя панов Иванов, но отнюдь не врагов твоих, а особливо теперь, когда я удостоен промыслом вышнего быть помощником в бедах, постигших как их, так и твое семейство.

Пан Харитон в безмолвии пал на грудь добродетельного мужа, и слезы его, слезы благодарности и умиления, оросили щеки старца.

– Ах! как счастлива участь обоих Иванов, – произнес пан Харитон, – что имеют в лице своего дяди

воплощенную добродетель! Почто у меня нет такого родственника!

– Не обманывайся, – отвечал пан Артамон с кротостию, – я весьма далек еще, чтоб смел назваться добродетельным; а истинно то, что всегда готов с удовольствием делать другим столько добра, сколько бываю в силах. Впрочем, от самого тебя с сей минуты зависит считать меня родственником, другом, братом! Но об этом после. Познакомь с своим семейством молодых друзей, и войдем в покои.

Пан Харитон востропнулся и, ударя себя кулаком по лбу, произнес:

– О чем же до сих пор думала ты, голова бестолковая? Жена! дети! – продолжал он торжественно, – в сих двух запорожцах видите вы двух великодушных, истинных друзей моих, братьев; итак! Без их помощи я погиб бы непременно или по меньшей мере лишился бы рассудка. Если бы не они, то вы нашли бы теперь меня – не здесь, в полном уме и здоровым, но в Батурине, в доме сумасшедших! Вы должны за меня отблагодарить их.

Анфиза простерла к молодым друзьям руки, и они осыпали их поцелуями; из объятий матери перешли в объятия дочерей и сына, и все в несказанной радости вступили в панский дом, где вместо оставленного завтрака ожидал их изобильный обед.

Глава XIX

Нужный распорядок

Послеобеденное время проведено в приятных разговорах, в коих господствовали чистосердечие и взаимная, истинно дружеская доверенность.

Когда солнце начало склоняться к вечеру, то пан Артамон, встав со скамьи, сказал:

– Мне надобно еще повидаться с племянниками, а потом пуститься в дорогу. Тебя, Анфиза, оставляю на время хозяйкой сего дома. Распоряжай в нем всем, как в своем собственном; здешние слуги и служанки будут повиноваться тебе, как самой Евлампии. Ты, пан Харитон, вместе с своими друзьями можешь заняться хозяйством наружным, и все крестьяне и крестьянки выполнят приказания ваши столько же исправно, как бы оные были мои собственные. Во время сегодняшней беседы нашей Лука повестил о сей воле моей по всему хутору. Для меня было бы весьма приятно, если бы ты, пан Харитон, сблизился с панами Иванами и чистосердечно с ними примирился.

Согласен ли ты забыть существовавшую между вами вражду и во все время, какое пробудешь здесь, считать их не иначе, как доброхотными соседями?

– От всего сердца готов я забыть все оскорбления,

обиды и потери, от них претерпенные, а особенно если б был уверен, что и они с своей стороны...

– Не беспокойся, пан Харитон! – воззвал старик и, с веселым видом взяв его за руку, продолжал: – Ты только не противься духу миролюбия основать жилище свое в сердце твоём, а за племянников я ручаюсь. Хотя мне и не всегда можно быть между вами, но и издали увижу, как вы между собой жить станете. Кто первый подаст повод ко вражде и следующим за тем позываньям, тот навсегда лишится моей дружбы. Всякое зло в мире для меня ненавистно, и если я не всегда делаю добро, так это потому, что я человек. Послушай, пан Харитон! Я думаю, что запорожские друзья твои, не оскорбляя твоей чести, могут сделать первый шаг к примирению твоему с панами Иванами. У сих последних есть сыновья, почти равнолетние Дубоносу и Нечосе; пусть молодые люди между собой познакомятся, подружатся, а это неприметным образом и отцов их зазовет к тебе. Когда я услышу, что сие миролюбивое желание мое исполняется, то помолодею десятью годами и ничего не пожалею, что только может служить к удовлетворению ваших желаний, лишь бы оные основаны были на справедливости.

– Но, – подхватил пан Харитон, – если при всей готовности моей не только к примирению, но и к прочному миру и даже к дружбе с панами Иванами я в том

не успею?

– Тогда они пеняй сами на себя, – сказал пан Артамон, пожав плечами, – разве кто обязан дать ответ богу и людям за зло, другими производимое? – Тут помолился он перед иконами, простился с гостями, сел в бричку и пустился на хутор пана Ивана старшего.

Пан Харитон, оставшись временным хозяином всего хутора, с восторгом помышлял о том блаженном времени, когда сделается настоящим помещиком, ибо от пронизательных взоров его не скрылось, что Раиса и Лидия с первого взгляда пленили сердца его братьев. Когда он при первом удобном случае объявил жене весь план к приобретению потерянного посредством выкупа, то она и с своей стороны подтвердила его догадки о впечатлении, произведенном любезными дочерьми над добрыми, великодушными и богатыми юношами.

Наступила ночь, и молодые запорожцы объявили, что опочивальнею своею избирают беседку в саду, стоящую в конце у забора. Пан Харитон, не находя причины оспаривать сего желанья, охотно на то склонился. Правда, ему хотелось поскорее сблизить между собою молодых людей, распорядясь так, чтоб они как можно чаще виделись между собою; но и то сказать, что панский дом хотя устроен был удобно и снабжен всем нужным, однако всегдашнее пребывание в

нем двух посторонних молодых мужчин могло служить для застенчивых девиц некоторым отягощением. Итак, Лука получил приказание натаскать сена в помянутую беседку, запорожцы удалились, и пан Харитон, опускаясь в постелю, сказал жене:

– Десять лет прошло, как я с таким спокойствием, какое теперь чувствую, не отходил ко сну! Ах, сколько мы будем счастливы, когда сами себе скажем: добрые дочери поправили то, что злой отец расстроил!

– Я имею основательную причину думать, – приговорила жена, – что твои друзья сделали впечатление на сердца дочерей наших!

– С богом! В добрый час! – произнес пан Харитон, и вскоре все в доме успокоилось.

Глава XX

Обратимся назад

Думаю, что все, кому случится читать сию повесть, давно уже догадались, что мои молодые запорожцы Дубонос и Нечоса не кто другие, как Никанор и Коронат, ученые сыновья панов Иванов. Что же понудило их сделаться оборотнями? Как очутились они в Батурине, а особливо в тамошней темнице? Прочтем далее.

По возвращении молодых друзей из Полтавы они — о чем мы давно знаем — страстно полюбили прелестных дочерей пана Занозы и получили соответствие.

Кому же открыть тайну сердец своих? от кого искать совета и помощи?

Объявить прямо родителям, как бы в другом случае и следовало, в их обстоятельствах значило бы навлечь на себя проклятие отцов своих, а бедных красавиц видеть изувеченными неукротимым паном Харитоном. Итак, любовники прибегли к своему деду, пану Артамону, которого знали в первой молодости и после слышались о его кротости и великодушии. Сего-то доброго старца посетили они тайно от родителей и открыли со всей пылкостью первой любви состояние сердец своих. Выслушав повесть их с особен-

НЫМ вниманием, он сказал:

– Дети мои! я весьма далек от того, чтобы законную любовь опорочивать, равно как и честные средства, коими она приобретается; однако ж и того не могу одобрить, чтобы заключать обыкновенные союзы без полного согласия родителей, а вы знаете, какую жестокою войну ведут между собою ваши отцы с отцом ваших любовниц! Есть одно только средство, могущее усмирить упрямых ратоборцев и по времени примирить их между собою; однако ж вы должны взять терпение! Вам уже известно, что я по прежним связям веду пространную переписку с членами не только сотенных или полковых, но и войсковой канцелярии. Позыванья отцов ваших с паном Харитоном кончатся так, как и должно, то есть общею гибелию. Если и тогда нравы их не смягчатся, то я готов оказать вам всякое вспоможение; но опять повторяю, что не прежде приступлю к сему, как в помянутое время, которое, как имею причину думать, наступить не замедлит. В течение сего времени вы постарайтесь вызнать нравы невест своих и их обычаи или привычки, которые иногда столь же глубоко вкореняются, как и врожденные склонности. Никогда не забывайте, что вы шляхтичи и что честь должна быть для вас столько же дорога, как самая жизнь. Не подражайте тем чужеземным развратникам, которые готовы резаться или стреляться

с друзьями за одно насмешливое слово или даже за один непочтительный взор, а любовниц своих не соведятся доводить до края пропасти и, мгновенно низвергая туда неосторожных, неопытных, легковверных преступниц, считают сие делом богатырским, и кто из таковых витязей не хвастается сим всенародно, тот почитается за самого скромного, честного человека. Я твердо уверен, что вы, быв воспитаны во храме мудрости и чистоты, никогда не поддадитесь льстивому внушению гнусного Асмодея, хотя бы имели все способы к удовлетворению прихотям чувственности.

Старик говорил молодым внукам довольно продолжительную и весьма сильную речь о славе и счастии человека, побеждающего свои страсти, и юноши, выслушав его с должным вниманием, торжественно объявили, что, следуя внушению рассудка, усовершенствованного познанием философии, они нимало не боятся злых козней Асмодеевых и навсегда пребудут тверды в правилах, почерпнутых ими в полтавской семинарии. Добродушный дед, полагая, что достаточно испытал образ мыслей своих внуков и укрепил их в добродетели, отпустил с миром восвояси, наказывая посещать его тайно, дабы не раздражать своих родителей, давно уже противу него огорченных за обнаружение и охудение их глупостей.

Глава XXI

Благовременное признание

Никанор и Коронат, быв ободрены ласками деда, возвращались домой весьма довольны своею догадкою – обратиться к нему за помощью и за советом; при всем том им казались излишними и даже смешными увещания пана Артамона, чтоб они в обращении с прелестными сестрами не отступали от путей чести и добродетели.

– Он, конечно, забыл, – произнес с гордой улыбкой Никанор, – что мы питомцы полтавской Минервы и наизусть знаем всю жизнь каждого из древних философов, отличивших себя постоянством и твердостью, которые доходили иногда до бесчувственности; что же мешает нам уподобиться сим великим смертным и в объятиях прелестных сирен дышать чистою платоническою любовью?

О дед Артамон! по всему видно, что ты в молодости своей ни в какой семинарии не набирался мудрости!

Из первой части сей повести мы видели, как долго наши стоические философы пребыли тверды в правилах сей секты: все читатели – я надеюсь – еще не забыли ночного приключения на баштане, откуда бедные сестры возвратились домой в полночь и притом

в великом беспорядке. Хотя Никанор был тогда, как и во всякое время, храбрее и предприимчивее друга своего Короната, хотя утешал его припоминанием дорогого правила: все к лучшему, но, оставшись один, он погрузился в унылую задумчивость и, поразмысля хорошенько о причинах и последствиях, ужаснулся и со вздохом произнес:

– Ах! дед Артамон, и не учась по-латыни, во сто раз умнее многоученых своих внуков, которые в существе не что другое, как высокомерные глупцы, нимало самих себя не разумеющие!

Никанор всю ночь провел без сна, и едва заря занялась на небе, он был уже в дороге. Куда? Нетрудно догадаться: к хутору доброго умного деда. Во время пути он мысленно сочинял речь по всем правилам хрии^{26}, не жалея риторических фигур и не скупясь на самые звонкие выражения. Когда достиг он предмета своего путешествия, то солнце полным кругом блистало на тверди.

Быв представлен пред деда, сидевшего за столом с своею старухой вместе с несколькими гостями, у него в доме ночевавшими, Никанор, с городской учтивостью отдав каждому свое почтение, сказал:

– Дедушка! я имею крайнюю надобность переговорить с тобою один на один!

– Ба, ба! – сказал пан Артамон с дружелюбною

улыбкою, – пойдём в мою моленную; там никто не помешает тебе свободно объявлять свою тайну.

– Не лучше ли отложить тебе, любезный внук, важную твою исповедь до окончания завтрака? – спросила добрая Евлампия с заботливостью.

– Нет, бабушка. Завтракать можно после или и совсем без него обойтись; но без умного совета, когда настает в нем крайняя нужда...

– Пойдем, пойдём! – прервал слова его дед, и на лице старца изобразились заботливость и беспокойство.

Вошед в уединенную комнату, пан Артамон запер за собою двери и, севши на лавке, произнес:

– Ну, дорогой внук! начинай свое открытие.

Он не успел сказать более ни одного слова, как Никанор, со всем смирением раскаивающегося грешника, припал к ногам его и со слезами на глазах начал рассказывать о своем и друга своего падении, случившемся на баштане пана Харитона. Старик, выслушав все до конца, покачал головою и печально говорил:

– Вот до каких последствий доводит нас излишняя безрассудная надеянность на свои силы! И самый сатана из блистательнейших духов, парящих окрест престола всемогущего, не сделался бы мрачнейшим чудовищем в преисподних геенны, если бы не возомнил, что он могущественнее, нежели каков был на

самом деле! Но что пролито, то полно не бывает. Видишь, что в несколько минут можно так напроказить, что во всю жизнь памятно будет!

Надобно поправить порчу, и чем скорее, тем лучше! Повинуйтесь моим приказаниям и надейтесь на бога.

Тогда пан Артамон потребовал, чтоб Никанор и друг его Коронат в тот же день повечеру обвенчались на милых грешницах, но хранили б сие в непроницаемой тайне. Он назначил для сего и церковь, священник коей издавна был ему хороший приятель, о чем и мы уже знаем, равно как и о дальнейшем образе жизни новобрачных. Теперь будет уже для нас понятно, куда Никанор и Коронат скрылись после побега из храма их любви – из хаты шинкаря Кирика и подъяремницы его Улитты. Пан Артамон принял их с лаской и доброхотством, и когда услышал о происшедшем, то сказал с улыбкою:

– Теперь настало время и вам действовать. Вчера получил я письмо от давнишнего моего приятеля, старшины батуринского, который по просьбе моей ни на минуту не выпускает из виду пана Харитона и дел его, производящихся в тамошней канцелярии: от него-то известно мне о имеющем вскоре последовать определении, по силе коего как пан Харитон, так и отцы ваши лишены будут всего имения и выгнаны из домов своих. Сегодня же отправьтесь в Батурин, а я

снабжу вас письмом к помянутому старшине, нужным количеством денег и наставлением, как действовать, дабы под чужими именами, пользуясь крайними обстоятельствами пана Занозы, заслужить его доверенность, обязать одолжениями и всеми мерами постараться довести до того расположения и дружбы, до которых ловкие молодые люди без особенного труда всякого довести могут! Поезжайте с богом и все дальнейшее предоставьте моему попечению.

Время от времени вы будете получать от меня извещения о здешних обстоятельствах и равным образом уведомлять меня о себе и об успехах в нашем общем намерении.

Молодые друзья отправились в дорогу; приступим же и мы к окончанию сей повести.

Глава XXII

Быстрые шаги от вражды к согласию

Два следующие дня, которые провел пан Харитон со всем семейством на прежнем своем хуторе, пролетели как одна радостная, счастливая минута.

Родители с несказанным удовольствием примечали, что занимательные, столько необходимые для них запорожцы час от часу сильно прилеплялись к дочерям их, и как Анфизе были они совершенно известны, равно как и прежняя связь их и ее последствия, то она – на глаза своего мужа – казалась весьма холоднокровною в таком деле, от окончания коего зависело будущее всех их благосостояние или конечная гибель.

– Ты совершенно беспечная, неразумная мать, – твердил он всякий раз, когда случалось быть им наедине, – что, когда молодые достойные люди начинают казаться влюбленными в дочерей твоих, ты не стараешься выказать ни одного их достоинства, ни одного из совершенств душевных или доброт сердечных! Ты до такой степени невнимательна к собственной своей пользе, к своему спасению, что, отправляя-

ьясь сюда с хутора пана Артамона, взяла их с собою без праздничных даже платьев! Разве не знаешь, что если самую белую овечку выпачкать в грязи и навозе, то она походить будет на самого гадкого поросенка? Не думаю, чтобы благодетельный старик, сделав столь много для нас доброго, до сей поры оставил жену мою и дочерей таскаться в том же платье, в коем их вывез из села Горбылей.

Анфиза слушала его с улыбкою и на сильные упреки мужа обыкновенно отвечала:

– Погоди, друг мой! Придет время, так и мы не хуже других принарядимся!

В продолжение сего времени молодые запорожцы – мы не находим за нужное отнимать у них сие название, подружившее их с таким человеком, от коего некоторым образом зависела дальнейшая их участь, – успели уже несколько раз побывать в домах панов Иванов и по возвращении оттоле не могли нахвалиться ласковым приемом. Пан Харитон первоначально спросил:

– Не было ли и обо мне речи?

– И очень много!

– Верно, их ругательства и злословия не иссякали?

– Совсем противное! Они от всего сердца радуются, что добрый дядя их не им одним оказывает благодеяния. Даже Иван старший, который показался нам

сердитее, угрюмее и надменнее своего друга Ивана младшего, при расставанье сказал: «Объявите временному соседу моему, пану Харитону, что если и он, подобно нам, переменил свои мысли и правила, то хотя бы прожил несчетные годы, мы готовы быть – при жизни нашей – добрыми его соседями; а при смерти – завещаем своим детям сохранить тот же образ мыслей и поступков. Уверьте его, что я сколько был зол на него за смертную обиду, нанесенную моим кроликам, столько злюсь теперь на самого себя за поражение, сделанное мною колом по его макуше!»

– Насилу образумился! – молвил пан Харитон, – но что вы ничего не скажете о старших сыновьях их, которые, для отличия от прочих детей шляхетских, по десяти лет мучимы были в Полтаве над латынью?

– Мы их не видали; ибо они довольно давно по семейным делам усланы к некоторым родственникам. Впрочем, если можно верить свидетельству отцов о своих детях, то Никанор и Коронат молодцы неглупые, отважные и могут служить опорой родителям во время старости!

– Что-то не верится! – сказал протяжно пан Харитон, – я и от сказочников не слыхивал, чтобы ученые сыновья когда-либо заботились о беспомощной родне своей! Впрочем, это до нас не касается.

На третий после сего день около полудня Анфиза

сказала своему мужу:

– Тебе уже известно, что по милости пана Артамона мы жили на его хуторе вместе с семействами панов Иванов. Жены их и дочери весьма любезны, миролюбивы и незлоязычны: они, утешая нас в несчастьи, наперерыв старались делать нам возможные угождения и услуги; позволь же мне теперь с дочерьми навестить их и тем исполнить долг благодарности и доказать, что не менее других знаем правила благопристойности!

Пан Харитон, хотя после некоторого упорства, склонился, однако, на представления жены, и она немедленно с Раисою и Лидией отправилась на хутор пана Ивана старшего, где – разумеется – оба семейства их ожидали.

Пан Харитон, оставшись один с любезными своими запорожцами, сел у окна и, смотря в задумчивости на голубятню, считал на досуге птиц, садившихся на крышке для отдыха после воздушного плавания; молодые друзья подошли к нему, уселись по обе стороны и, также смотря на голубятню, помогали, казалось, старшему брату поверять его счета. Приметно было, что на сердце у каждого лежало много, и даже почти наверное можно бы сказать, о чем они размышляли, но ни один не вымолвил ни слова. Такое стеснительное положение было для всех весьма неприят-

но, а особливо для людей молодых и влюбленных, и потому сии последние решились прервать молчание и приступить к делу.

Глава XXIII

Давно желанное предложение

– Послушай, пан Харитон! – воззвал Никанор торжественно, – что скажу я от своего имени и от имени своего младшего брата! Хотя мы и недолгое время провели с любезным твоим семейством, но столько пленились красотой и многими достоинствами дочерей твоих, что без них не можем быть счастливыми!

Если ты не находишь причины переменить обещание, данное нам на дороге сюда из Батурина, и если искательства наши у прелестных сестер сделали какое-либо на сердца их приятное впечатление, то не отрекись дать нам родительское благословение и назови своими сыновьями!

У пана Харитона заблестала радость в пасмурных дотеле взорах, и щеки его покрылись краской удовольствия, давно ожидаемого и наконец полученного.

Несколько мгновений смотрел он с нежностью на своих юных братьев и потом, взяв обоих за руки, произнес:

– Я человек простой и чистосердечный и потому без всякого притворства скажу, что предложение ваше исполняет сердце мое неизъяснимою радостью! Не подумайте, что причиною оной есть выкуп моего име-

ния, как вы обещали, – нет, нет! – а единственно то, что и вы с своей стороны понравились дочерям моим; ты – середний брат – Раисе, а ты – младший – Лидии. Они признались в сем матери, от которой ничего скрытного доселе не имели. Теперь-то чувствую, сколько господь бог правосуден и милосерд! Он не оставил меня без наказания за соделанные беспутства и преступления; но, видя чистосердечное раскаяние и склонность к исправлению, он милует и посылает способы к счастью. С этой минуты хотя истребятся между нами сладостные имена братьев, но место их займут еще сладостнейшие имена отца и сыновей! Подите же, любезные дети, в мои отеческие объятия и примите мое благословение!

Юноши обняли его с сыновнею горячностью и осыпали руки его поцелуями.

Пан Харитон, со слезами на глазах взглянув на небо, произнес:

– Боже! прими сердечную клятву мою: все силы души моей посвящены будут отныне на дела, тебе угодные, чрез которые бы мог я со временем сказать: «Правосудный! Ты не неблагодарному благоволил даровать счастье!»

Когда все опять уселись на прежних местах, то Никанор произнес:

– Пан Артамон столько сделал нам одолжений,

столько оказал ласки и доброты, что необходимо надобно о намерении нашем его предупредить и просить о принятии участия в будущих наших праздниках. Я уверен, что такая с нашей стороны вежливость будет для него приятна, а доставлять столь почтенному мужу возможное удовольствие да будет для нас всегдашним законом!

Ты, пан Харитон, останешься здесь, а я с другом бросимся на коней и полетим в гостеприимный хутор!

Они распрощались, и пан Харитон, оставшись один, предался сердечной, безмятежной радости, хотя несколько и досадовал, что нет с ним жены и дочерей, в коих сердца мог бы перелить избыток своего восторга и видеть всех счастливыми.

Когда он не знал, чем бы лучше занять волнуемые мысли свои и отогнать злейшего неприятеля всякого удовольствия – скуку, и только хотел было раскурить трубку, как двери в комнату его растворились и к нему вошли – о Апеллес, о Рафаэль или кто другой из подобных вам искусников! изобразите на полотне или на дереве состояние пана Харитона, в какое пришел он от сего совершенно неожиданного явления: к нему вошли оба паны Иваны!

Сколько ни храбр был пан Харитон, но тогда совершенно потерялся; лицо его изменилось, и он, не двигаясь с места, на котором стоял, произнес:

– Прошу присесть! конечно, что-нибудь необыкновенное?

– Ты отгадал, – отвечал с дружескою улыбкою Иван старший, – если бы милосердие божие и добродетели дяди нашего не сделали спасительного переворота в умах и сердцах наших, то мы погибли бы навсегда со всем потомством! Одолжение твое, оказанное дозволением жене и дочерям посетить жен и дочерей наших, наложило на нас приятные узы благодарности: для сего пришли мы к тебе побеседовать, а после посмотрим, нельзя ли будет поладить делом, какое в головах наших затеялось!

Пан Харитон дал знак слуге, и в одну минуту явилось на столе несколько сулей с разноцветными наливками. С обеих сторон как потчеванье было самое дружелюбное, так и принятие оно нелицемерное. Неприметным образом сердца пирующих расширились для ощущения живой радости, во взорах каждого блистали кротость и дружелюбие, и всякое слово сопровождается было веселою улыбкою.

Глава XXIV

Приятный отказ

Тогда пан Иван старший, обратясь к пану Харитону, произнес:

– Мы весьма довольны твоими ласковыми словами и дружеским угощением, однако собственно не затем пришли сюда. Тот весьма был разумный человек, который первый сказал: «Не купи себе двора, а купи соседа!» Мы, кажется, начали образумливаться и, вероятно, не затеем более позыванья; но чтобы прочнее связать узы возобновленного дружества и навсегда истребить корни столь долгое время существовавшей вражды, злобы и ненависти, то мы нашли к сему самый верный способ: у каждого из нас, обоих Иванов, есть по одному возрастному сыну, и ты имеешь двух милых дочерей, которые в тех уже летах, что пора помышлять о замужестве! За несколько времени до того ужасного дня, когда жену твою с детьми выгнали из дому, сыновья открылись нам в любви к дочерям твоим и умоляли дать им наше благословение. Статочное ли было это дело по тогдашним обстоятельствам! Мы от всего сердца желали тебе конечной погибели, ибо и не воображали, что с участью твоею неразрывными узами скреплена будет и наша

участь. Посему, дав каждому любовнику по несколько добрых ударов киями, с великою грозою запретили произносить в присутствии нашем имени Раисы и Лидии; а чтоб скорее любовный чад выпарился из голов их, то мы отправили обоих к шурина моего на хутор, верстах в тридцати отсюда находящийся, где они и до сих пор проживают. Теперь, при перемене наших обстоятельств, переменились мысли наши, и мы весьма бы охотно назвали дочерей твоих любезными невестками. Если и тебе, пан Харитон, предложение наше не противно, то ударим по рукам и назовем один другого добрыми сватами. Нарочный гонец сегодня же поскачет к сыновьям нашим; завтра они будут здесь, а послезавтра – ты будешь иметь двух новых сыновей, а мы столько же дочерей.

Пан Харитон сидел в великой задумчивости, и на лице его видно было некоторое неудовольствие и досада. Однако ж он скоро оправился и, взглянув на соседей с добросердечием, сказал:

– Истинно жалею, что такое предложение слышу от вас уже поздно и исполнить требование ваше совершенно не в силах. Вы знаете несколько двух молодых запорожцев, прибывших сюда со мною из Батурина. Им обязан я всем, что могу назвать еще своею собственностью, то есть жизнью, целостию рассудка и – душевным спокойствием, которое ношу в сердце сво-

ем. Они полюбили дочерей моих и посватались. Посудите сами, мог ли я в чем-либо отказать столь достойным молодым людям, которые – не говоря уже об истинных благодеяниях, мне доселе оказанных, – обладают весьма многими достоинствами, из коих самое меньшее есть достаточное состояние их родителей. Не скрою от вас, дорогие гости и соседи, обещания женихов, что как скоро сделаются они мужьями, то непременно выкупят у пана Артамона сей хутор и дом в селе Горбылях в мою пользу. Как ни высоко ценю добродетели вашего дяди, но искренно сознаюсь, что жить незаслуженными благодеяниями посторонних людей для непривычного к тому человека весьма неприятно, горестно!

– Кинем же это, – воззвал пан Иван старший, – и представим, что о сем предмете ни одного слова говорено между нами не было! Если не можем породниться, то и раздруживаться не надобно. Сыновья наши еще молоды и хотя не скоро, но все же выкинут из голов и сердец теперешние глупости, а особливо когда узнают, что их любезные невозвратно принадлежат другим!

Прощай, пан Харитон! Я ожидаю тебя завтра к себе отобедать со всем родством твоим и с друзьями запорожцами. Ты сим обрадуешь всех нас несказанно, ибо уверишь, что примирение наше не есть дело при-

хоти, лицемерия или своекорыстия.

Они расстались, и пан Харитон, провожая их до ворот двора, уверял честным словом урожденного шляхтича, что он довольно с давнего времени перестал на них злобиться, а с настоящего часа начал считать за истинное счастье быть третьим в их союзе и что никогда не изменит сего намерения, если и они противиться не станут.

Глава XXV

Брачные условия

В самые сумерки запорожцы возвратились, и по их веселым лицам пан Харитон заключил, что они очень довольны приемом хозяина.

– Что же скажете? – воззвал он с нетерпением, – что отвечал вам пан Артамон? Доволен ли нашим распорядком? Будет ли к нам на свадьбу?

– Ты сейчас узнаешь образ мыслей его, – сказал Никанор, – и согласишься, что он более желает собратиям своим счастья, нежели мы когда-либо от него ожидали. Выслушай и суди. Как скоро узнал он, что намерение наше в исполнении своем приближается к желанному концу и что ты от всего сердца согласен составить наше счастье соединением с прекрасными дочерьми твоими, причем объявили общее искреннее желание видеть его с почтенною супругою и друзьями принимающего участие в нашем веселии, то пан Артамон с сияющими от внутреннего удовольствия взорами произнес: «Хорошо, друзья мои, все очень хорошо распоряджено; но я, будучи и в ваших летах, при намерении начать что-нибудь новое всегда хотел предварительно узнать, какие из того произойдут последствия! Посему не осудите, если я сделаю вопрос: что

станете вы делать, женясь на дочерях пана Харитона? Положим, что я, сколько склоняюсь на желание ваше, столько и следуя движению моего сердца, соглашусь весьма выгодно уступить вам как хутор, так и горбылевский дом, со всеми принадлежащими к ним угодьями, но что из того произойдет? Вы, верно, не захотите подражать великому множеству молодых наших шляхтичей, которые, быв рождены и вскормлены, подобно всем домашним животным, не знают за собою других обязанностей, как в урочное время жениться, народить детей, также вскормить их и с равнодушием ожидать посещения смерти? Обязанности к обществу и отечеству для такого трутня суть слова, совершенно не имеющие значения. Итак, я полагаю, что вы, женясь на своих любезных, увезете их на свою родину, где они, сколько от непривычки к новому образу жизни и обращению с людьми, для них чуждыми, столько и от мыслей, что осиротевшие, неутешные их родители, при всем изобилии в житейских потребностях, горюют беспрестанно и при каждой мысли о милых дочерях, составлявших наслаждение для души и сердец их, проливают горькие слезы...»

– Перестань! – воззвал пан Харитон прерывающимся голосом, и слезы покатались из глаз его, – перестань! это живое, справедливое описание будущих ощущений моих прежде времени терзает мою внут-

ренность! О мудрый, сердобольный старец! никогда не быв отцом, ты превосходно чувствуешь, что значит быть им!

– Послушай далее, и ты утетишься, – сказал Никанор и продолжал: – «Что же будем делать? – спросил я, – чтобы, удовлетворяя страстному желанию сердец наших, не могли наносить тем тоски и горести сердцам других?». – «Я о сем обстоятельстве думал прежде вас, – отвечал он значительно, – и думал тем обстоятельнее, что вижу себя в деле сем посторонним человеком, принимающим в нем одно дружеское участие. Послушайте: как скоро женитесь вы на дочерях пана Харитона, то я, не требуя ни малейшей платы, отдам в вечное и потомственное владение его как хутор, на коем он теперь проживает, так и дом его в Горбылях и приложу все старание, чтобы родители ваши с семьями своими, оставя Сечь, переселились на всегдашнее жительство к нам. У меня довольно хуторов с панскими домами, хорошо устроенными, где могу разместить их с большею удобностию, нежели с какою размещаются они теперь на своей родине. По глазам вашим вижу, что вы в полной мере одобряете мое предложение; но, молодые друзья! делая всем вам возможную угодливость, я потребую и от вас жертвы, которая, впрочем, нимало не тягостна для людей благородно мыслящих, и жертва сия будет

состоять в следующем: по прошествии года после женитьбы, когда увидите, что любовь ваша не бесплодна, вы с мужеством должны вырваться из объятий милых жен и пуститься в Полтаву – послужить отечеству. Молодость, изобильная силами души и крепостию тела, делает человека в это время жизни к тому способнейшим. Ты, Дубонос, вооруженный копьем и саблею, причислен будешь к тамошнему полку; а ты, Нечоса, с пером в руке и чернилицею за поясом, сядешь за канцелярским столом и будешь отличать проворством пальцев и твердостью терпения. Мне довольно известны ваши нравы и способности. Но чтобы беспрерывными трудами не изнурить себя так, что после – еще в цветущие лета – сделались бы неспособными к продолжению с ожидаемою пользою службы, а притом порадовать молодых жен и оба семейства, вы в каждое лето можете на несколько недель брать увольнение и, проведши время сие в объятиях родственной любви и дружбы, с новыми силами пускаться опять к полезным занятиям! Согласны ли вы на мое предложение?» Вместо ответа мы бросились в его объятия и едва могли произнести: «О Артамон! как умеешь ты благодетельствовать!»

Пан Харитон, чрезмерно растроганный, возведя благоговейные взоры к небу, воззвал:

– Боже! даруй мужу сему блаженство на небеси;

а на земли он уже блаженствует, делая всех окружающих его счастливыми и полезными.

Глава XXVI

Чего недостает еще к свадьбе

Слово, данное панам Иванам, было в точности сдержано, и на другой день пан Харитон со всем семейством и своими друзьями обедал у Ивана старшего, где – разумеется – находился и Иван младший со всем домом. Как сватовство запорожцев не было уже тайною, то и поздравления были бесчисленны. Ничто не могло сравниться с восхищением пана Харитона, видевшего, что его дочери беспрестанно переходили из объятий новых друзей его панов Иванов в объятия жен их. Он не мог надивиться, каким чудом злейшие враги его в столь короткое время могли обратиться в искренних друзей и совершенно забыть об отверженном предложении насчет женитьбы сыновей своих на его дочерях; а что всего более казалось ему задачею, то было обхождение обоих Иванов с запорожцами, которое уподоблялось самому дружескому. Весь день проведен с общим удовольствием, и при расставанье паны Ивановы дали слово участвовать в свадебном празднестве. Когда пан Харитон с домашними возвратился на свой хутор, то нашел в доме великую суматоху. Целый обоз с припасами съестными и питейными прислан был от пана Артамона, и множе-

ство стряпух суетилось на кухне. Настало утро вождественное, столь нетерпеливо всеми ожидаемое, и все в доме пришло в сильное движение. Крестьяне и крестьянки в праздничных одеждах явились на панский двор и благочинно встречены были домашними слугами и служанками. По обе стороны у заборов расставлялись длинные столы для будущего пиршества. У самого схода с крыльца толпились машкары и искусники с гудками, волынками и цимбалами. Вершники^{27}, высланные на дорогу для встречи пана Артамона с гостями, прискакали с уведомлением, что он со всеми спутниками уже в виду, и тогда все домашние собрались в большую комнату, куда вслед за ними явились паны Иваны со своими семействами. Пан Харитон и молодые друзья его одеты были в кармазинные запорожские платья с золотыми кистями, шитые батуриным жидом Давидом, Анфиза, а особливо ее дочери блистали в пышных шелковых нарядах, каковых они дотолле и не видывали. Будучи сами по себе прелестны, они тогда казались несравненно еще прелестнее, и пан Харитон не мог ими налюбоваться. Смотря то на женихов, то на панов Иванов, жен их и детей, он, казалось, говорил: «Это мои дочери! Не правда ли, что они прекрасны, умны, добродетельны?» Все присутствующие понимали значение его взоров, и – стыдливые невесты потупляли глаза в землю, а прочие улы-

бались.

Вдруг на панском дворе раздался радостный вопль: пан Харитон и его гости бросились к окнам и увидели катящуюся праздничную колымагу пана Артамона, за коею следовало множество колымаг, бричек и возков. Все бывшие в доме выбежали на крыльцо для встречи добродушного хозяина с его провожатыми. Само по себе разумеется, что учтивости – от чистого сердца вырывавшиеся – были со всех сторон бесчисленны; на лице каждого блистала непринужденная радость, все обнимались между собою как родные любящие и любимые братья и сестры и в сем порядке вошли торжественно в большую комнату.

Глава XXVII

Желанная развязка

Смятения, происходящие от избытка сердечной радости, не могут уменьшить чувствований веселящихся, а посему пан Артамон, не дожидаясь, когда утихнут общий шум и восклицания, сказал пану Харитону:

– Что же мы не видим дорогих невест? Их только недостает, чтобы пуститься в Горбыли для отслушания божественной литургии и совершить, что следовать будет!

Пан Харитон дал глазами знак жене, и она пошла, но – к удивлению всех, шагами нетвердыми и закрывая попеременно глаза то тою, то другой рукою.

Вскоре после выхода явилась она опять, а за нею следовали обе дочери ее, держа каждая на трепещущих руках по прекрасному малютке. Все гости остолбенели, а пан Харитон задрожал, побледнел и опустился на скамью, подле коей стоял. Анфиза, паны Ивановы, их жены и дети утирали глаза, и один пан Артамон пребывал не только покоен, но даже весел. Рариса и Лидия, подошед к отцу, стали на колена, и каждая, подняв вверх своего младенца, трепещущими губами в один голос произнесла: «Батюшка, будь милостив и – прости!»

Пан Артамон, видя, что у пана Харитона волосы стоят дыбом и страшные, мутные глаза неподвижно обращены были к дочерям его, коими незадолго он столь много гордился, подступив к нему с ласкою, произнес:

– Что же ты, любезный друг, задумался в такую минуту, когда должно быть веселу и даже говорливу? Встань и надлежащим образом благослови дочерей и – внучат!

Пан Харитон заскрыпел зубами, судорожные движения разливались по лицу его и по всему составу. Ему представилось, что злобные паны Ивановы заманили в свои сети легковерного дядю и в присутствии такого множества шляхтичей и шляхтянок сделали из него позорище сколько постыдное, столько и убийственное. Добрый пан Артамон, сжалясь над его состоянием, воззвал:

– Ты, конечно, извинишь нас, что столь долгое время таили от тебя истину. Если бы открыли тебе несколько ранее все происшествия, случившиеся по отъезде твоём в Полтаву между твоими домашними, то – ты погиб бы непременно! Подними же дочерей и заключи их в родительские объятия, а после прижми к своему сердцу мужей их, сих молодых, великодушных людей, сих запорожцев, моих любезных внуков, сыновей панов Иванов – Никанора и Короната!

Попытай, кто хочет и надеется, верно изобразить взор и движение, обнаруженные тогда паном Харитоном! Сначала уподобился он пораженному громом или оледенелому, окаменелому истукану; но скоро луч божией благодати проник во глубину сердца его, озарил и оживил мрачную и изнемогшую душу его: он привстал и, возвыся руки к небу, воззвал:

– Премилосердый! неужели я, грешный, удостоен тобою толикого счастья?

С быстротою ветра поднял он дочерей с их малютками, заключил в свои объятия и со слезами нежности говорил к предстоящим:

– Я предсказывал, что дочерям своим обязан буду спасением, и пророчество мое теперь исполнилось! Добрые мои запорожцы! неужели из любви к дочерям моим не усумнились вы подвергнуться заключению в темницу и сделаться моими избавителями? О паны Иваны! сколько много благодетельствовало вас небо, даровав сыновей столько достойных!

Пан Харитон переходил из объятий отцов в объятия детей, и пан Иван старший сказал:

– Если ты считаешь нас счастливыми, что имеем детьми своими сих запорожцев, то не менее того и ты должен быть доволен, что дочери твои избрали себе мужей, их достойных. В заключение скажу, что после всеблагого бога мы дяде Артамону обязаны величай-

шею благодарностию!

Общее веселие разлилось на лицах всех присутствующих. Все хотели видеть вблизи прекрасных малюток, которых пан Харитон, выхватя из объятий матерей, держал на обеих руках и, осыпая поцелуями, позволял каждому к ним приближаться и ласкать всячески. Щеки молодых матерей пылали от сердечного веселия; Анфиза и жены панов Иванов с упоением радости смотрели на общее восхищение, и пан Харитон вскричал:

– Если я вкушаю теперь блаженство, большее, нежели какое вкушал когда-либо во всю жизнь свою, то обязан сим милосердому богу и благодетельному Артамону! Поспешим же принести усерднейшие благодарения наши во храме всевышнего, а после – за веселым обедом – поблагодарим нашего гостеприимного хозяина.

Глава XXVIII

Заключение

По желанию его все в точности исполнилось. Пан Артамон, все его родные, все друзья и гости слушали священнодействие в той же самой церкви, где за год пред тем совершено памятное нам бракосочетание. Из всех горбылевских шляхтичей один пан Агафон извещен был от пана Ивана старшего о сем нечаянном событии и приглашен со всем родством сперва в церковь, а потом на хутор пана Харитона; но, несмотря на сие, церковь наполнена была всеми, сколько-нибудь знавшими того или другого из сих шляхтичей. Хотя пан Харитон и оба паны Иваны ни одним взором не обнаруживали превосходства своего пред прочими, но сие не избавило их от злости, зависти, насмешек и почти явного кощунства. Пан Харитон ясно это видел и, взглядывая на прекрасных дочерей своих, весело улыбался; паны Иваны не менее его были в сем случае проницательны и, также взглядывая на достойных сыновей своих, с бодростию смотрели каждому в лицо и также улыбались. Такое со стороны сих панов невнимание к прежним своим доброхотам, столь ревностно помогавшим им мудрыми советами в каждом позыванье, так оскорбило сих последних, что

как скоро окончилась литургия, все они и с семействами – один за другим – убрались из церкви, и, кроме приглашенных да нескольких крестьян и крестьянок, никого там не осталось.

– Так и надобно, – говорил пан Харитон, сходя с церковного крыльца рядом с паном Артамоном и его племянниками, – я согласен, что гордиться и поднимать нос пред кем бы то ни было из того только, что бог ниспослал нам более даров своих, нежели другим, есть признак замершей души и окаменелого сердца; но и того назову глупою головою, безрасчетною, кто с одинакою готовностью отдает, всего себя истинному другу, благодетелю и бездушному нахалу, который некогда всемерно ласкал его безумствам только для того, что яствы и напитки глупца услаждали гортань бессовестного!

При въезде на панский двор они встречены были радостными воплями крестьян и крестьянок, собравшихся из всех трех хуторов, и мусикийские орудия^[28] – гудки, волынки и цимбалы – подняли такой звон, писк и рев, каких со времени основания хуторов тех никто там и не слыхивал. Когда все приезжие уместились за столами, в трех комнатах расставленными, то сельский священник благословил хлеб и вино, и – пиршество поднялось всеобщее, ибо в то же время домашние служители угощали на дворе толпы крестьян-

ские.

По закате солнечном начались прощанья до следующего дня. По распоряжению пана Артамона пан Иван старший повел к себе сына Никанора с Раисою; за ним последовал пан Иван младший с Коронатом и Лидиею. Жены их несли малюток на руках, быв сопровождаемы прочими детьми своими, и вскоре каждое семейство скрылось в своем доме. Для гостей, остававшихся еще у пана Харитона, гостеприимный пан Артамон назначил местопребыванием на все свадебные празднества свой большой хутор, куда они и отправились. Когда остались одни домашние, то пан Харитон, провожая древнего друга своего в назначенную для него опочивальню, с чувством благоговения произнес:

– Теперь только в полной мере чувствую, и ничто в свете не искоренит из души моей сего чувства: одни добродетельные могут быть истинно счастливыми!

Несколько дней сряду продолжались празднества по порядку в домах панов Харитона, Ивана старшего и Ивана младшего; наконец – все успокоилось.

Посетители, отблагодарив хозяев за самое дружеское угощение, разъехались по местам своим. Вскоре и пан Артамон собрался в дорогу с своею седою подругою. При расставании он с дружелюбием, но вместе с важностию произнес к собравшимся семей-

ствам:

– Друзья мои и дети! расставаясь с вами, я даю обещание посещать вас сколько можно чаще. Надеюсь, что всякий раз, когда вступлю ногою на землю, кому-либо из вас принадлежащую, я ничего ощущать не буду, кроме радости в сердце и спокойствия в духе. Оставляю вам поместья ваши в таком виде, что при добром устройстве они время от времени будут приходить в лучшее состояние. Помогайте один другому, чем можете, и вы увидите, что от сего не только никто ничего не потеряет, но, напротив – каждый будет в выигрыше.

Молодые люди! помните условие, незадолго между нами заключенное. Исподволь приготавливайтесь, чтобы с наступлением будущей весны охотно могли отправиться в Полтаву. Я сам, вместе с отцами вашими, провожу вас. Но как до сего остается еще довольно свободного времени, то я поручаю тебе, Коронат, описать историю позыванья, происходившего между твоим тестем, отцом и его другом; о пагубных последствиях оного и о счастливом окончании, за которое единственно должно благодарить святой промысл, так милостиво прощающий всякого грешника, чистосердечно раскаивающегося. Чтение сей повести сколько будет полезно для вас, столько и для всякого другого, а особливо для тех несчастных, в сердцах

коих злой дух позыванья начнет разливать яд свой!

Добродушный старец уехал, дав родительское благословение всем, от старшего до младшего, и верное предание гласит, что когда он ни посещал дома своих родственников, то всякий раз был весьма доволен, находя между обитателями оных мир, дружбу, любовь и – счастье! Коронат также исполнил желание деда, и из его-то записок выбрал я для своей повести то, что показалось мне нужным и приличным.

Комментарии Два Ивана, или Страсть к тяжбам

Впервые: «Два Ивана, или Страсть к тяжбам. Сочинение Василья Нарезного», ч. 1–3, М., 1825. Книга увидела свет уже после смерти автора.

В Собрании сочинений Нарезного «Романы и повести...», СПб., 1835–1836, «Два Ивана...» были помещены в третьем и четвертом томах.

Впоследствии роман неоднократно переиздавался. Включен в оба вышедшие в советское время сборники сочинений Нарезного 1933 и 1956 годов.

Появление «Двух Иванов...» было с удовлетворением встречено рецензентом «Московского телеграфа» (1825, ч. IV, Ль 16, с. 346–347).

Подробный и пронизательный отзыв поместил на страницах того же журнала (1825, ч. VI, Ль 22, с. 175–184) П. Вяземский, который охарактеризовал Нарезного как создателя русского оригинального романа (подробнее об этом отзыве см. во вступительной статье к настоящему изданию).

В общем сочувственно отозвался о новом произведении Нарезного и рецензент «Северной пче-

лы» (1825, Лъ 94), повторю при этом и обычные упреки в отсутствии «образованного вкуса». «С прибавлением сего последнего качества к числу прочих дарований... Нарезный стал бы наряду с почетными русскими литераторами. Теперь известность его ограничена, и если бы кто сказал, что он имел больше дарований, нежели сколько имеют многие, – по мнению приятелей, знаменитые литераторы, – то сказал бы тот совершенную правду, и однако же ему не поверили бы».

Белинский, Добролюбов и другие критики причисляли «Двух Иванов...» к лучшим произведениям Нарезного (см. об этом выше, в комментариях к «Бурсаку», с. 469–470).

Неоднократно указывалось и на то, что некоторые описания и детали в этом произведении предвосхитили Гоголя – историю тяжбы в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», ночное путешествие бурсаков в «Виен» и т. д. (см., в частности: Н. Котляревский. Николай Васильевич Гоголь. 1829–1842. Изд. 4-е, исправленное. Петроград, 1915, с. 61). Эти переклички и совпадения обуславливались прежде всего общностью этнографической и культурной почвы, на что обратил внимание еще дореволюционный исследователь: «Относительно Гоголя вернее всего, кажется нам, объяснять совпадение

его с Квиткой и Нарезным общностью источников: анекдотов, данных народного быта, народных преданий и – той литературной традицией, которая шла, не прерываясь от первых годов возникновения малорусской литературы, в стенах школ XVI века, вплоть до выступления на литературное поприще Гоголя» (В. Перетц. Гоголь и малорусская литературная традиция. – «Н. В. Гоголь. Речи, посвященные его памяти...». СПб., 1902, с. 54).

«Два Ивана, или Страсть к тяжбам» выходили в переводе на чешский (1959) и польский (1962) языки.

comments

Комментарии

1

...*Федор Павлович Вронченко* (1780–1852) – товарищ Нарезного по Московскому университету; в 1820 г. был назначен начальником отделения в Министерстве финансов; впоследствии стал министром финансов.

2

...настоящий Девкалионов потоп... – Согласно древнегреческому мифу, Зевс, разгневанный преступлениями людей, устроил всемирный потоп, пощадив только Девкалиона и его жену Пирру, известных своим благочестием.

3

...петь псалмы и стихеры... – Псалом – религиозное песнопение, входящее в состав Псалтиря; стихеры, или стихиры – песнопения на библейские мотивы.

4

...имеющего при себе священный эгид Минервин... – Здесь: защиту. Среди атрибутов греческой богини Афины (соответственно в древнеримской мифологии – Минервы) был щит.

5

...под ударами огненного меча архангела Михаила... – В библейской мифологии архангел Михаил является вождем небесного воинства в борьбе с темными силами ада, поражая их огненным мечом.

6

...похожие на булаву Геркулесову... – Согласно древнегреческим мифам, Геракл (у римлян – Геркулес) носил с собой огромную палицу, сделанную из вырванного им с корнем оливкового дерева.

7

...полтавские Амфионы... заревели... – Амфион – в древнегреческой мифологии – сын Зевса, считается древнейшим музыкантом Греции.

8

...о всеблагая мати Ахтырская! – В Ахтырке, уездном городе Харьковской губернии, находился собор, построенный по плану Растрелли в 1753 году; здесь хранилась знаменитая икона Ахтырской божией матери.

9

...пропели уставом... – Устав – здесь: способ, манера пения, установка.

10

Это объяснение содержится в романе Н. Нарезного «Аристион, или Перевоспитание», СПб., 1822, с. 48: варенуха – «употребительное питье между простолюдинами Малороссии».

...пособляли... осушивать корчаги... – Корчага – большой глиняный горшок или чугунок.

12

...с большим вниманием, чем халдейские астрономы... – Халдеи – семитические племена, жившие в 1-й половине 1-го тысячелетия до н. э. в Южной Месопотамии. Халдеи славились своей высокой образованностью, поэтому слово «халдей» часто служило синонимом мудреца, звездочета, прорицателя.

13

...в преддверии своего элизиума... – то есть своего блаженства. (В древнегреческой мифологии Элизиум обитель блаженных в потустороннем мире.) Стр. 338...тридцать две копейки с деньгою. – Деньга – здесь: полкопейки.

14

Эскулап – в древнеримской мифологии бог врачевания (соответствующий древнегреческому Асклепию). Здесь – врач, лекарь.

15

...любимую кармазинную черкеску... – Кармазинный – из кармазина, сукна темно-красного цвета.

16

«Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых»

– Псалтирь, 1,1.

Пусть некоштные паны Иваны не веселятся! –
Некоштный – здесь: «негодный».

18

...занятого сшиванием тютюна в папуши. – Тютюн – табак. Папуша, или папуха – связка сухих листьев.

19

...мельничное кало (коло) – колесо.

20

В такие горбылевские Пафосы и молодые щеголи не дерзали являться без приличных подарков... – Пафос – очевидно, храм любви. Близ города Пафоса на Кипре, по преданию, родилась богиня любви Афродита, выйдя из пены морской; здесь же был построен посвященный ей храм.

...Кто может быть... лучшею Иридою... – См. примечание к «Бурсаку» на с.

22

...Верность хозяина и хозяйки зависела от их чливости... – Чливый (от честить и чтить) – вежливый, учтивый, почтительный. Здесь в значении: платящий долг благодарности, щедрый.

23

...Скупиться или быть чивым... – Чивый – щедрый, тороватый.

...скитаются, как плащеватые цыгане. – Плащеватые цыгане – очень бедные, полунагие, бродячие цыгане (возможно, обозначение «плащеватый» происходит от слова «плащ» или же слова «площица» – тельная вошь). Описание плащеватых цыган содержится в «Российском Жилблазе...».

Он уподоблялся тогда древнему инок, который... не чувствовал, как протекли тысяча лет... – Этот сюжет, принадлежащий к числу бродячих, отразился во многих произведениях, в частности, в памятнике древнерусской литературы – «Великое зеркало». Нарезный мог знать этот сюжет и по произведению Н. М. Карамзина «Райская птичка», о чем свидетельствует следующее совпадение деталей: в легенде инок отсутствовал триста лет, у Карамзина (как и у Нарезного) – тысячу лет.

26

...сочинял речь по всем правилам хрии... – Хрия – система правил для составления речи или сама речь, составленная по этим правилам.

Вершники – верховые.

...музыкальные орудия... подняли такой звон... –

Музыкальный – прилагательное от слова «муза»;
здесь – музыкальный.

...объяснено в повести моей под названием «Бурсак». – Слово «оселедец» объяснено Нарезным в примечании к повести «Запорожец»: «На макуше головы небольшой клочок волос во всю их длину, который завивается за ухо» (Василий Нарезный. Новые повести, ч. III, СПб., 1824, с. 140).